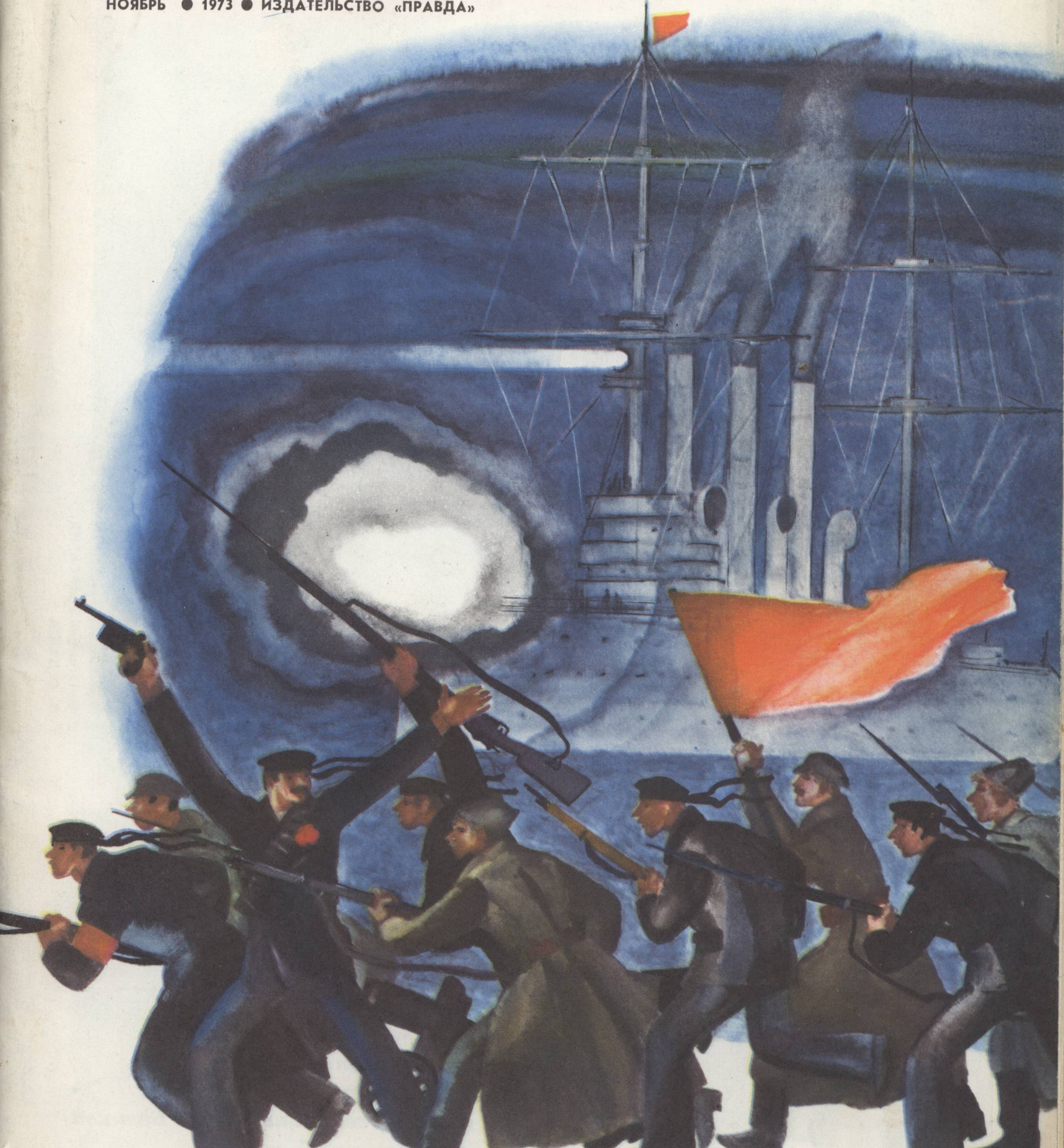
ПИОНЕР 11

НОЯБРЬ ● 1973 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фотографии В. АРСИРИЯ,
Э. СЕДАША

Ленинград и Севастополь,
Брест и Одесса,
Москва и Волгоград,
Керчь и Новороссийск...
Торжественная тишина.
Ветер чуть шевелит кисти
багряного знамени.
В торжественном молчании
замер пионерский пост.
Мы помним
героев Революции, героев Великой
Отечественной войны!
Слава их бессмертна!

НА КРЕЙСЕРЕ «АВРОРА»

Василий ФЕТИСОВ

В сурово-серой синеве
стоит «Аврора» на Неве.
В зенит, где самолетов гул,
уходят мачт верхушки.
Наш пионерский караул
стоит у главной пушки.
А люди
толпами идут
к «Авроре» через мост.
Гордимся мы,
что держим тут
такой почетный пост!

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
НОЯБРЬ 11
Издательство «Правда»
Москва 1973 г.

РАВНЕНИЕ НА ПИОНЕРСКОЕ ЗНАМЯ

ЦВЕТ РЕВОЛЮЦИИ

РАССКАЗ-БЫЛЬ

Валентин ТАРАС
Рисунки В. РУДЕНКО

Фашистская армия ворвалась в наш город на пятый день войны, и первых гитлеровских солдат мы увидели так: в наш двор влетел на полном ходу мотоцикл с коляской, круто развернулся возле колонки и остановился. Мотоциклистов было двое, но второй сидел не в коляске, а позади водителя — в коляске лежала одежда солдат и какие-то фанерные таблички. Солдаты были в одних трусах, с автоматами на голой груди, в сапогах и в касках.

Солдат, сидевший за водителем, слез с мотоцикла, подошел к колонке, за ремешок подвесил каску к кончику крана, ладонью утер пот со лба, вопросительно посмотрел на нас,— мы, мальчишки, настороженно стояли поодаль.

— Нихт вассер?

Мы поняли, что он спросил, но молчали; только Ленька замахал рукой: качать, качать!

— Альзо!—кивнул солдат и заработал ручкой колонки. Кран всхлипнул раз-другой, и вода пошла, сразу перелилась через края каски. Солдат оставил ручку, снял каску с крюка и вылил из нее воду себе на плечи.

— Гут, я?

Он кивком подозвал к себе Леньку, тот опасливо подошел, и солдат показал ему руками, чтобы Ленька качал воду. И Ленька стал ее качать. Ленька по кличке «Кусочник». А солдат пил из-под крана, подставлял под него каску и обливался. Потом с мотоцикла слез водитель и тоже напился из-под крана, тоже подставлял под него каску и выливал воду себе на плечи, на грудь, на волосатые ноги. Затем он пошел к мотоциклу, нагнулся над коляской, стал перебирать таблички. Выбрал одну, вернулся к колонке и стал прилаживать к ней эту табличку—в дырочку на табличке была продета проволочка. «In gutten Zustand» было написано на серой фанерной дощечке — «Исправно».

Солдаты еще немного постояли возле колонки, надели каски и пошли к мотоциклу. Водитель снова порылся в коляске, в руках у него оказалось что-то вроде пачки печенья, он показал ее Леньке и с присвистом бросил ему эту пачку, как бросают собаке кусок хлеба. И Ленька-Кусочник поймал ее на лету, как собака. Солдаты засмеялись, а мы смотрели и молчали, и тогда водитель стал зачем-то показывать нам другие таблички, которые лежали в коляске,— одну за другой.

Это были не таблички, а дорожные указательные стрелки, и на них было написано черными угольчатыми буквами:

«Orscha»,
«Smolensk»,
«Mockau».

— Москва — капут! — сказал солдат и снова засмеялся.—Русский—капут!

Мы молчали, все, даже Ленька-Кусочник. Он, правда, был занят: разорвал обертку подачки и рассматривал, принюхиваясь, что это. Это были галеты.

— О,— воскликнул второй солдат,— ви мольшать!.. Пионирен? Кляйне советише коммунистен, я? Пионирен-капут! Чик-чик!

«Пионеры? Маленькие советские коммунисты, да?» Это мы поняли.

— Чич-чик пионирен,— повторил солдат и при этом дважды провел ребром ладони по горлу, уселся на заднее сиденье.

Водитель погрозил нам пальцем, сел за руль, пнул сапогом стартер и сразу дал газ. Мотоцикл подпрыгнул и умчался.

Так мы увидели их впервые, а спустя два дня мы увидели их знамя.

— У них знамя тоже красное!

Эту новость принес Ленька-Кусочник, он побывал со своим папашей на другом конце города, возле Дома правительства, который уцелел при бомбежке и на котором, как рассказывал Ленька, фашисты вывесили свое знамя.

И мы все, кроме Леньки-Кусочника, вышли со двора в свой Пушкинский переулок.

Мы пошли туда, к Дому правительства, потому что не поверили Леньке-Кусочнику, не поверили, что фашистское знамя красное.

Мы увидели его за много кварталов, потому что никаких кварталов не было, а были одни развалины, груды битого камня и кирпича, пепел, зола, черные печные трубы. И знамя, которое мы увидели издали, тоже было черным!

Но когда мы подошли поближе, когда вышли на площадь Ленина, то увидели, что оно все-таки красное... Оно было красное, но в центре его был белый круг, а в круге — черный фашистский знак.

— А Кусочник божился — красное!— с презрением сказал Женька Гринкевич.—Какое оно красное, если на нем фашистский знак?

Перед Домом правительства по-прежнему стоял памятник Ленину, но к нему были приставлены раздвижные пожарные лестницы, и на перекладинах копошились фашистские солдаты. Мы сразу поняли, что эти болотнозеленые мухи готовятся сбросить памятник.

Мы стояли и смотрели, стояли на том же самом месте, где совсем недавно, в мае, выстраивалась торжественная пионерская линейка, и мы вспоминали, как стояли в рядах этой линейки и красные галстуки пламенели у нас на груди. И вот теперь на фронтоне Дома правительства висело их знамя...

Его яростно трепал ветер, то распластывал, то морщинил, и казалось, черный паук в центре белого круга судорожно сучит, перебирает лапами, изо всех сил цепляется за полотнище, как будто ветер вот-вот сдует его вместе с белесым гнездом с багряного шелка, мы еще не знали и не могли знать, что этот ветер — ветер Великой Отечественной войны — будет дуть четыре долгих года...

Мы, шестеро ребят из Комаровки, пионеры 13-й средней, трое белорусов, русский, поляк и еврей, еще не знали и не могли знать, что нас ждет, не знали, что двое из нас уйдут в партизаны, что всего лишь через три месяца фашисты убьют Рувку Мильштейна, что умрет от скоротечной чахотки Лешек Ярошевский, потому что не будет ни врачей, ни лекарств, ни молока, ни хлеба... Ничего этого мы не знали и не могли знать. Мы знали только одно: они не победят! Они не возьмут Москву! Они не пройдут!..

— А все ж таки почему у них красный цвет, а, пацаны?— спросил Лешек уже по дороге домой.— Это же цвет революции, а они фашисты!...

Ответ на вопрос Лешека мы получили, когда познакомились с дядей Костей.

Он как-то незаметно, тихо появился в нашем дворе, стал жить в осиротевшей комна-

И Ленька стал качать воду, а солдат пил из-под крана, подставлял под него каску и обливался...

тенке Мильштейнов, потому что их переселили в особый район, в гетто.

Кто он и откуда, никто не знал, но мы, мальчишки, сразу потянулись к нему, потянулись к его спокойствию и уверенности. Почти все мы остались без отцов, в первый день войны они ушли в Красную Армию, а матери в первые месяцы оккупации были растеряны и подавлены; и немногие оставшиеся мужчины были подавлены, ошеломлены — никто не хотел отвечать на наши вопросы: почему фашисты пока побеждают, почему у них красный цвет на знамени, почему папаша Леньки-Кусочника стал служить фашистам?

На все наши вопросы нам хмуро отвечали, что это не нашего ума дело, что мы должны держать язык за зубами, если хотим жить...

Дядя Костя не считал, что это не нашего ума дело, он знал: в тринадцать лет человек понимает все. Конечно, он не сразу стал с нами до конца откровенным, с месяц он присматривался к нам, изучал, что мы за люди.

Но наступил день, когда он объяснил нам.

— Они просто воры, ребята,—сказал он.— Они подлые воры, они украли красный цвет революции. Но это не просто кража, это еще и подлый обман. Они знают, что нет на свете более великой и прекрасной идеи, чем идея социализма. Вот они и назвали свою бандитскую партию национал-социалистской, украли красное знамя и посадили на него своего паука. Красный цвет и болтовня о социализме нужны им для того, чтобы легче было обманывать людей.

Но ничего у них не выйдет! Я вот смотрю на вас и думаю: нет, не выйдет!

Я что хочу сказать? Даже вас, мальчишек, они не смогли обмануть красным цветом на своем знамени, сердце вам подсказало, что фашистского паука с красным цветом не помиришь.

Смотрю на вас, ребятишки, и вижу вас в красных галстуках!.. Вижу!.. Выдерживайте испытание, пацаны! Ведь теперь что важно? Чтобы каждый честный советский человек видел на тебе твой красный галстук, когда ты его не можешь надеть. Понятно? Я вот тоже свой билет партийный при себе не ношу, не положено мне его сейчас иметь при себе. И взносов партийных давно не плачу. Задолжал!...

Он помолчал и сказал сурово:

— Взносы, конечно, каждый коммунист платить обязан. Но теперь партийный взнос — это твоя жизнь. Вот как дело обернулось— и для настоящих коммунистов, и для комсомольцев, и для пионеров.

Он снова помолчал, а когда заговорил, голос у него потеплел:

— Пионеры, правда, и в мирное время взносов не платят, но теперь и от них революция требует стоять насмерть... Ведь недаром у вашего галстука цвет революции...

Мы сидели на лавочке в палисаднике, под окном комнатенки, в которой теперь жил дядя Костя, официально водопроводчик жилотдела городской управы. Кто он на самом деле, мы не знали и не должны были знать. В тринадцать лет человек понимает все.

Дядя Костя вдруг стал задумчивым и немного грустным, обнял за плечи меня и Женьку Гринкевича, сказал, как бы думая вслух:

— Цвет революции, цвет пролетарского знамени, цвет пионерского галстука... Это— одно значение. Вешний цвет — второе. Вот вы, ребятишки, вешний цвет революции, вы ее лепестки... Буря кругом, лихой ветер, огонь, смерть, но надо удержаться!.. Надо во что бы то ни стало удержаться! И я верю, что вы удержитесь — ведь я вижу на вас красные галстуки!.. И про вас скажут когда-нибудь: цвет народа... Это значит самые лучшие его сыны!..

Глубокой осенью сорок первого года дядя Костя исчез.

Однажды наш двор окружили гестаповцы, трое из них бросились в комнатенку дяди Кости, стали взламывать дверь, взломали, но дяди Кости и след простыл!..

Больше нам не довелось встретиться, мы так ничего о нем и не узнали, но он всегда оставался с нами, и в тот день, когда мы решили сжечь сэбээмовскую площадку, он тоже был с нами рядом.

СБМ означает союз белорусской молодежи. Это была полуфашистская молодежная организация, которую создали прислужники гитлеровцев — белорусские буржуазные националисты. В СБМ был детский отдел для ребят нашего возраста, и для них решено было создать детскую площадку. Это только так называлось — площадка, на самом деле это была целая школа, которая разместилась в длинном бревенчатом бараке на Беломорской улице.

Сэбээмовские активисты ходили по дворам, составляли списки ребят в возрасте от восьми до четырнадцати лет, говорили, что на детской площадке будут дважды в день кормить супом, давать пайку хлеба, а кто проявит активность, тому выдадут новую одежду.

Матери в большинстве и слышать не хотели об этой площадке, они были напуганы, потому что сочетание букв СБМ расшифровывалось в народе как «смерть белорусской молодежи», и сразу пошли слухи, что списки детей составляются для того, чтобы отправить их на донорские пункты, где у них будут брать кровь для раненых фашистских солдат.

Дядя Костя знал, что в тринадцать лет человек понимает все.

На самом деле было еще хуже. СБМ хотел заманить в свои сети детей, воспитать из них националистов, сделать из них фашистских прислужников. Сэбээмовцы хотели украсть наши души...

Мы с Женькой решили сходить раз-другой на площадку, посмотреть, что там и как, узнать все, потому что мы решили ее сжечь.

Мы побывали на первом — единственном — уроке. Прошел он так: в класс быстренькими шажками вошел плотненький, низенький человечек с усиками, мясистыми щечками, с гладко зализанными волосами, с острыми глазками—он был похож на сытенького, кругленького, подвижного паучка. Паучок помахал короткой лапкой, чтобы все садились, обернулся к висевшему на бревенчатой стене портрету Гитлера и быстро трижды поклонился своему фюреру. Потом паучок сел за стол и, буравя нас своими острыми глазками, сказал, что его зовут спадар Гурко или Журко, не помню. «Спадар»— это было обращение националистов, что-то вроде слова «господин».

Когда паучок заговорил, мы сначала ничего не поняли. Все мы прекрасно знали белорусский язык. не только белорусы, но и русские и поляки, да и как мы могли его не знать? Мы же родились и росли в Белоруссии, в ее столице. Но мы почти не понимали паучка, потому что он говорил на каком-то исковерканном белорусском языке, мы тогда еще не знали, что это язык белорусских националистов, придуманный ими и построенный так, чтобы в нем не было ничего похожего на русский, ничего близкого к русскому. Они хотели уничтожить признаки кровного родства двух славянских народов, Паучок, увидев, что мы плохо его понимаем, заговорил обычно. Он сказал, что великая армия фюрера принесла нам избавление от ига российского коммунизма... И еще он сказал, что мы больше не пионеры. Красный галстук — это тряпка, портянка, и с ней нужно сделать то, что сделал один из нас, Леник, сын уважаемого «спадара» Себалевича.

— Леник!—обратился паучок к Леньке-Кусочнику, который сидел за первой партой, у самого стола.— Скажи им, Леник, что ты сделал с этой красной тряпкой?

Кусочник встал и каким-то гыгыкающим голосом объявил:

— Я надел ее на шею пугалу в огороде!

...Так он сказал!..

— Правильно, Леник!— воскликнул паучок и вскочил со стула.

Он бегал перед нами, махал короткими лапками, буравил острыми буркалами каждого из нас,— у него теперь были не глазки, а буркалы, острые, злобные, безжалостные, и кричал, что СБМ пробудит в нас национальное самосознание, воспитает из нас «настоящих белорусов». А потом он объявил, что сейчас будет перерыв и мы получим в столовой суп и пайку хлеба. И что за этот суп и хлеб мы должны низко поклониться армии фюрера — это она дала нам их.

Старания паучка пропали даром, почти все ребята ушли следом за Женькой Гринкевичем, почти никто не пошел в столовую есть фашистскую похлебку, хотя все были голодны. Голодны не один день, не два, а целых полгода. Но Женька Гринкевич — это был Женька Гринкевич!.. Мой самый лучший и верный друг.

— Нехай Кусочник вылизывает их миски,— сказал Женька.— Мы не собаки!..

Вечером в нашем дворе мы обсуждали, как сжечь площадку.

— Она как порох,— сказал Лешек Ярошевский, Лешек, который умер весной сорок второго года от скоротечной чахотки...— Подложить под крыльцо щепок, бумаги, с крыльца и загорится.

— Согласен,— сказал Женька.

Но нам не удалось сжечь эту площадку. Вместе с нами обсуждали эту затею и двое малолеток из второго и третьего класса, и один из них, Володька, серьезный такой пацан, как две капли воды похожий на маленького Горького, на Алешу Пешкова, пока мы таскали щепки и бумагу и запихивали их под крыльцо, зашел за угол и стал спичками поджигать паклю, которая торчала из пазов бревенчатого барака. Вспышки спичек уви-

Горели мосты и фашистские эшелоны, казармы и бронетранспортеры...

дела какая-то женщина, примчалась, стала кричать, выбежали другие матери, пошла заваруха... И когда женщины дознались, что мы задумали, они все насели на Женьку.

— Этого нельзя делать, Женя. Они вас всех убьют.

— Ладно!— сказал Женька Гринкевич.— Ладно, успокойтесь. Но я все равно буду их жечь, давить, как гадов.

И все замолчали.

Но пусть!.. Пусть нам не удалось сжечь площадку. Важно другое: почти все ребята пошли за Женькой, почти никто не остался хлебать фашистскую похлебку, даже маленький Володька, похожий на Алешу Пешкова. Никто не поверил паучку с его лживым языком, и все презирали, все ненавидели Леньку-Кусочника, который позорил, поганил свой красный галстук. Все пошли за правдой дяди Кости.

Эта правда увела Женьку и меня в партизаны, а в партизанах было настоящее дело: там горели мосты и фашистские эшелоны, казармы и бронетранспортеры, и небо было залито пламенем революции, которая продолжалась сражениями Великой Отечественной войны, и яростно дул ее опаляющий ветер.

Фашистского паука сдуло с багряного шелка, и сдуло того сытенького паучка с его лакейского стульчика, и сдуло папашу Леньки-Кусочника, и самого Леньку тоже —машина, в которой они бежали от Советской Армии, подорвалась на партизанской мине. И напрасно стал бы оправдываться Ленька-Кусочник, останься он в живых, что был-де мал и не понимал, что к чему, и потому предал свой красный галстук,— в тринадцать лет человек понимает все.

А на Доме правительства в моем городе висит государственный флаг Белорусской Советской Социалистической Республики. На нем два цвета: красный цвет революции и зеленый цвет весны. И звучит всюду белорусский язык—язык Янки Купалы, нормальный, красивый язык, родственный русскому.

Напротив Дома правительства стоит памятник Ленину. Ленинградский скульптор Манизер после войны восстановил его. В дни торжеств у памятника полощутся алые знамена и выстраиваются торжественные пионерские линейки. И на груди у ребят пламенеют красные галстуки, точь-в-точь как когда-то у нас. И мне кажется, что с нынешними пионерами идут и мои друзья—Женька Гринкевич, Лешек Ярошевский, Рувка Мильштейн—и я сам. И мне хочется повторить ребятам слова дяди Кости;

— Вы, ребята, вешний цвет революции, вы ее лепестки. Будьте честными, будьте смелыми, стойте за правду всегда и везде. Чтобы о вас могли сказать: цвет народа. Это значит лучшие его сыны!

МИНСК.

СТАРШИЙ В ДОМЕ

Валентин БЕРЕСТОВ

Отца на фронт призвали.
И по такой причине
Я должен жить отныне,
как следует мужчине.
Мать вечно на работе.
Квартира опустела.
Но в доме для мужчины
всегда найдется дело.
Слежу я за братишкой:
в порядке ли одежка.
Варю обед — в мундире
горячая картошка.
Полны водою ведра.
Подметена квартира.
Посуду мыть несложно:
на ней ни капли жира.
С невозмутимым видом,
солидным и достойным,
Во двор, к помойной яме,
иду с ведром помойным.
С трех карточек талоны
стригут мне в гастрономе.
Кормилец и добытчик.
Мужчина. Старший в доме.
Я искренне уверен,
что стал отцу заменой,
Хоть в жизни той далекой,
блаженной, довоенной
Отец не занимался
подобными делами.
Мать заменила папу.
Я помогаю маме.

Ты, я, наш отряд

На наших страницах было непривычно тихо и пусто. Мы огляделись вокруг и... в левом нижнем углу увидели ТУТ-КАК-ТУТА. Он, как всегда, проявился совершенно неожиданно, и при желании можно еще было понаблюдать за бумажным землетрясением, которое постоянно сопровождает его появление (вернее сказать, проявление).

ТУТ-КАК-ТУТ нас не заметил, он сидел за большим письменным столом (очень прямо, ничуть не сутулясь!) и ЧИТАЛ ПИСЬМА РЕБЯТ.

«Некоторые мальчишки в нашем классе плохо учатся. А когда мы хотим им помочь заниматься, они отказываются и говорят, что учебник каждый дурак может выучить, пусть этим занимаются девчонки, если они такие прилежные...»

Девочки из шестого класса «В»,

г. Черепаново.

«Наши девочки целыми вечерами сидят на скамейке перед домом и скучают. Мама посоветовала пригласить их к нам домой, послушать вместе пластинку с музыкой Бетховена, посмотреть хорошие репродукции. А девочки говорят мне, что на уроках они еще могут такое вытерпеть, а уж после уроков не согласны ерундой заниматься».

Таня СИДОРОВА, г. Ленинград.

«Наш отряд решил разыскивать первых пионеров. Но там, где мы живем, первых пионеров нет... Как же нам идти маршрутом «Равнение на пионерское знамя»?..»
Отряд имени Лени Голикова, Полевая почта.

ТУТ-КАК-ТУТ встал, прошелся по страницам и бросил свое обычное: «Пионерский салют! Я ваш друг, ТУТ-КАК-ТУТ!»

И тут мы заметили, что страницы вовсе не пустые. Все ребята, письма которых получил ТУТ-КАК-ТУТ, сидят и тихонечко, чтобы не помешать ТУТ-КАК-ТУТУ, ждут ответа.

— Нечего киснуть, — сказал ТУТ-КАК-ТУТ будто бы невзначай. — В плохом настроении никакой проблемы не решишь, ни на какой вопрос не сыщешь ответа. — И он открыл свою сумку, которая цеплялась за башмаки, вытащил оттуда много малюсеньких цветных шариков и

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

раздал всем присутствующим. Прямо на наших ладонях они увеличились сначала в три, потом в пять раз, а потом превратились в огромные шары, очень похожие на воздушные. Оказалось, это вовсе не воздушные шары, а вкусные-превкусные леденцы, которые можно сосать десять часов семь минут двадцать три секунды.

От этих леденцов плохое настроение стало хорошим, а хорошее настроение — просто прекрасным.

— Если человек временно не знает, как ответить на какой-то вопрос, — сказал ТУТ-КАК-ТУТ, — то это не такая уж большая беда. Беда, если никаких вопросов не возникает — значит, человек мало и плохо думает. А вопросы — это прекрасно! Ищешь решение и незаметно для себя становишься мудрым и взрослеешь. Ну, а если самому никак не одолеть свои сомнения, надо смело идти к людям, мнение которых уважаешь, и учиться мудрости...

Я попросил прийти к нам АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА МАРКУШЕВИЧА, РОЛАНА АНАТОЛЬЕВИЧА БЫКОВА и ВАЛЕНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА ИГОШКИНА. Они ответят на ваши вопросы.

Так он сказал и... исчез.

Девочкам 6 класса «В» из г. Черепанова отвечает Алексей Иванович МАРКУШЕВИЧ, вице-президент Академии педагогических наук СССР, доктор физико-математических наук.

Я бы прежде всего выяснил, что значит «учиться», слово, которое ребятам так часто говорят.

Одни считают, что главное — это выучить учебник, другие на учебник жалуются, говорят: он скучный и без него можно обойтись. По-моему, жалуются напрасно.

Учебник — это космодром, с которого ракета с космонавтом стартует в будущее. Самое интересное не на космодроме, а впереди, там, куда улетает ракета. Но космодром не обойти. Конечно, выучив учебник математики, нельзя считать, что знаешь математику. Рамки учебника узки. Но без него нельзя продвигаться дальше.

Одного учебника мало. А что же необходимо еще?

Целая жизнь, огромные знания, смелость понадобились Николаю Копернику, чтобы сделать свое открытие. А началось с того, что он обратил внимание на обычное явление: солнце всходит на востоке, а опускается на западе — и спросил себя: а как же на самом деле? Для того, чтобы сделать открытие, оказывается, не надо ехать за тысячи километров в поисках редкого, исключительного. Но находить загадки рядом не просто. Найти загадку да еще сформулировать ее как научную проблему — это уже две трети научного открытия.

Но тот, кто обладает этим качеством, учиться по-настоящему умеет.

Я, к сожалению, не могу похвастаться, что, когда сам был школьником, прислушивался к разумным советам.

Я больше любил бегать с мальчишками по улицам. Но моим спасением была любовь к чтению. В книге ровными рядами строчек уложены открытия и наблюдения людей, которые умеют видеть необычное в самом заурядном, и они щедро делятся этим даром с нами. Я совершенно убежден, что человек должен читать каждый день, всю свою жизнь. Можно сделать простой подсчет. Если человек будет читать каждый день, то за неделю в среднем он сможет прочитать книгу страниц в двести. Значит, за всю жизнь он прочитает только около четырех тысяч книг. В одной Ленинской библиотеке их находится около 10 миллионов.

Как же тщательно должен выбирать человек себе книги... Когда представляешь эту совсем небольшую цифру — 4 тысячи, становится жалко времени для плохих книг про сыщиков и шпионов. Их читаешь и забываешь, они не делают тебя умнее и лучше.

Выбирая для себя книги, ты определяешь, что же для тебя важнее и интереснее. И тут очень поможет собственная библиотека. Книги, которые дороги, которые помогают, к которым постоянно возвращаешься, должны быть в твоей домашней библиотеке. Библиотека — продолжение самого тебя. Она растет вместе с тобой и сама как бы постоянно подталкивает тебя вперед.

Даже у хороших учеников бывают в школе срывы. Сначала получают двойку, потом запускают несколько разделов, а потом могут махнуть на все рукой... Самое главное, чтобы у тебя никогда не было чувства безнадежности, чтобы ты не считал, будто ни на что не способен. Наверстать всегда можно. Я рос в Сибири, в городе Семипалатинске. Мой отец был архитектором, очень образованным человеком. Он требовал, чтобы я по-настоящему занимался математикой. А я, может быть, из чувства протеста не занимался. И наступил момент, когда я получил за письменную работу по алгебре единицу. Даже не двойку, а единицу. Мое счастье, что у меня хватило сил не впасть в отчаяние. За летние каникулы я прошел весь школьный курс алгебры и геометрии.

Но наверстывать всегда трудней, чем делать вовремя. Ребята иногда считают, что взрослые напрасно пристают к ним со своими советами. Что ж... В конце концов ты сам придешь к тому, о чем тебе сейчас говорят. Но времени и сил на это уйдет намного больше.

семьям фронтовиков), был у меня серьезный недостаток. Я не любил читать. И вдруг неожиданно взял однажды с книжной полки комедии Мольера. Просто переплет красивый понравился. Прочитал до конца и был ошеломлен: для меня открылся мир книг.

В старших классах я изводил учителя литературы, спрашивая, может ли стихотворение Маяковского «Разговор на одесском рейде десантных судов: «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» называться так длинно — название больше подходит для диссертации. А через несколько лет Маяковский стал моим любимым поэтом, и на всю жизнь.

Балет я не понимал и не признавал до второго курса института. Может, был к этому не готов, а может, был прав, потому что видел только балерин «Москонцерта» на новогодних елках, а это действительно не балет. Первый раз увидел Галину Уланову, и балет стал моим любимым искусством. Все три встречи — с книгами, с балетом, Маяковским — все-таки произошли. Можно пожалеть, что они не произошли раньше, но мы встретились, не разминулись.

А было у меня и по-другому. Помню, родители первый раз повели меня в Третьяковку смотреть картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Я ужасно мучился, стеснялся, что ничего не понимаю, хотел поскорее уйти. После долго в Третьяковку не ходил. И чуть было мы не разошлись с искусством живописи.

В человеке должна идти борьба со своей душевной ленью, борьба, которая называется «воспитание самого себя». Не понимаешь — пытайся понять. В детстве случайно прочитал книгу о Франклине из серии «Жизнь замечательных людей». Великий человек заводил специальные карточки и ставил себе оценки за ложь, за непонимание... Я тоже завел себе карточки. Почти всегда у меня был дневник, но не для того, чтобы записывать, где я сегодня был и во сколько лег спать. В дневнике я вел с собой беседы, ругал себя за то, что не целеустремлен, что разбрасываюсь, что у меня нет воли. В дневнике однажды появилась запись: «Пусть хуже, но сильней». А позже появилась другая: «Какой я был идиот! Лучше — это и есть сильней». Если человек постоянно пытается совершенствоваться, то взгляд его на себя меняется.

Часто ребята, которые живут в маленьких поселках, деревнях, жалуются, что у них нет возможности ходить в театр, картинные галереи. По-моему, любой московский переулок — настоящая глушь, если ребята, которые там живут, целыми днями слоняются по двору, не зная, чем себя занять. Театр им не нравится, балет — ерунда, книги тоже. Плохо не то, что они так думают, а то, что не делают ни малейших попыток одолеть стену, которая отгораживает их от искусства.

Тане Сидоровой из г. Ленинграда отвечает Ролан Анатольевич БЫКОВ, кинорежиссер, заслуженный артист РСФСР.

Я очень хорошо помню свои пионерские годы. И никак не могу привыкнуть к тому, что ребята носят сейчас новую пионерскую форму: очень люблю форму наших лет — «белый верх, черный низ и шелковый пионерский галстук».

Несмотря на то, что я хорошо учился и даже командовал сразу двумя тимуровскими командами (мы жили тогда в Йошкар-Оле, в эвакуации, и ребята помогали семьям фронтовиков)...

В 1932 году я случайно стал вожатым. Нашему заводскому пионерскому лагерю срочно понадобился начальник. А начальник лагеря и старший вожатый были тогда в одном лице. В то лето у меня были другие планы: я собирался плыть на лодке по Волге, а вместо этого оказался в Монино в пионерском лагере. Как только прежний начальник, напутствовав меня, уехал, подходит ко мне самый любознательный пионер в лагере и говорит: «У нас на пионерском значке нарисован костер. А что это обозначает, я не знаю». Вопрос застал меня врасплох. Это был самый первый пионерский значок с изображением красного знамени, серпа и молота, костра, сложенного из пяти поленьев. Точного ответа у меня не было. Мой вожатский авторитет мог рухнуть в одну минуту. Но я нашелся. «Подожди,— говорю,— сейчас узнаю, как дела с обедом, приду расскажу подробно». Прибегаю на кухню к Шуре Четкиной, опытной вожатой. И тут схитрил. «Вот,— говорю,— ты вожатая, а знаешь ли ты, что изображено на нашем пионерском значке?».

Шура рассказала. С тех пор я точно знаю, что обозначают все пионерские символы. Ведь это тоже история пионерской организации. И без знания этого собирать и изучать историю пионерии нельзя.

Я думаю, что не обязательно всем пионерским отрядам разыскивать именно первых пионеров. Как-то я получил письмо с Сахалина. Ребята искали знамя пионеров 20-х годов. Знамя нашли, но работа не остановилась. Во время поиска ребята узнали о первом на Сахалине рыболовецком совхозе. Разыскали его председателя,

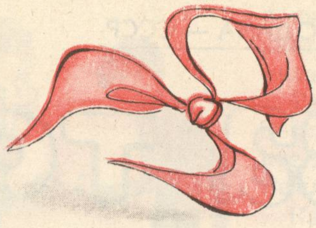
Отряду имени Лени Голикова отвечает Валентин Яковлевич ИГОШКИН, заведующий кабинетом истории Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина Московского Дворца пионеров.

тех, кто совхоз создавал. Даже написали историю этого совхоза.

А ребята из 325-й московской школы написали летопись своей дружины. В тридцатых годах одному из отрядов этой школы было вручено знамя юных коммунаров Барселоны, города сражающейся Испании. Во время Отечественной войны материалы об отряде затерялись. Ребята, которые сейчас учатся в этой школе, по крупицам собирали сведения об этом отряде, документы, фотографии. Нашли самих пионеров. И наступил день, когда в школе собрались взрослые люди, пионеры этого отряда, которым было очень радостно увидеться друг с другом и которые многое рассказали ребятам.

Можно разыскивать материалы о тех, кто создавал первые колхозы, или о тех, кто учился в твоей школе и прямо из школы ушел на фронт, или о тех, чьими именами названы улицы твоего города. Важно, чтобы этот поиск приносил людям пользу.

История Всесоюзной пионерской организации еще не написана. И каждая дружина, каждый отряд, каждый пионер может вписать в нее свою страничку.

ПИОНЕРСКИМ ВЕТЕРАНАМ

Слова В. ОРЛОВА
Музыка В. БОГАНОВА

В огне боев и в холоде буранов
Мечтали вы о нынешних дворцах.
Но дробь далеких ваших барабанов
Сегодня в наших слышится сердцах. } 2 раза

Мы не забыли ни живых, ни павших.
В музеях тихо. Трубы не трубят...
Но голосами горнов отзвучавших
Сегодняшние горны говорят. } 2 раза

Плывут года седыми облаками,
Листву сменяет новая листва...
В костре, зажженном нашими руками,
Бушует пламя вашего костра. } 2 раза

Вас обнимает нынешнее детство,
Для вас горнист играет поутру.
И до сих пор трепещет ваше сердце,
Как пионерский галстук на ветру. } 2 раза

— Надеюсь, эта встреча и твоему отряду поможет стать правофланговым в Марше «Всегда готов!» — снова послышался на наших страницах знакомый голос ТУТ-КАК-ТУТА, похожий на перезвон колокольчиков.

Он хитро посмотрел на всех, и его глаза-тарелочки весело начали вращаться.

Ловким движением он высоко подбросил свою шляпу, и когда шляпа, описав в воздухе несколько кругов, снова оказалась на голове ТУТ-КАК-ТУТА, поля ее стремительно кружились, напоминая огромную долгоиграющую пластинку. Мы все услышали песню.

Дело за тобой

Это был не диспут.

Людям, собравшимся в тот день во Дворце пионеров на Ленинских горах, спорить было не о чем. Они были единомышленниками.

Что же объединяло седого профессора и школьниц из подмосковного поселка Раменское, заместителя министра и московских ребят-биологов?

А то, что для них охрана природы не просто слова и благие пожелания. Для них это большая и упорная ежедневная работа. Школьники делают свои первые шаги, учатся, постигают науку умного, бережного, хозяйственного отношения к богатствам природы. Взрослые помогают им.

Дело за тобой, читатель!

К. Н. БЛАГОСКЛОНОВ, доцент биологического факультета МГУ, член Совета по природоохранительному просвещению при Президиуме АПН СССР.

Людей на Земле сейчас три миллиарда. К началу следующего тысячелетия будет еще больше. И каждый должен есть и пить, одеваться, иметь жилье и все необходимое для жизни. Для этого распахивают новые земли, рубят леса, охотятся на животных, строят гидростанции, добывают нефть, уголь и руду.

С каждым годом люди берут у природы все больше и больше, но богатства природы не бесконечны. Вот почему всех людей на Земле волнует сейчас вопрос о бережном расходовании богатств природы, об их возобновлении и сохранении.

В нашей стране ведется большая работа по охране природы. Об этом говорилось на XXIV съезде КПСС. Центральный Комитет КПСС и

Посмотри на эту фотогрифию и рисунки внизу. Каким веселым, светлым и здоровым был лес, пока не прошли по нему равнодушные и жестокие люди... Увидели бы они ежика, и ему бы не поздоровилось...

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Совет Министров СССР приняли специальное постановление по этому вопросу. Подписано Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. Этим должны заниматься сейчас все: государственные деятели, ученые, инженеры, молодежные организации и, конечно, вы, ребята, тоже.

Главное сейчас, чтобы каждый человек на Земле понял: охрана природы — это и его личное дело, и он обязан думать о будущем нашей Земли.

Как же найти свое место в общем деле? Где лучше приложить свои силы?

Я знаю, многие из вас серьезно занимаются охраной природы. Таким ребятам я и предоставляю слово.

Мы лесничие

Лида ЛУЖОНОВА, 7-й класс. Пласкининское школьное лесничество, Раменский район, Московской области.

Как мы работаем? Зимой занимаемся теорией — изучаем лесоводство. Весной и осенью все свободное время проводим в лесу. Сажаем деревца, пропалываем молодые посадки, собираем семена. В прошлом году собрали полторы тонны семян сосны, посадили тысячу молодых деревьев. Когда жарким летом у нас в лесу был пожар, помогали взрослым и спасли лес.

Летом у нас много туристов, мы разговариваем с ними, просим не захламлять лес, не оставлять после себя бумаги и банки, не разводить костров, где не положено. В нашем лесу много родников. Мы очищаем их, стараемся сделать пригодными для питья. Ставим рядом таблички, чтобы другие их не засоряли.

За это большое спасибо!

О. И. РОЖКОВ, заместитель министра лесного хозяйства РСФСР.

В прошлом году, когда Москва была в дыму от пожаров, тридцать школьников были награждены правительственными наградами за отвагу

на пожаре. Многие ребята так же, как Лида Лужонова и ее друзья, следили, чтобы люди в лесу не курили, не разводили костров. Время было тревожное, и мы гордимся, что школьные лесничества в те дни стали нашей поддержкой. Это большая сила сейчас — в республике почти 200 тысяч школьных лесничеств!

Сейчас мы ведем большую работу. Делаем посадки, восстанавливаем горельники. И везде, начиная от ухода за саженцами и кончая расселением муравьев, нам помогают ребята. Такие, как вы. И за это большое им спасибо.

Сто дуплянок каждый год

Света ЗЮЛИНА, 7-й класс, 792-я школа, пионерлагерь Кусковского химзавода.

В нашем лагере нет своего лесничества, но мы тоже охраняем лес вокруг. Очищаем его от сушняка, от хлама — много еще остается после туристов. Сделали мы специальные стоянки для туристов, развешиваем щиты, где сказано, что наш лес заповедный.

Мы посадили в нашем заповеднике пятьсот елочек и вот уже пятый год ухаживаем за ними. Весной развешиваем около сотни дуплянок и скворечников, охраняем муравейники, расселяем муравьев.

Все это делают ребята из Зеленого и Голубого патруля, а задания мы получаем от лесничества.

И еще у нас есть живой уголок, и в нем третий год живет лань...

Раны на земле

Лена ПАВЛОВА, 7-й класс, школа 534, кружок дендрологии Московского городского Дворца пионеров.

Мы изучаем костровища. Костровище — это рана на поверхности земли, очень опасная рана. Она долго не заживает, лет десять — двенадцать. Потому что, когда костер горит, температура доходит до шестисот градусов! А трава и перегной выгорают уже при ста пятидесяти градусах. Мы изучали, как зарастает костровище. Только на третий-четвертый год появляются первые проростки, сорняки по краям. На пятый-шестой год прорастает трава в эпицентре, и только на девятый-десятый, даже двенадцатый год костровище зарастает полностью.

А сколько вреда приносят костры, когда их раскладывают прямо в лесу, на молодых корнях деревьев! Нет того, чтобы разложить костер рядом, на поляне!

Надя ЗАХАРОВА, 7-й класс, школа 534.

Я видела сегодня, как две девочки хотели наломать веток, и остановила их, сказала им, что если каждый человек будет рвать, то исчезнут все деревья и кустарники. И девочки меня послушались.

Н. В. ГРУЗДЕВА, сотрудник Ботанического сада Академии наук СССР.

Я знаю, многие рассуждают так: как это пойти в лес и не принести букет цветов или хотя бы охапку веток? Конечно, приятно видеть на своем столе цветы. Но если каждый, попадающий за город, будет уносить цветы охапками — знаете, какой это нанесет вред природе вокруг городов!

Пустыня вокруг лагеря

К. Н. БЛАГОСКЛОНОВ.

Поднимите, пожалуйста, руки, кто был в пионерском лагере прошлым летом. Видите — абсолютное большинство.

А знаете ли вы, что вокруг пионерских лагерей так же, как и вокруг крупных городов, образуется пустыня? Исчезают все красивые растения, а нередко и трава.

Отчего это происходит? От большого скопления народа, к тому же чрезвычайно подвижного народа, который и цветы собирает и траву вытаптывает.

Бывает, в лагере устраивают соревнование: кто соберет самый красивый букет? Все собирают. Соберут букетов шестьдесят, а потом бросят их. А луг около лагеря остался без цветов.

Когда идешь таким лугом к лагерю, сразу заметно: чем ближе подходишь, тем меньше полевых цветов. И вокруг городов то же самое. Обыкновенная ромашка давно отошла от Москвы километров на тридцать, прекрасный цветок — белая водяная лилия — на пятьдесят — шестьдесят километров. Ближе их уже не найдешь. Так, Нина Васильевна?

Нужна помощь

Н. В. ГРУЗДЕВА.

Для каждого из нас должно стать законом — не трогать цветы, не трогать бабочек, беречь, охранять их.

Вы слышали о Красной книге, где записаны редкие и исчезающие на Земле виды животных? Ботаники составляют сейчас Красную книгу растений...

Вы, наверное, видели на рисунках красивый, изысканный по форме цветок — венерин башмачок. Это одна из самых прекрасных московских орхидей. Когда-то, не так давно, она росла на Ленинских горах, в дубраве на берегу Москвы-реки, в Измайлове, в Сокольниках. Сейчас это-редчайшее растение, которое под Москвой не встретишь. Люди его уничтожили. Под угрозой любка двухлистная, или ночная фиалка. Эти растения нежные, они трудно восстанавливаются и живут только в определенных местах.

Богатства природы не неисчерпаемы, и даже, казалось бы, невинная ловля бабочек для кол-

лекции или бездумное собирание гигантских букетов приносят природе непоправимый вред. Все понимают теперь, что животных надо беречь. А нарушать жизнь растений? Разве это безобидное дело?! Помните: в лесу, на лугу, на болоте вас окружают ценности, которые вы обязаны сохранить, сберечь!

Володя ПАВЛОВ, школа-интернат № 58, Москва.

Тринадцать лет назад на Ленинском проспекте построили нашу школу-интернат. Вокруг был пустырь. А мы с помощью ученых разбили в этой пустыне сад и цветник. Теперь у нас есть альпинарий, где растут двести видов растений Кавказа и Дальнего Востока. В нашем саду — тысячи растений нашей страны и других стран мира. Мы научились размножать белую кувшинку и раздали много растений школам и всем, кто хочет украсить ею водоемы. Во всех справочниках написано, и вот здесь говорили, что венерин башмачок — исчезающее растение. А у нас оно хорошо размножается. Еще у нас на участке коллекция растений — предков сельскохозяйственных культур, например, дикий ячмень.

Я думаю, школьники многое могут сделать. Тем более, что школам отдана огромная площадь. А рук у школьников — тысячи!

Малые реки — большая проблема

В. В. ЗЕЛЕНЦОВ, старший инженер Главного управления охраны водных ресурсов Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР, Герой Советского Союза.

Я хочу поговорить о малых реках. Это они, сливаясь, образуют наши главные водные артерии. Сохранить их полноводными настолько важно, что о малых и горных реках специально говорится в постановлении партии и правительства об усилении охраны природы.

Хотим помочь нашей Клязьме

Таня ТРУНОВА, 8-й класс, 5-я школа, г. Химки.

Мы пришли на Клязьму, смотрим, весь берег обрушен. Лезть по нему нельзя — осыпается. Это называется боковая эрозия. Она потому появилась, что на берегу нет никаких посадок. Где еще сохранились деревья и кусты — там и трава растет и берег зеленый. А так всюду сухая глина и трава жухлая.

Лена МИХАЙЛОВА, 8-й класс, 5-я школа, г. Химки.

Вода в Клязьме грязная, у берегов затянута какой-то пленкой, река мелкая, еле-еле течет. Когда скорость течения измеряли, едва дождались, пока поплавок пройдет контрольный участок... Местные жители рассказывали, что раньше вода была прозрачная, для чая брали воду из Клязьмы.

Таня ТРУНОВА.

Наверное, для каждой реки важно, какие у нее берега. А здесь мало того, что посадок нет, так еще скот пасут на низком берегу. От этого река заболачивается. Скот разбивает берег, берег превращается в болотистое месиво, почва загрязняется, заводятся вредные насекомые.

А эти ребята думают только о себе...

Нужна помощь взрослых

Таня ТРУНОВА.

Что можно сделать? Надо завести определенное место для выпаса, скот пасти подальше, а у реки сделать только площадку для водопоя.

И еще — надо защитить реку, посадить на берегах пять-шесть рядов кустарника. И так по всей трассе.

Все свои материалы по изучению реки мы отдали в горсовет. Горсовет поручил санэпидстанции проверить. Все подтвердилось. И в горсовет были вызваны все организации, которые расположены на берегах реки: совхоз «Путь к коммунизму», дом отдыха «Хлебниково» и другие. Им сообщили о нашей работе, и теперь мы ждем от них помощи.

Малым рекам можно помочь?

В. В. ЗЕЛЕНЦОВ.

Здесь верно говорили: главное — чтобы ни одного дерева не вырубали на берегах, а там, где нет деревьев, надо посадить.

Никакой вспашки не должно быть на берегах малых рек, особенно там, где они текут сре-

ди лугов. Вспашку можно вести только вдоль по течению, тогда вода не будет смывать почву с берегов.

Надо, чтобы вода в реке оставалась чистой. Увидели, что откуда-то в реку течет сброс, проследите, откуда он, сообщите органам водоохраны.

И вот еще что. Минеральные удобрения, ядохимикаты часто хранятся небрежно. После дождей они с ручьями воды попадают в реки. И за этим надо следить.

ВАНЯ ФИЛОНОВ, 5-й класс, школа № 10.

В прошлом году в реке Киржач дохла рыба, потому что фабрика «Октябрь» спускала свои отходы. Мы видели, как течет красная вода, и даже выловили мертвую щуку. Но тогда мы не знали, что делать, кому об этом сказать. Потом оказалось, что фабрика часто спускает в реку свои отходы, и ее часто штрафуют. Теперь и мы будем охранять Киржач.

В. В. ЗЕЛЕНЦОВ.

Надо обязательно держать постоянную связь с бассейновыми инспекциями по использованию и охране водных ресурсов. Можно получить консультацию и помощь прямо у нас в министерстве.

В. Г. ГЕПТНЕР, профессор МГУ, зоолог, член комиссий Международного союза охраны природы по редким и исчезающим видам и заповедникам.

Мне очень понравился наш разговор. Это замечательно, что вы — сегодняшние школьники — так правильно понимаете задачи охраны природы.

Когда я шел сюда, предполагал, что многое придется объяснять вам, убеждать вас. Оказалось, что собрался подготовленный народ. И это очень важно. Важно, как каждый человек относится к природе, понимает ли по-настоящему, что ее нужно охранять.

Люди должны четко осознать: я не один, а я один из многих миллионов. Если я пройду по газону — ничего не случится. А если вслед за мной пойдут все? Значит, делать этого нельзя.

Сегодня я видел, как ваши сверстники чрезвычайно охотно бегали по газонам Дворца пионеров. На многих трава уже вытоптана. Это, конечно, мелочь, но именно из таких мелочей складывается отношение к природе. Наверно, эти ребята успокаивали себя: я буду инженером, что мне за дело до охраны природы?

Если инженер считает, что его дело — заботиться о сбросе отходов в реку, а как это отразится на реке, его не касается, — это неполноценный инженер. Его неправильно воспитали. Если же он с детства понимает свою ответственность за сохранение природы, он иначе будет проектировать завод, прежде всего позаботится об очистных сооружениях.

Богатства природы можно сохранить при одном условии — при разумном, бережном отношении к ним. А это надо воспитывать с малых лет. Так что дело за вами!

СОВЕТ «ПИОНЕРА»

Итак, дело за тобой!

С чего же начать?

А вот с чего: в одиночку много не сделаешь. Решил помочь в охране природы — найди тех, кто у вас в школе уже занимается этим.

1. Подойди к вожатой, учителю биологии, узнай, **как записаться в Общество охраны природы.** И сразу же включайся в работу. А нам напиши о своем первом поручении.

2. Хорошо провести в каждой школе такую же встречу, как та, о которой ты сейчас прочитал. Вместе со старшей вожатой и учителем биологии подумайте, кого пригласить на встречу. **Пойдите к работникам рыбоохраны, местного лесничества, в отделение Общества охраны природы.** Все вместе решите, чем вы можете помочь природе своего края. Рассказ о встрече пришлите нам.

3. На улице ноябрь. Птицам голодно. Сделай кормушку, подвесь за окном или на дереве. Понаблюдай, какие птицы прилетят за кормом.

№7

ВСЕМ ЛИ ХОРОШО ЖИВЕТСЯ В ТВОЕМ ДВОРЕ?

У МОСКВИЧА ИГОРЯ КИРЮХИНА

ВОЗНИК ВОПРОС

В НАШЕМ ДВОРЕ, НА ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКЕ, СТОЯЛ ДЕРЕВЯННЫЙ ДОМИК. МАЛЫШИ ЦЕЛЫМИ ДНЯМИ ИГРАЛИ ТАМ.

ОДНАЖДЫ ВЫХОЖУ Я НА УЛИЦУ ПОГУЛЯТЬ, А ДОМИКА НЕТ. МАЛЫШИ ГРУСТНЫЕ СИДЯТ НА СКАМЕЙКЕ. ТАК ОБИДНО МНЕ СТАЛО. ДУМАЮ, БЫЛ БЫ У НАС ТИМУРОВСКИЙ ОТРЯД, ОН НИКОМУ НЕ ПОЗВОЛИЛ БЫ ВО ДВОРЕ БЕЗОБРАЗНИЧАТЬ.

КАК МНЕ СОЗДАТЬ ВО ДВОРЕ ТИМУРОВСКИЙ ОТРЯД?

ИГОРЮ ОТВЕЧАЮТ:

ЮРА РОДИОНОВ ИЗ КИЕВА:

У нас во дворе тоже есть беседка. Несколько вечеров мы с ребятами собирались в ней и читали книгу «Тимур и его команда». Потом мы стали играть в тимуровцев: делали вид, что совершаем вылазки на задание и что живем в военное время. Когда наши родители устроили субботник во дворе, мы тоже работали вместе с ними и поняли, что можем принести немалую пользу. Решили: хватит играть, нужно по-настоящему браться за дело. В этот же день покрасили беседку, установили скамейку во дворе, навели порядок на детской площадке.

Сейчас действует наша разведка. Она сообщает, где и кому срочно нужна наша помощь.

ОТРЯД ТИМУРОВЦЕВ ШКОЛЫ ИМЕНИ ГОРЬКОГО, г. СЕВАН

Разведка донесла: малышам детского сада, что находится в нашем дворе, нужно помочь. Мы пошли в детский сад, сделали веселые рисунки и приклеили их к шкафчикам, в которые малыши вешают свои платья и пальто. Теперь никто не перепутает свой шкафчик. Починили сломанные игрушки, сшили куклам красивые платья, а маленьким девочкам, которые тоже хотели научиться шить, показали, как делать выкройки.

Есть ли в твоем дворе спортивная площадка, уголок для малышей, цветочные клумбы, много ли деревьев? Познакомься с теми, кто живет в твоем доме, узнай, кому нужна твоя помощь. Устрой с друзьями для жителей своего двора концерт. Так ты поздравишь их с праздником Великой Октябрьской революции.

СПАСИБО ГАЙДАРУ!

Я целую неделю не был в интернате, прогулял, а когда вернулся в школу, объяснил, что у меня умер родственник, и все обошлось.

Через некоторое время мы всем классом обсуждали книгу А. П. Гайдара «Сказка о Военной Тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове». Мне стало стыдно за свою ложь, я встал и перед всем классом признался...

Андрей ЯКОВЛЕВ, г. Донецк

Рисунки А. АСТРЕЦОВА

Эдуард КОРПАЧЕВ

Рисунок М. ГУРОВА

Спицы в луче фонарика

РАССКАЗ

Закрутилось, завертелось колесо поставленного на руль дорожного велосипеда. И, пока оно вращалось бесшумно, пока мелькали бешеной каруселью серебристые спицы, Чертик успел посмотреть на полинявшее к вечеру, словно выскобленное, луженое небо и подумать о том, что скоро начнутся ночные гонки по асфальтированному шоссе.

«Старт в первом часу ночи. Мы должны успеть к последней электричке»,— вспомнил он с дрожью приятного волнения, охватившего все его гибкое, собранное, мальчишеское тело, слова старого гонщика Муховцева и перевел взгляд на соседний двор дачной улицы, где также готовился к ночному кроссу Муховцев, также держал свой неразлучный велосипед колесами к небу.

— Не восьмерит? — окликнул из-за редкой изгороди старый гонщик, такой приветливый, высокий, со впалыми щеками старикан.

— Не восьмерит! — крикнул Чертик, вспоминая вчерашнюю дальнюю прогулку с Муховцевым по лесной дороге, по колдобинам, рытвинам, по обнажившимся верхним корням деревьев.— А у вас? Не восьмерит?

— Чертик! — послышался в это мгновение из распахнутого окна мамин голос.— Неужели обязательно ночью? Ну гоняй сколько хочешь днем, разбивайся, травмируй себя и меня. Но зачем ночью?

— А у нас фонарики,— независимо и громко, чтоб слышно было и Муховцеву, отвечал Чертик, очень довольный необычностью предстоящего заезда, беспокойством мамы и тем, что она по-прежнему называет его этой придуманной ею и нравящейся ему самому кличкой — Чертик.

Но все-таки и его томило любопытство, он и сам все недоумевал, почему придумал Муховцев полночные состязания, а теперь как раз и удобно было спросить об этом.

— Обязательно к последней электричке? А если раньше?

— Стартуем ни минутой раньше, ни минутой позже,— твердо отвечал Муховцев.— И должны успеть к последней электричке.

— Слышишь, мам? Нам до зарезу нужно! — воскликнул Чертик, еще более томимый загадочностью заезда в кромешной темени, по пустынной в полночь дороге подмосковного поселка.

Может, Муховцеву и впрямь до зарезу нужно к последней электричке? Может, какую-то весть, какое-то письмо надо передать знакомому пассажиру? Или машинисту электровоза? Или кому-то другому, кто должен ожидать на безлюдном перроне? Иначе зачем такая точность? Почему должны стартовать в первом часу, а не раньше?

Все это было загадкой до поры до времени, и нечего понапрасну изводить себя всякими домыслами, надо положиться на старого гонщика и не опозориться перед ним, не спасовать и даже попытаться выйти вперед. Как хотелось ему на равных состязаться с Муховцевым, чье умение гнать велосипед без устали поражало и восхищало!

И Чертик опять крутнул изо всей силы толстую шину дорожного велосипеда, удерживаясь от искушения поставить велосипед на колеса, нажать на педали и — вперед, вперед!

Однако следовало поберечь и силы и азарт для ночного кросса.

А как измотались они оба накануне, в какую даль заехали на своих машинах, как не хотели признаваться друг другу в усталости, в боли, охватывающей икры ног! И все-таки они продолжали в достойном спортсменов темпе свое путешествие по окрестностям! Чертику временами даже хотелось разозлиться на старого гонщика, но когда показались наконец крыши и скворечники родного поселка, то отрадное чувство охватило его, и он понял, что старый гонщик не щадит себя ради того, быть может, чтобы из него, из Чертика, получился выносливый человек.

Колесо остановило свое вращение, застыли поблескивающие никелем спицы, и он не стал переворачивать велосипед в привычное положение, оставил его и вошел в дом, чтоб не видеть больше до старта Муховцева, чтоб вообще не думать о ночном старте.

А дома — опять расспросы, недоуменные возгласы:

— Ну куда вас гонит? Ну чего вам на станции? Ты хоть сам видишь смысл во всем этом, Чертик?

Никакого смысла в предстоящем заезде ему, конечно, пока не открывалось. Он постарался избавиться от назойливости взрослых, покинул дом и в сумерках, в тончайшем туманце побрел на дорогу, на ту дорогу, где они с Муховцевым стартовали всегда днем на своих велосипедах и вот теперь будут стартовать ночью.

«Да,— подумал он,— ночью, к последней электричке... Значит, есть смысл!»

Дорога, обсаженная с обеих сторон каштанами и липами, несла едва слышимый шелест деревьев, несла запах остывающего, отдающего дневное тепло асфальта, такой удивительный запах, напоминающий запах жареных семечек. И можно сколько угодно брести по дороге, жмуриться от света дальнобойных фар, отдаваться впечатлениям прожитого дня. Так всегда бывает, если идешь один: идешь, как зачарованный, и думаешь, думаешь.

Незаметно добрел он до молодого лесочка на окраине поселка, припомнил вчерашний изматывающий кросс и еще раз подумал с немым восхищением о Муховцеве — о том, что старый гонщик, некогда бравший призы в состязаниях на дорожных велосипедах, не сдает и поныне, никак не превращается в обыкновенного дачника, в какого-нибудь огородника с садовой лейкой, а надевает видавшие виды шорты и знай катается на велосипеде. Не дает пощады себе, своим дряхлеющим мышцам!

Вернувшись с лесной тропы опять на дорогу, он вдруг вспомнил о том, что не проверил фару, не сменил в ней лампочку, быстро заторопился назад и, как только оказался у дома, поставил велосипед на колеса, ввинтил приготовленную лампочку, приподнял и повертел колесо, посылая световые сигналы Муховцеву.

Никто не отзывался с соседнего двора, хотя была освещена и открыта веранда.

А потом свет на веранде соседнего дома вдруг погас, и Чертик подумал, что старый велосипедист выйдет из дому и сядет — увидит Чертика. И так они будут сидеть молча, видеть один другого в темноте и ждать урочного часа.

Однако никто не появлялся на крылечке соседнего дома, так что Чертик даже подумал, уж не улегся ли Муховцев спать, уж не подвох ли все эти приготовления и уговор насчет полуночного старта?

Он сидел со скрещенными руками, иногда вздрагивал, хлопал ладонью по оголенным локтям, расчесывал зудящие и отвердевающие наросты от комариных укусов, поеживался, позевывал, считал мысленно минуты медленно текущего времени. Считал, созерцал звездные рои...

— Ты пойдешь в дом? — строго спросила мама.

— Ну, пожалуйста, погоди! — попросил он, продолжая глядеть туда, на погруженный во тьму дом старого велосипедиста, все боялся, как бы не передумал Муховцев.

А что ему, между прочим, в этой гонке, какой смысл? И все-таки он знал, что уже не уснет, если даже и переменит Муховцев свое решение, потому что звало, будоражило, обещало азарт задуманное путешествие!

Мама еще не раз окликала его, наконец вынесла и вывалила на крыльцо одеяло и подушку.

А Чертик, то и дело шлепая себя по локтям, по плечам, по лодыжкам, почесываясь и проклиная комарье, приподнимался, поглядывал на тихий соседний двор. Наконец не вытерпел — подобрался к изгороди, отвел в сторону лишившуюся нижнего гвоздя планочку, проник в соседний двор, взошел на крыльцо и условленным, как ему представилось, стуком попытался вызвать Муховцева.

Старый велосипедист не вышел на стук, и пришлось возвращаться на обжитое свое крыльцо, запахиваться в одеяло, словно в плащ-палатку, коротать предстартовое время.

Кто знает, сколько томительных минут бдения так протащилось! Часов-то у него не было, он прислушивался к бормотанию диктора, к голосам радиоприемника, доносившимся из-за глухой стены, потом ему померещилось, будто ударили Кремлевские куранты, он вскочил, полусонный, сбросил одеяло и долго стоял в ожидании.

Муховцев не торопился на старт.

Тогда он понял, что обманулся боем Кремлевских курантов, и снова облачился в защитное одеяло, уселся и даже, кажется, соснул, приткнувшись головою к двери.

Очнулся он от яркой полосы света, резанувшей по лицу и выхватившей из темени его одеяльный кокон,—это появился на соседнем освещенном крыльце старый гонщик и хрипловато позвал:

— Ты готов? Фару проверил?

— Конечно! — крикнул Чертик и повел велосипед мимо цветочных грядок на улицу.

— Сейчас садимся, начинаем параллельный разбег, а от голубой будки — наперегонки. Имей в виду: времени в обрез.

— Вы мне скажите... скажите, пожалуйста: зачем нам к последней электричке?— трепеща от воображаемого им настоящего, тайного, отважного дела, которое предстояло обоим, искательно произнес Чертик.— А вдруг я первым буду на станции?

— Ты не будешь первым,— жестко прервал Муховцев и нажал на педали.

Обиженный таким откровенным ответом, Чертик дал зарок не спрашивать более ни о чем и следовать на колесо позади Муховцева. Не отставать, сидеть на колесе старикана и лишь потом, где-то в середине пути, предложить свой темп, вырваться вперед мощным спуртом. Уж очень самоуверен этот чемпион двадцатых годов!

Фонарик его велосипеда отнимал у тьмы заднее колесо противника, и спицы этого колеса серебристо посверкивали, как бы дразня своей круговертью. Так хотелось обойти старого велосипедиста уже на первых метрах пути, но не позволяли ему сделать этого деликатность и чувство досады от пренебрежительных слов: пусть тешится Муховцев, пусть упивается своим профессиональным умением, а там посмотрим. Да, еще посмотрим!

Так и мелькало чужое колесо в луче фонарика, мелькали спицы, мелькали голые ноги Муховцева, обутые в кеды, и Чертик ничего не упускал из виду, каждый миг был начеку. Наращивал скорость Муховцев, и он сильнее нажимал на педали, сбрасывал Муховцев скорость — и он слегка притормаживал, давал покой привычно занывшим икрам.

Когда домчались они до развилки дороги, где начинался другой, кружной, асфальтовый путь до станции, Чертик как раз и сказал себе: пора! И только поравнялся он с Муховцевым, только заколебались рядом лучи их велосипедных фонариков, как Муховцев резко притормозил и, не касаясь ногами земли, удерживая велосипед поворотами руля, беспрекословно повелел:

— Теперь — в разные стороны. Я — по этой дороге.— И он свернул на дальнюю, кружную, осветил фонариком дрянной, поклеванный какой-то асфальт.

— Да ведь так дальше!—запротиворечил Чертик.

— А это будет видно потом,— бросил через плечо старый гонщик.

И ничего не оставалось, как опять развивать скорость, в одиночестве мчаться пустынной улицей, радуясь случайному, позднему огоньку в окне, радуясь тому, что дорога безлюдна, что ее словно перекрыли в эти минуты, и лишь ему одному зеленый свет, зеленый свет!

Он уже и не думал о том, насколько обязательно ему успеть к последней электричке, важно было успеть первому, вот и все!

И бешено несся он вперед, разгонял тьму, вовсе не думая, что можно наткнуться на какую-нибудь преграду. Уж лучше бешеная скорость, лучше риск, чем после мучить, допекать себя упреками!

Он был почти уверен, когда показались пристанционные огни. Да, он был уверен, что первым окажется у перрона... но с каким удивлением обнаружил там Муховцева.

Старый гонщик тоже с присвистом, тяжело дышал. Он опередил Чертика на какое-то мгновение и вовсе не пытался напустить на себя вид победителя. Он сидел, склонившись к рулю,— как тяжело было ему дышать.

Чертик досадливо почесал затылок. Он был готов умереть, лишь бы первым прийти к безлюдному перрону!

— Идет! — воскликнул он, различая вдали круглый, словно снизившаяся полная луна, прожектор ожидаемой электрички.

И через несколько секунд освещенная, почти совсем пустая электричка плавно подкатила, раздвинула автоматические дверцы. Одинокий полуночник, бродивший по перрону, вскочил в гостеприимный вагон, сел у окна и стал смотреть на них с Муховцевым, а другой одинокий полуночник, сошедший с поезда, тоже посмотрел на них и пошел прочь, остановившись на миг и словно пряча лицо в ладони,— тогда повеяло от него табачным дымком.

— Ну что же вы? — нетерпеливо тронул Чертик старика за мускулистую руку.— Забыли?!

Муховцев никак не мог отдышаться. Он молча провожал взглядом тронувшийся с тихим шелестом электропоезд, уносивший пассажира, который, казалось, до боли воротил шею и все смотрел на полуночных велосипедистов.

— Ну какой тогда смысл было нестись напропалую? — с раздражением спросил Чертик.

— Допустим, нам необходимо было срочно доставить к поезду лекарство. И мы его доставили. Мы успели. Вот и весь смысл.— И Муховцев опять склонился к рулю, отдыхая. А Чертик вдруг почувствовал, что краснеет...

И правда! Ведь могло однажды случиться такое неотложное дело, что только от них с Муховцевым и зависела судьба человека, от их умения преодолевать в минуты большое пространство, не щадить себя и на последнем дыхании, «на зубах» прийти к этой электричке. Могло ведь случиться такое!

И Чертик озадаченно молчал.

— Ну да, вам легче,— словно оправдываясь за свое поражение, сказал он.— Вы бывший чемпион.

— Чепуха! Мы оба успели к электричке. И потом никакой я не бывший чемпион. Чемпиону плевать на приставку «экс». Если ты хоть раз в жизни был чемпионом, то уж остаешься победителем навсегда. Только так! Но для этого, конечно, надо хоть раз в жизни стать чемпионом.

Они медленно вели свои велосипеды по перрону, а когда оказались на том самом месте, где закончили свой ночной кросс, Муховцев еще раз глубоко вздохнул, проводил взглядом промелькнувшую над дорогой темную летучую мышь и сочувственно произнес:

— У тебя есть шанс отыграться. Только не думай, что я опять возьму курс на кружную дорогу. Теперь на равных. К тому же у тебя уже есть первый опыт...

Оба сели на велосипеды, начали медленно, как бы исподтишка нажимать на педали, и опять в луче фонарика заблестели спицы чужого велосипеда.

«Нет, ему все-таки легче,— вернулся к прежней мысли Чертик.— Он живет так, словно пожизненный чемпион».

И Чертик вдруг разозлился, привстал в седле, обрушил на педали всю силу ног, так что спицы чужого велосипеда вмиг утратили блеск, остались позади, во тьме.

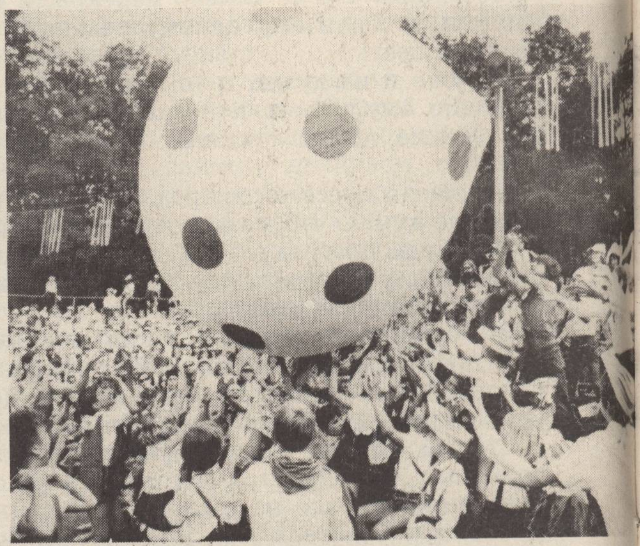
★

★

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

Двадцать пять тысяч делегатов со всех континентов планеты съехались в Берлин — столицу ГДР, чтобы еще крепче подружиться, лучше узнать друг друга, протянуть братскую руку молодежи, с оружием в руках борющейся за свободу и независимость своих стран. Представители юного поколения ста сорока стран мира гневно и решительно заявили: «Нет империализму!», «Нет войне!», «Нет расизму!». И вместе с голосами посланцев разных стран звучал звонкий ребячий голос.

Впервые в истории Всемирных фестивалей в торжественный день открытия рядом с колоннами борцов Анголы и Мозамбика, с молодыми рабочими парижских предместий, отважными борцами Вьетнама, делегациями братских социалистических стран прошла интернациональная колонна пионерских и детских организаций сорока стран. Трудно представить тот шквал рукоплесканий, каким встретил стадион ребят из Кубы и ДРВ, Палестины и Франции, Советского Союза и Чехословакии, Болгарии и Англии... В тот миг каждый участник праздника подумал: по стадиону шла надежда и будущее земли, шли те, которым предстоит принять от старших великое знамя мира, дружбы, солидарности.

В интернациональной детской колонне шагал тринадцатилетний вьетнамский пионер Ле Ван Хань. Не по годам серьезно его лицо. Он сдержан и редко улыбается. Ле Ван Хань не раз выполнял ответственные задания командиров. На его груди сияет боевая награда — медаль «За храбрость». Я смотрел на этого мальчугана и невольно думал вот о таких же отважных советских мальчишках — Марате Казее, Лене Голикове, Вале Котике, удостоенных самого высокого звания в нашей стране — звания Героя Советского Союза. Мне припомнились знакомые лица юных героев — Митки Панаузова из Болгарии, Франко Чезане из Италии, Даниеля Фери из Франции, Лепы Радич из Югославии. Их всех нет в живых, они погибли в схватке с фашистами. Но в тот день в фестивальной колонне незримо шли сотни тысяч юных героев с отважными сердцами, преданными Родине.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ «ТОВАРИЩ»

С. ФУРИН

Фотографии А. ГЕРИНАСА.

Во все времена рядом со старшими, плечом к плечу были самые юные. Они учились понимать законы интернационализма, готовились продолжать дело отцов. И как клятва верности этим законам прозвучало на X Всемирном фестивале Обращение ко всем детям земли, в котором ребята, говорящие на разных языках, призывали всех людей доброй воли бороться за мир, за лучшее будущее детей, крепить дружбу пионерских и детских организаций мира. «Мы знаем, социализм — друг детей! Империализм — наш враг!» — говорилось в Обращении.

Сколько горя, страданий принес империализм народам. Об этом на X фестивале рассказывали киноленты и плакаты, детские рисунки и живые очевидцы злодеяний агрессоров. **Во время второй мировой войны, начатой фашистами, погибло 54 миллиона человек, 90 миллионов получили ранения, 28 миллионов стали инвалидами. Только после победного мая 1945 года империалисты развязали сто**

войн. Вдумайся в эти цифры. И тебе станет еще яснее, почему на X фестивале молодежь гневно обличала империализм. И ты поймешь, что сувенир, сделанный твоими руками и посланный на базар солидарности, это сегодня твой вклад в общую борьбу, твоя помощь многострадальному Вьетнаму.

В берлинском районе Кёпеник есть школа имени Хо Ши Мина. В четвертом классе учится 34 ученика. В конце учебного года школьники рисовали рисунки и писали сочинения о друзьях из Вьетнама. Заглянем на минутку в ребячьи тетрадки, где они рассказывают о своих рисунках.

КЕРСТИН.

«Мы бежим по улице стайкой. Мы собираем макулатуру и металлолом. Заходим в дома и говорим, что зарабатываем деньги для детей Вьетнама. Люди нам не отказывают. Я рисую улицу синей краской. Вернее, голубой. Я хочу, чтобы ребята, которые собирают утиль, ходили по голубым улицам. И во Вьетнаме ребята должны ходить по голубым улицам, таким голубым, как сейчас небо во Вьетнаме».

АНИТА.

«Я нарисовала базар сувениров для Вьетнама. Клаус и я продавали там подставки под кастрюли. Может быть, своими тремя марками я помогу как раз Бин, которая была у нас дома. Она из Южного Вьетнама. Деревня, в которой она жила, была разрушена. Мы обязательно проведем еще много базаров, чтобы помочь таким девочкам, как Бин.

БИРГИТТ.

«Мой рисунок — базар сувениров. Керстин расставляет вещи, Хольгер считает деньги и продает открытки. На стенке висят три картинки. На одной нарисован американский бомбардировщик, на другой — горящий дом. На третьей — Тан. Ему 13 лет. Его родителей убили. Теперь он сам заботится о своих братишках и сестренках. Тан гостил у нас дома. Я показала ему Берлин. Тан не знал немецкого языка, а я не знала вьетнамский. Мы разговаривали... руками. Но хорошо понимали друг друга. Когда он уезжал, я подарила ему свой пионерский галстук и самую любимую книгу».

Керстин, Анита, Биргитт не могли усидеть дома, когда такое творилось на берлинских улицах. У телевизионной башни, где находился Международный центр солидарности, ребята увидели, как два конголезца и пионеры-тельмановцы организовали стихийный базар солидарности — точь-в-точь такой, какой Биргитт и Анита рисовали у себя в классе. Они бросились помогать ребятам и через полчаса продали сувениров на 600 марок. На детском митинге они передали марки вьетнамскому пионеру Ле Ван Ханю.

— У нас много разрушенных школ и домов. Спасибо всем ребятам за помощь моей родине, — сказал он и попал в горячие объятия ребят с разными галстуками на груди. Его обнимали пионеры Венгрии, Кубы, ГДР, нашей страны. Ле Ван Хань никогда не плакал, если было даже очень больно. А тут слезы градом брызнули из его глаз...

В тот день молодежь мира передала вьетнамской молодежи один миллион долларов на строительство детского госпиталя имени Нгуен Ван Чоя. В этом миллионе долларов есть и пионерский взнос ребят разных стран, таких, как Биргитт, Анита, Керстин. Есть в нем и взнос пионерской организации нашей страны. Молодежь мира решила продолжить сбор средств для Вьетнама. Решено построить новую школу имени вьетнамского героя Нгуен Ван Чоя. И когда будут построены и больница и школа, мы еще раз вспомним о тех, кто принимал участие в этой международной акции солидарности. Передавая на празднике пионерам ГДР флаг СИМЕА, президент Международного комитета детских и юношеских организаций Рене Венсан сказал:

«Тот, кто познает дружбу с детства, тот сохранит ее на всю жизнь. Тот, кто не бросил друга в беде, сам стал сильнее и крепче. На фестивале окрепла дружба детей всех стран. Плечом к плечу со старшими шагают дорогами мира и дружбы самые юные. Пусть этот шаг будет твердым!»

После праздника «Пусть всегда будет солнце!» Рене Венсан сказал:

«Мне бы хотелось через журнал «Пионер» передать от имени СИМЕА, всех участников клуба «Друзья детей» на X фестивале большое спасибо советским пионерам за активное участие в сборе средств на строительство детского госпиталя в Ханое. Я не раз встречался с советскими пионерами в СССР и здесь в ГДР, в республике имени В. Пика, в детском парке имени Э. Тельмана. Это отличные собеседники, надежные друзья. **Я рад, что в советской детской делегации на X фестивале и победитель викторины «ПИОНЕРА» «ГДР — страна X фестиваля» Сережа Костомаров, и ребята из Ансамбля имени Локтева, и представители всех союзных республик. Их участие в концертах, детском форуме мира еще раз показало, что пионеры СССР продолжают интернациональные традиции первых пионеров и высоко несут знамя мира, дружбы и солидарности.**

Разъехались делегаты по 140 странам мира, чтобы продолжать борьбу за лучшее будущее планеты. Многие из них эту борьбу ведут с оружием в руках. Как и прежде, рядом со старшими товарищами — самые юные интернационалисты, кому предстоит жить в XXI веке.

Кораблик

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

В небольшой деревушке в Северном Вьетнаме живет мальчик ТРАН ДАНГ КХОА. Кхоа было девять лет, когда он написал свои первые стихи. Сейчас ему четырнадцать лет. Бабушка Кхоа, неграмотная крестьянка, рассказывала ему, когда он был маленьким, старинные легенды и пела народные песни. Когда Кхоа научился читать, его старший брат, школьный учитель, подарил ему разные интересные книжки. Эти книжки Кхоа читает и перечитывает по многу раз. В школе Тран Данг Кхоа собрал ребят, которые любят стихи, и организовал поэтический кружок «Соловей». Кхоа очень любят его товарищи.

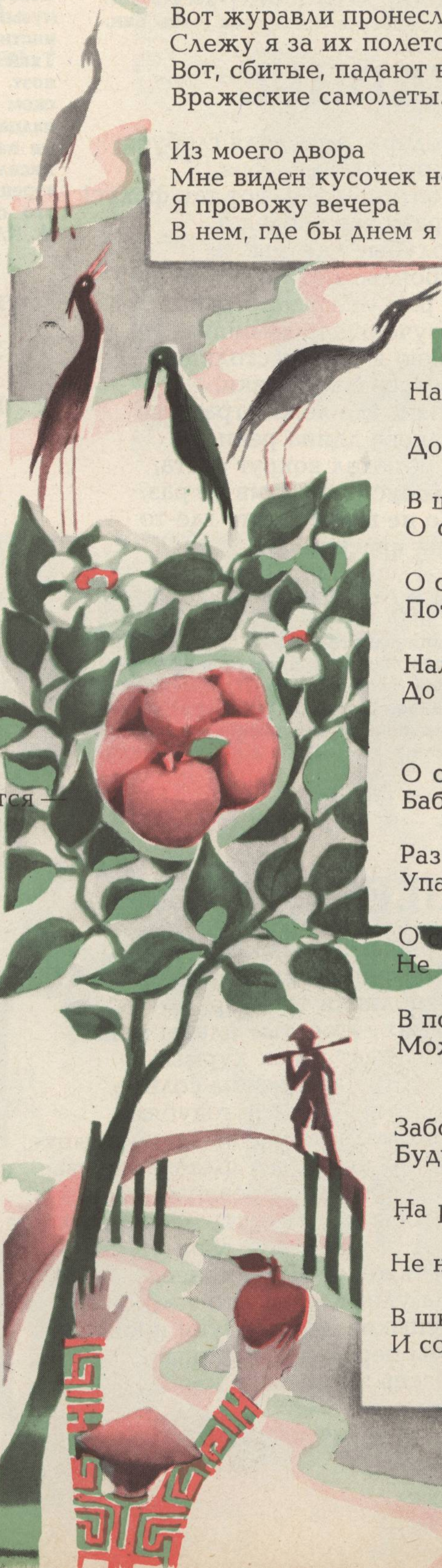
Посадил я гранатник-деревце.
Утки кричат — лето прошло.
Посмотрел, и — даже не верится —
Мое деревце расцвело.

Я гляжу на ветки с цветами,
Вспоминая весенние дни.
Как дрожащее алое пламя,
На ветру трепещут они.

А весной я ставил подпору,
Чтобы ветер ствол не погнул,
Укрывал в полдневную пору,
Когда громче кузнечиков гул.

На деревце зреют гранаты,
Наливаются в тишине.
Я протягиваю их солдатам,
И они улыбаются мне.

Ночью небо исчертят пули,
Это будто бы с высоты
Мои братья-солдаты вернули
Гранату его цветы.

КУСОЧЕК НЕБА

Из моего двора
Мне виден кусочек неба.
Я провожу вечера
В нем, где бы днем я ни был.

Дворик мощен кирпичом,
Крыша над ним голубая.
В полдень ноге горячо,
Вечером двор остывает.

Вот журавли пронеслись —
Слежу я за их полетом.
Вот, сбитые, падают вниз
Вражеские самолеты.

Из моего двора
Мне виден кусочек неба.
Я провожу вечера
В нем, где бы днем я ни был.

СЕСТРЁНКЕ ЖАНГ

На работе мать с отцом
и день и ночь.
Дома остается только дочь.

В школе я сижу за партою с утра.
О сестренка, ты не бегай со двора!

О сестренка, ты не бегай далеко:
Потеряться, заблудиться так легко.

Налетят вдруг в самолетах янки,
До убежища не добежишь
с полянки.

О сестренка, к луже ты не подбегай,
Бабочек над нею не пугай:

Разбежишься, глина заскользит,
Упадешь, измажешься в грязи.

О сестренка, не играй одна в пыли,
Не насыпь в глаза себе земли!

В полдень так опасен солнца жар,
Может быть с тобою
солнечный удар.

Заболеешь — играм, песенкам конец,
Будут плакать мама и отец.

На работе мать с отцом
и день и ночь,
Не на кого им оставить дочь.

В школе я сижу за партою с утра,
И совсем одна моя сестра.

НГУЕН ХОНГ КЬЕНУ девять с половиной лет. Отец его учитель, мать — чертежница. Нгуен пишет стихи с восьми лет. Его дедушка знает китайский язык и читал ему стихи китайских поэтов пятнадцатого века, которые очень запомнились мальчику. Это стихотворение Нгуен Хонг Кьен посвятил своему дедушке.

ДЕДУШКА

Всходя на смену ночам,
Дедушку, солнце, встречай!
Уже полыхает очаг,
Уже закипает чай.
Волосы и борода,
Словно из полотна.
Долгие ткалась года
Дедушкина седина.
Шитье. От него головы
Дедушке не отвернуть.
Прямы его длинные швы,
Прям его жизненный путь.
Вот в гимнастерке дыра —
Не огорчайся, солдат!
Крестьянская куртка стара —
У дедушки хватит заплат.
Бабушки нет в живых,
Ушли на фронт сыновья.
У дедушки из родных
Остался один лишь я.
Он мне проверит урок,
Он мне подскажет игру,
Сидит у моих ног,
Когда я лежу в жару.
Но дедушкина спина
Сгибается все сильней.
Закончится ли война
До конца его дней?

Стихи вьетнамских детей перевела Лена ГУЛЫГА

ХОАНГ ХЬЕН КХАНУ десять лет. Он живет в провинции Хань Бин.

ГЛОБУС

Подарил мне дядя глобус.
Горы, города, моря,
Континенты — вот так фокус!
Сразу все увидел я.
Голубые океаны
Проплывают предо мной,
Я разглядываю страны,
Изучаю шар земной.
Знаю я теперь столицы,
Острова, материки,
Знаю, где лежит граница,
Какова длина реки.
Я объехал вокруг света,
Глобус раскрутив не раз,
Но не верится, что где-то
Так красиво, как у нас.

Одиннадцатилетняя ТАМ ТХО, приемная дочь известной вьетнамской поэтессы Ан Тхо, живет в Ханое. Когда ей было девять лет, она попала в деревню на берегу реки и там начала сочинять стихи.

ОСЕНЬ

Прибывшие с окраин
Корзины на коромыслах
Заполнили тротуар.
В них — желтые плоды манго,
Долетает запах хурмы,
Золотит апельсины солнце.
Клетки с дикими голубями
Громоздятся на вечернем рынке,
Ветер играет на флейте листвы.
Я разрезаю созревшую дыню,
Чтобы вкус узнать летнего солнца,
Вот и кончился звон цикад,
И тяжелой жаре конец.
На улице то тут, то там
Вспыхивают галстуки пионеров.
Мы перелетные птицы.
Осень зовет нас в класс.

ТХАЙ БА ТАН сейчас учится в Советском Союзе. Он студент музыкально-педагогического института имени Гнесиных. Тхай — скрипач, композитор, поэт. Он пишет сказки на русском языке. Ему было четырнадцать лет, когда во Вьетнаме началась война, и о ней написал он свое первое стихотворение. «Кораблик» печатает это стихотворение в переводе А. КЛЕМЕНОВА.

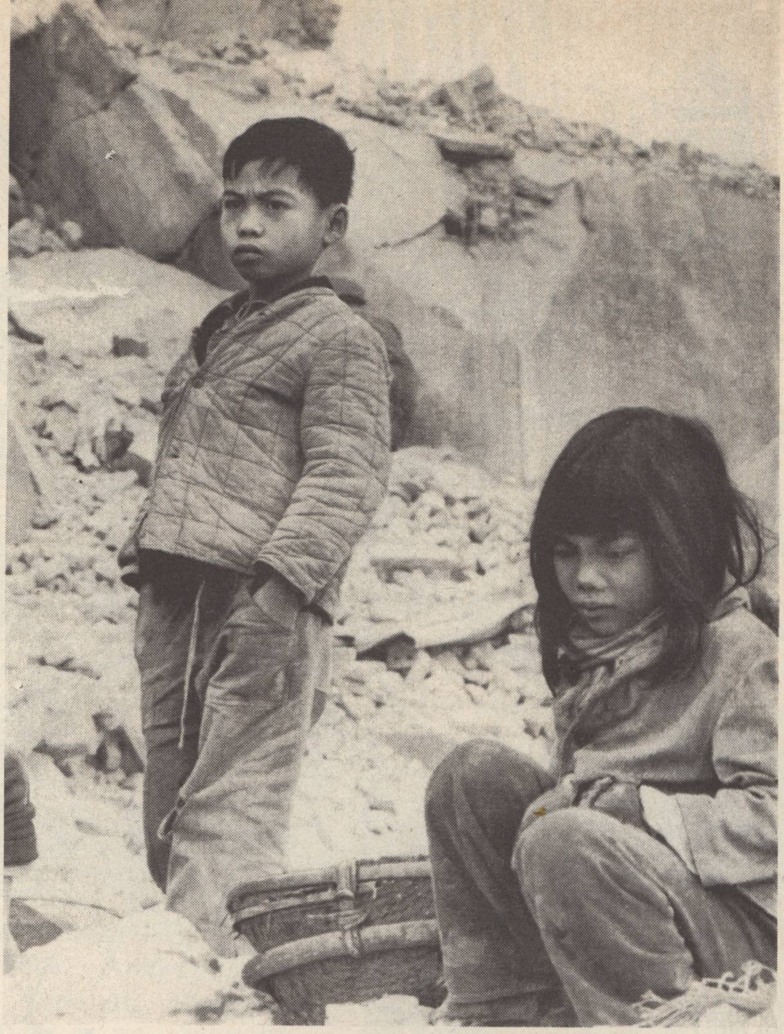
ЗЕЛЁНЫЙ ЦВЕТ

Зеленый цвет—
вот цвет моей страны.
Кокосовые рощи им полны.
Зеленый цвет
на рисовых полях,
Зеленый цвет
на дамбах, в деревнях,
Где строится завод
иль мост стоит —
По всей стране
зеленый цвет разлит.
Зеленый цвет —
вот цвет моей страны.
Зеленый цвет —
теперь он цвет войны.
Ты окружен
зеленым цветом, враг!
Зеленый цвет
пусть нагоняет страх.
Зеленый цвет —
нашествию ответ.
И бьет в глаза врагу
зеленый цвет.

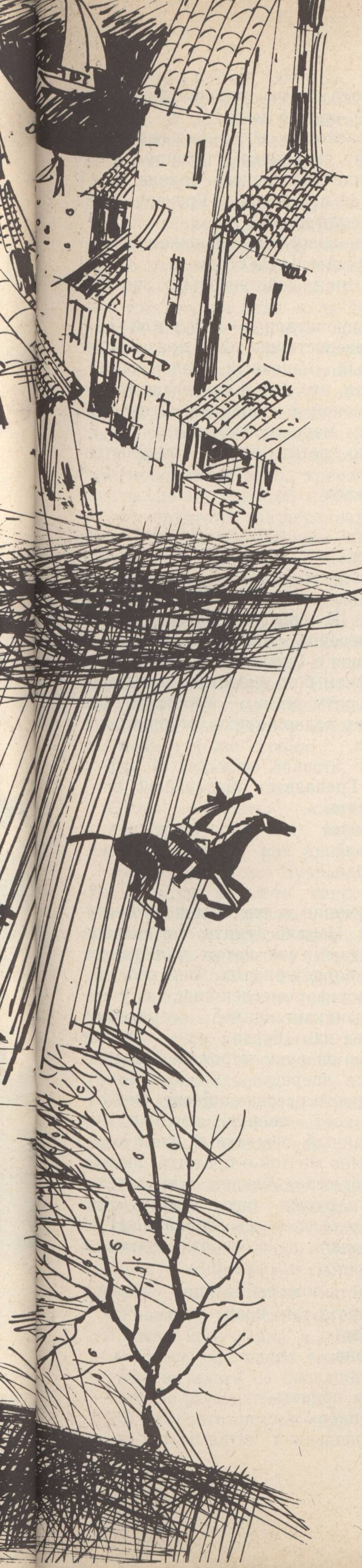

Верхний снимок сделан
во время войны.
Нелегко было тогда
вьетнамским ребятам.
Многие из них
лишились родителей,
лишились крова.
Сейчас наступил мир.
Ребята могут спокойно
жить и учиться.
На втором снимке
ты видишь,
как торжественно
начинается учебный год
в школах
Вьетнама.

ГРЕНАДА

Михаил СВЕТЛОВ

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И, Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка, Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

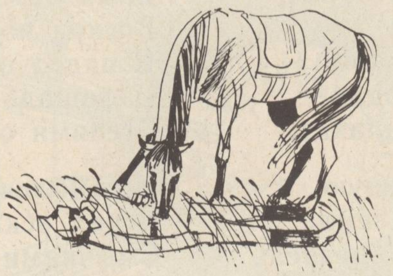
Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погодя
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА

ДВЕРЬ В ПОЭЗИЮ

З. ПАПЕРНЫЙ

Если бы вас спросили, кто такой Светлов, вероятнее всего, вы бы ответили: автор «Гренады».

Слава этого стихотворения так велика, что раскатилась уже по всему земному шару.

В моей библиотеке, в «светловском шкафу», книги со многими и многими переводами «Гренады». Кажется, светловские строки перекликаются друг с другом на разных языках. Звучат по-русски:

Гренада моя...

По-немецки:

Гранада майн...

По-испански:

Granада миа...

Сам поэт говорил, что в славе «Гренады» стало даже что-то угрожающее. Маяковский как-то сказал ему:

«Светлов! Что бы я ни написал, все равно все возвращаются к моему «Облаку в штанах». Боюсь, что с вами и с вашей «Гренадой» произойдет то же самое».

Вспоминая эти слова, Светлов добавлял: «Кто бы со мной ни познакомился, обязательно скажет: «А, Светлов! Гренада!» Становится несколько обидно: выходит, что за сорок лет своей литературной деятельности я написал только одно стихотворение. Думаю все же, что это не так».

Действительно, слова «Светлов — Гренада» почти так же неразлучны, как имя-отчество, как «Михаил Аркадьевич».

Помню, на одном вечере после выступления Светлова, где он рассказывал о себе, слушатели попросили его почитать стихи. И он ответил: «С удовольствием почитаю, при условии, что вы не будете требовать «Гренаду». Есть же у меня в конце концов и другие стихи!»

Писательница Лидия Либединская вспоминает, как первый раз встретилась со Светловым. Она попросила:

— Прочтите, пожалуйста, «Гренаду»...

Он улыбнулся:

— А «Слово о полку Игореве» ты не хочешь?

Как всякое подлинное стихотворение, «Гренада» не поддается пересказу. В самом деле, представьте себе, что вы так рассказали о нем человеку, который его не читал:

— Действие происходит во время гражданской войны. Одному украинскому хлопцу очень полюбилось название испанского города Гренада. Все время он пел песню о Гренаде. Но потом его сразила пуля врага...

Вряд ли прослушавший такое изложение сказал бы, что это замечательные стихи.

А между тем стихи действительно замечательные.

Едва только вы прочитали — вслух или про себя — первое четверостишие, как сразу ощутили ритм: ладный, напевный, увлекающий. Мне всегда кажется, что в нем слышится колыханье несущихся коней и всадников. Стих движется в лад с этим мерным скаканьем.

Так же ритмично летит время, сменяются ночь и день:

Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать...

Все ритмично, все рифмуется, откликается друг другу в романтическом мире Светлова. Все взывает к песне. И она рождается. Звенит своя, привычная песенка «Яблочко», возникает песня — мечта героя о Гренаде, о дальней земле. И все это — ритм боя, скаканья, ритм времени, дня и ночи, ритм песни — выносит, как будто выплескивает волной стиха, строчки:

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Ритм стиха, звучание и его смысл, его «душа» неразделимы. Наивно думать, что сначала поэт изобретает идею, а уж потом укладывает слова в стихи, подбирает рифмы. Так поступают только стихотворцы-ремесленники. А у настоящего поэта возникает единое «сердцебиение стиха» — слова как будто сами находят друг друга, берутся за руки, строятся в шеренги и устремляются вперед.

«Гренада» не просто рассказ о песне. Она сама песня, сама поет, звенит, зовет в мир простой и необычайный, обыденный и высокий, в мир, где все овеяно мечтой о братстве людей.

И когда пуля обрывает жизнь «мечтателя-хохла», кажется, нарушен ритм мира, само слово «Гренада» переломилось пополам. И по небу, как по огромной щеке, сползла слезинка дождя.

Некоторые артисты, исполняющие «Гренаду», читают это место так: после слов

И мертвые губы
Шепнули: «Грена...» —

они громко восклицают:

Да! В дальнюю область,
В заоблачный плес...

Сам Михаил Аркадьевич читал не так — он

не кричал, а тихо, скорбно, на высокой ноте, как будто прощаясь со своим героем, говорил:

Да... В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.

К счастью, голос Светлова, читающего «Гренаду», записан на пластинку. Без всякого наигрыша, так же просто, негромко, как-то особенно доверительно произносил он последние слова — о новых песнях, что придумала жизнь, и о том, что не надо «о песне тужить».

«Не надо, не надо», — повторяет поэт, а мы вместе с ним еще раз вспоминаем недопетую песню о Гренаде и еще больше тужим о бойце, погибшем так скромно и незаметно. Здесь, кажется, звучит сама поэзия: строка звенит в разлад с ее прямым смыслом. Поэт говорит о новых песнях, как бы расстается со старой, но она продолжает жить, тревожить нас своей невысказанной, скрытой печалью.

«Гренаду» не раз перекладывали на музыку. Есть довольно удачные опыты. Композиторы — профессионалы и любители, — как говорится, сделали, что могли.

И все-таки, не скрою, я предпочитаю «Гренаду» читать или слушать, как ее читают, а не петь или слушать, как ее поют.

Наверное, все дело в том, что напевность стиха и песни разная. Иногда стихи естественно ложатся на музыку. Здесь же перед нами стихотворение, полное скрытой музыки. Вслушайтесь в те же строки:

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес...

Слова «область», «заоблачный», «плес» удивительно созвучны, неразделимы. Строка звучит целостно, как единое слово.

Казалось бы, тем лучше для композитора. Но есть тут какой-то секрет «непереводимости». Можно назвать счастливые переводы «Гренады» на другие языки, но нет счастливого перевода на музыку. Я убежден, что никогда такого перевода и не будет.

«Гренада» — такое песенное стихотворение, что ему ноты не нужны. В него надо вслушиваться, а не распевать.

Конечно, это мое личное мнение, ни для кого не обязательное.

Есть еще одна черта, сближающая «Гренаду» с песней. Кажется, она не сочинена, не придумана, а была всегда, как, например, «Яблочко».

Но сам поэт подробно рассказывал — в беседах, статьях, выступлениях, — как он написал «Гренаду». Вообще-то Светлов о себе распространяться не любил, но к нему так часто обращались с вопросами и запросами, что «отмолчаться» он уже не мог.

«Гренада» написана в 1926 году. 29 августа была напечатана в «Комсомольской правде». Здесь она взяла свой поэтический старт, отсюда началась ее большая жизнь.

Вот что рассказывал Светлов:

«В двадцать шестом году я проходил однажды днем в Москве по Тверской мимо кино «Арс» (там теперь помещается театр имени Станиславского). В глубине двора я увидел вывеску: «Гостиница «Гренада». И у меня появилась шальная мысль: дай-ка я напишу какую-нибудь серенаду!

Но в трамвае по дороге домой я пожалел истратить такое редкое слово на пустяки. Подходя к дому, я начал напевать: «Гренада, Гренада...» Кто может так напевать? Не испанец же! Это было бы слишком примитивно. Но тогда кто же? Когда я открыл дверь, я уже знал, кто так будет петь. Да, конечно же, мой родной украинский хлопец. Стихотворение было уже фактически готово, его оставалось только написать, что я и сделал».

Как видим, стихотворение родилось в тот момент, когда напев «Гренада, Гренада...» неожиданно связался с образом украинского хлопца. Открыв дверь к себе домой, Светлов одновременно открыл дверь в поэзию. А дальше мысль, слитая с образом, побежала к Гренадской области, к Александровску и Харькову, которые вдруг начали петь по-испански, к испанской грусти героя. Перед нами то «зерно», из которого выросло все стихотворение.

Может быть, в этом и секрет «Гренады»: она не составлена, не изготовлена, все в ней на одном дыхании. Из нее, как из песни, слова не выкинешь. Ее не надо специально заучивать — строки сами оживают в памяти. Трудно их разбирать, но легко читать. Слышится в них живой голос поэта, его мечта о всемирном братстве, о времени, когда близкие и дальние земли станут одной областью — мира и счастья людей.

Когда Светлов увидел вывеску гостиницы «Гренада», когда повторял это красивое имя, он не знал, какая большая судьба ждет рождающиеся стихи. В них побратаются испанская, русская и украинская земли. А потом, спустя десятилетие, само это слово «Гренада» наполнится новым смыслом: оно свяжется с героями войны в Испании, бойцами против Франко, Гитлера, Муссолини. На могиле славного участника испанской войны Мате Залки напишут строки из светловской «Гренады». А когда зароют в землю прах самого Светлова, наши поэты положат к нему в могилу горсточку земли из Гренады, которую Светлов воспел и в которой никогда не бывал.

Надеемся увидеть вас пилотами

— Пять, четыре, три, два, один — пуск!

Резкий звук пороховых двигателей — и вертикально вверх взлетает трехступенчатая ракета.

...Двенадцатый раз проходят в Московской области эти соревнования. Десятки мальчишеских глаз цепко следят за каждой моделью. Сработают ли двигатели каждой ступени, удастся ли мягко посадить спускаемый аппарат, допустят ли модель ко второму туру? — все это беспокоит «главных конструкторов» из Подмосковья. Особенно волнуются они в ответственный момент, когда в стороны расходятся боковые блоки носителя. Начинает работу вторая ступень. Ракета набирает скорость. На максимальной для нее высоте срабатывают двигатели третьей ступени, и в тот же момент раскрывается парашют — «космический корабль» отделяется от ракеты и совершает мягкую посадку.

Облегченно вздыхают «главные конструкторы», судьи фиксируют достигнутую высоту. Ракету, благополучно вернувшуюся из «космоса», можно готовить ко второму туру.

И снова укладывается парашют, подготавливаются запальные устройства.

Кажется, все очень просто, но даже для того, чтобы ракета не упала во время старта, нужно немало знать. При постройке рабочего чертежа важно сделать необходимые расчеты и правильно сбалансировать модель — определить центр тяжести и центр давления...

Целый год трудились ребята, чтобы рассчитать и построить модель ракетоносителя космического корабля «Союз». И не беда, что основной материал здесь — бумага, а все узлы и детали крепятся обычным клеем.

Важно другое — те знания и умения, которые помогли ребятам своими руками создать что-то новое.

Ребята!

Вы живете в космическую эру — прекрасное и удивительное время. На ваших глазах происходят грандиозные космические события, начало которым положил полет советского человека: освоение околоземного пространства, полеты человека на Луну, запуски межпланетных станций на Венеру и Марс.

Родина дает вам возможность осуществить самые заветные мечты. И сейчас, работая в кружках, создавая и испытывая модели космических ракет, вы делаете свои первые шаги в космос.

Чтобы участвовать в настоящих космических полетах, создавать настоящие космические корабли, нужны большие и всесторонние знания, надо много и упорно трудиться, не забывать и о спорте.

Успехов вам, дорогие друзья! Надеемся увидеть многих из вас пилотами будущих космических кораблей!

Летчики-космонавты СССР
А. С. ЕЛИСЕЕВ,
Н. Н. РУКАВИШНИКОВ,
В. Н. КУБАСОВ

Фотографии В. ПОСТНИКОВА

будущих космических кораблей!

Сделан очередной шаг
в осуществлении космической
программы Советского Союза!
Когда этот номер «Пионера»
подписывался в печать,
космонавты
Василий Григорьевич Лазарев
и Олег Григорьевич Макаров
уже доложили
Государственной комиссии
о результатах своего полета
на «Союзе-12».
Он был короток,
но очень насыщен, этот полет.
Экипаж «Союза-12» успешно
провел испытание
усовершенствованных
бортовых систем,
отработку ручного
и автоматического управления
в различных режимах полета
и много других
научных экспериментов.
ПОЗДРАВЛЯЕМ
КОСМИЧЕСКИХ
ТРУЖЕНИКОВ С ПОБЕДОЙ!

Соревнования в разгаре. Корреспонденты тоже готовятся к моменту запуска.

Ребята и не подозревали конечно, что им так повезет: на всех фотографиях расписались наши космонавты!

Идет настройка систем и аппаратов...

Как пройдет мягкая посадка?

Есть на земном шаре два замечательных меридиана: один — в восточном полушарии, другой — в западном. В разных точках этого меридионального пояса планеты построены станции ракетного зондирования атмосферы. В одно и то же время с каждой станции в небо над Землей устремляются мирные ракеты...

Остров Хейса — самая северная точка меридиана в восточном полушарии. Следующая точка этого меридиана — Волгоград. Еще южнее — международный мирный ракетный полигон в Индии. Здесь работают советские, американские, английские, индийские, французские ученые...

Южнее Индии, в океане, на острове Кергелен, — еще одна станция ракетного зондирования атмосферы. Советские ученые сотрудничают здесь с французскими.

Самая южная точка этого меридиана — Антарктида, мирный ракетодром на станции Молодежная.

Второй меридиан — в западном полушарии. Там тоже ведут исследования ученые разных стран.

Вот уже около двадцати лет мирные ракеты служат науке и человечеству...

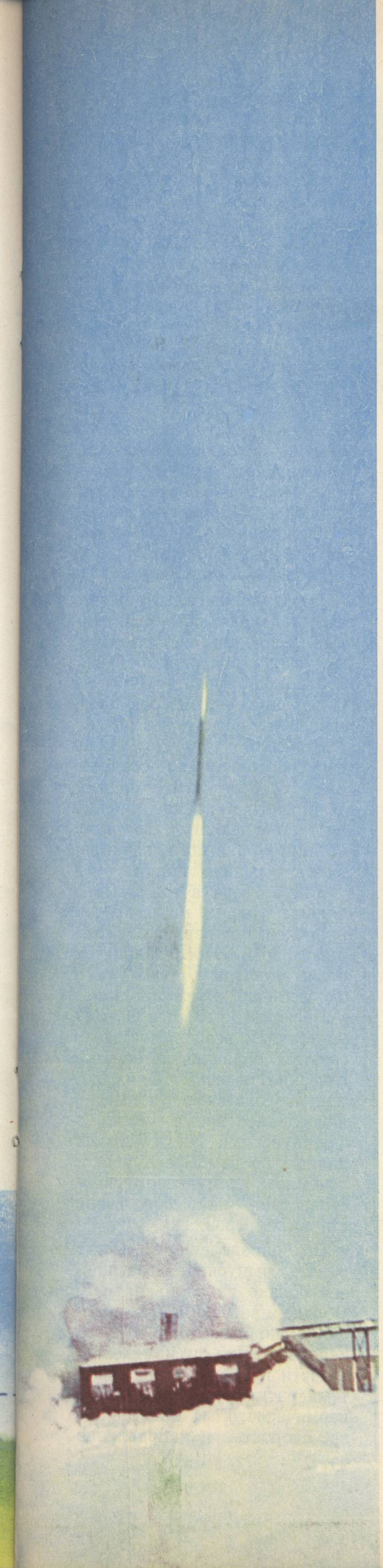
В. Н. ЕФИМОВ,
начальник станции ракетного зондирования атмосферы на острове Хейса.

НА МИРНОМ ПОЛИГОНЕ

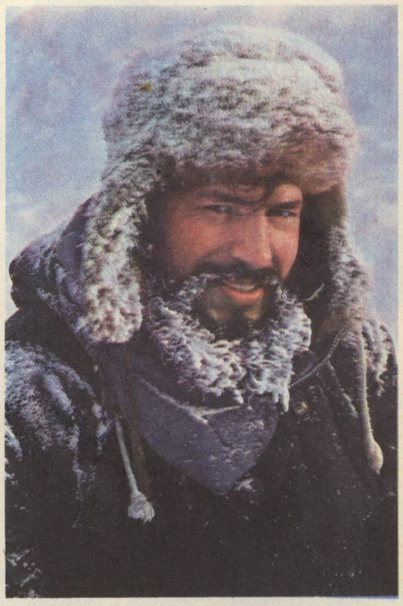

Если ты посмотришь на карту, то почти у самого Северного полюса увидишь группу небольших островов. Это архипелаг Земля Франца-Иосифа...

Здесь, на острове Хейса, с 1957 года действует самая северная в мире обсерватория. Сейчас она носит имя известного полярного исследователя Э. Т. Кренкеля. Полярные станции есть и на других островах, но обсерватория — только на острове Хейса...

Остров небольшой и очень красивый. Он, словно корабль, дрейфующий у полюса. И полярники, живущие здесь, кухню называют камбузом, а помещение, где собираются вечером, — кают-компанией. И ходят каждый день не на работу, а на вахту.

Мирная ракета пошла в небо... Юрий Гвоздев (слева) по приборам следит за ее полетом. Николай Швырков готовил ракету к запуску, а сейчас, когда ты читаешь эти строки, он запускает метеоракеты в Антарктиде, на станции Молодежная.

Раз в год, в сентябре, к кораблю-острову подходит настоящий корабль. Он доставляет новую смену полярников, из трюмов выгружаются продукты, оборудование, ящики с ракетами. Да, да, с ракетами. Как ты уже знаешь, на острове Хейса — самый северный мирный ракетодром.

Разные специалисты собрались на станции, разные у них приборы, а задача одна — исследование земной атмосферы.

...В любую погоду, пургу и жестокие морозы, полярной ночью и полярным днем выходят метеорологи к своим приборам, по нескольку раз в день записывают их показания: температуру и влажность воздуха, силу и направление ветра, количество выпавших осадков, толщину льда, температуру воды в океане и многое другое.

Но сведений, которые можно получить на земле, недостаточно для изучения всей атмосферы. И аэрологи, исследующие более высокие слои атмосферы, поднимают свои приборы в небо — на высоту до сорока километров.

Они запускают в небо огромные воздушные шары-зонды, такие же, как детские воздушные шарики, только значительно больше. К зонду подвешивается контейнер с приборами, они-то и посылают на землю радиосигналы.

О чем рассказывают радиосигналы? О многом. Для составления прогнозов погоды очень важно, например, знать не только, какие

Вот такую метеоракету запускают каждую среду на острове Хейса. За час, который она проводит в полете, ракета поднимается на высоту до 90—100 километров. Возвращается она на парашюте. В капроновом шнуре, на котором подвешена головная часть ракеты, спрятана антенна, посылающая на землю радиосигналы.

воздушные массы движутся высоко в небе — теплые или холодные, но еще — и куда они движутся, то есть направление ветра.

Сигналы радиозонда принимают приборы на земле, а специалисты их расшифровывают и передают на Большую Землю.

Надуваются зонды в специальном помещении с широкими воротами. Площадка перед воротами всегда тщательно расчищена от снега: три раза в сутки, в определенное время, ворота широко распахиваются, аэролог с зондом в руках выбегает на площадку и, отбежав подальше, чтобы зонд не задел за крышу или провода, отпускает его. Иначе на Большую Землю не уйдет вовремя важная радиограмма. Вот почему даже в пургу, когда, казалось бы, раскидывать сугробы не имеет смысла, бульдозер упрямо утюжит площадку перед воротами.

И вот зонд в полете... Медленно разворачивается приемная антенна локатора. Теперь она будет с земли следить за зондом, принимать его сигналы.

Когда зонды только появились, ученые не могли на них нарадоваться. Они и сейчас являются одним из главных средств, которые помогают синоптикам составлять более точные прогнозы. Но есть у зондов один недостаток — выше тридцати — сорока километров они не поднимаются. А на погоду влияют и те процессы в атмосфере, которые происходят гораздо выше — на высоте 100 — 200 километров.

И тогда на службу науке пришли метеорологические ракеты.

Ракета — тот же зонд. Только радиосигналы она посылает на всем своем пути — и когда летит вверх и когда ее головная часть опускается вниз.

Приборы размещаются в головной части ракеты. Конечно, их больше и они сложнее, чем в контейнере у зонда. Сигналы с ракеты принимают специальные наземные радиоустановки и локаторы.

Приборы на ракете не только измеряют температуру «за бортом» или скорость ветра. Они определяют состав атмосферы, подсчитывают энергию космических частиц, измеряют силу солнечной радиации, фиксируют магнитное поле Земли.

Каждую среду, ровно в двенадцать часов дня, на острове раздается грохот — это огненная стрела пронзает низкое полярное небо.

Бывает, что ракетчикам приходится тревожить небо значительно чаще. Когда повышается активность Солнца или полярная ночь сменяется полярным днем, ракеты уходят в небо утром и вечером. И так пять — семь дней подряд. В это время ракетчики заняты днем и ночью. Даже собаки — а их у ракетчиков две, Рыжий и Петька,— чувствуют, что на станции напряженная обстановка. Как обычно, они сопровождают своих друзей к месту запуска и с нетерпением ждут, когда над помещением, где собирают ракеты, раскроется крыша и появится пушка с ракетой. Тут уж зевать нельзя — в самый последний момент перед пуском нужно удрать на безопасное расстояние. Однажды Петька не успел, и взрывная волна сбросила его с крыши. С тех пор он стал очень осторожным...

В эти напряженные дни ученые получают особенно ценные сведения об атмосфере. Они предполагают, что это поможет им точнее и на более длительный срок предсказывать погоду.

Конечно, сделать такие выводы только по сведениям с острова Хейса нельзя. В Москву в научный центр поступают данные со всех станций ракетного зондирования с разных широт.

Так из года в год мы все больше узнаем о том, что происходит в верхних слоях атмосферы. Небо становится более понятным, хотя тайн оно все еще хранит немало...

Несколько месяцев в году на станции особенные: запускаются большие метеорологические ракеты. С их помощью советские ученые — в последнее время вместе с французскими — собирают данные об атмосфере в околоземном космическом пространстве — на высоте выше ста километров.

На определенной высоте ракета выпускает светящееся облако из паров натрия. Облако цветное, и его хорошо видно с земли. По его передвижению и изменению яркости приборы определяют температуру околоземного космического пространства, скорость и направление

ветра. Цель этих экспериментов та же — установить, как влияет погода в верхних слоях атмосферы на нашу земную погоду.

Почему так много исследований проводится именно в Арктике? Наш земной шар, словно сеткой, покрыт силовыми линиями магнитного поля. Но сетка эта не сплошная. У полюса силовые линии как бы собираются в пучок, как бы образуют глубокую воронку. Здесь в атмосферу и проникают мощные потоки заряженных частиц, летящих от Солнца. Происходит это только в двух местах на земном шаре — у полюсов. В других местах частицы захватываются магнитным полем Земли. Ученые предполагают, что «солнечный ветер» — так называют эти частички, летящие от Солнца, — и вызывает свечение полярного неба — полярное сияние.

Когда на Солнце происходят вспышки, резко возрастают энергия и поток частиц, летящих к Земле.

Советские и французские ученые объединили свои силы, чтобы вместе изучать состав атмосферы ближнего космоса, и в частности потоки частиц, летящих от Солнца.

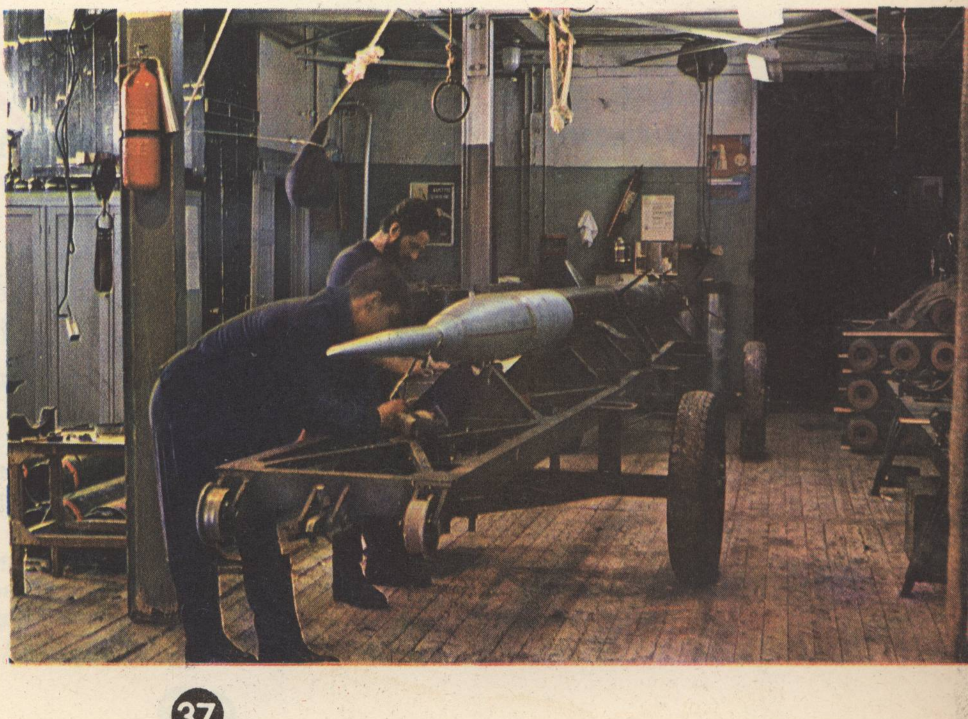

На этой схеме показано, как работают установки на станции ракетного зондирования атмосферы на острове Хейса во время полета ракеты.

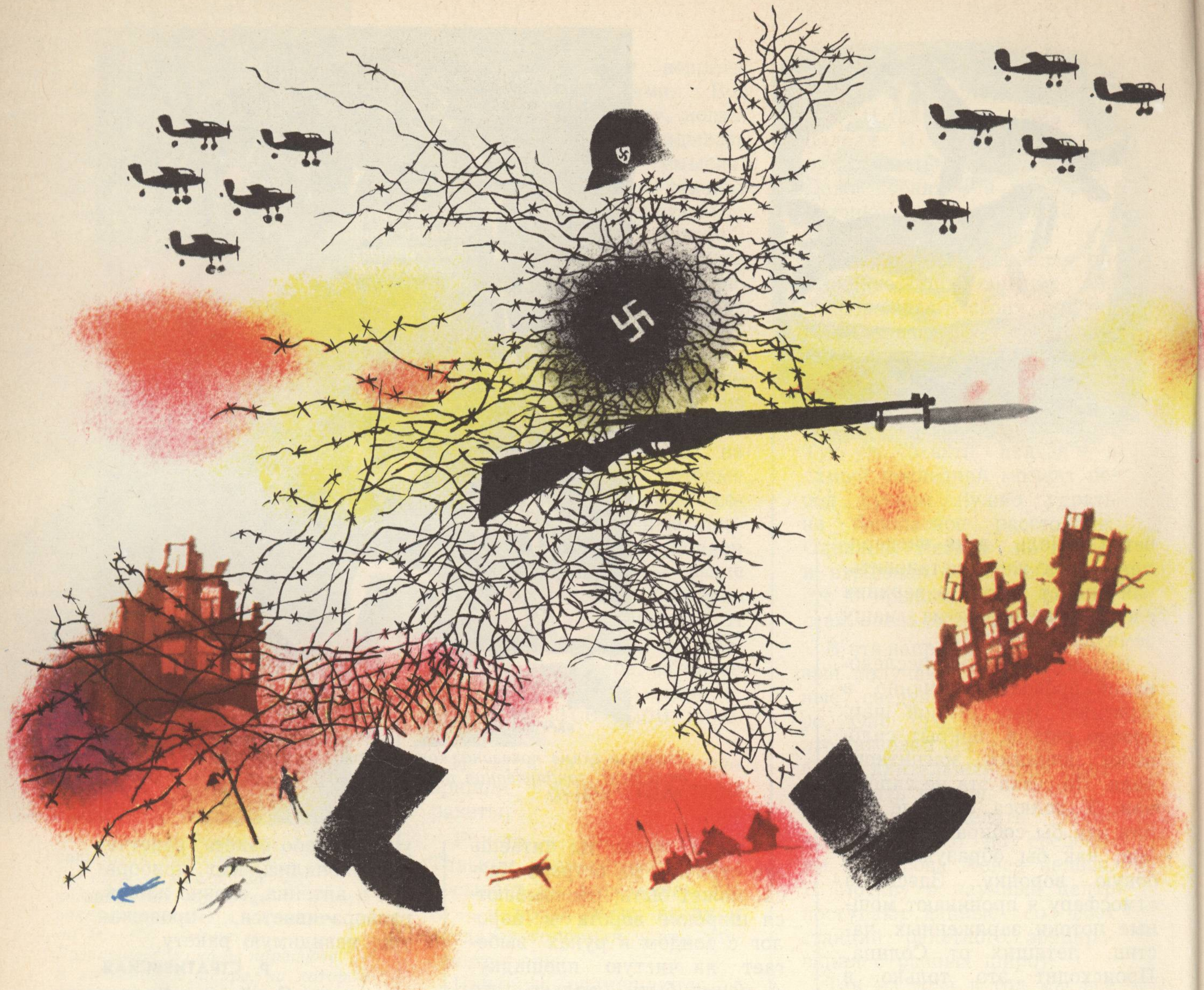
Сейчас, когда ты читаешь эти строчки, на острове Хейса, может быть, раскрываются широкие ворота и аэролог с зондом в руках выбегает на чистую площадку. А может быть, только что ушла в небо ракета, ракетчики склонились над приборами, и антенна, словно живая, разворачивается, провожая уже невидимую ракету...

Р. СТРАТИЕВСКАЯ.

О-в Хейса — Москва.

Готовится к старту малая метеорологическая ракета. Идет последняя проверка — все ли узлы и системы в порядке.

Татьяна ПОЛИКАРПОВА ПОВЕСТЬ

Рисунки П. БАГИНА ПРОДОЛЖЕНИЕ

От весны

— Ну, дай попробую...— Я сжевала два-три стебля. Через несколько минут меня стошнило. Хорошо, что жерди раздвигались. Ася испугалась, опять начала плакать:

— Шула, она умлет!

Мне стало так себя жалко, что я заревела.

— Девочки... когда я умру... То... пусть... все мои чечки будут ва-а-м... А ридикюль — моей бабусе на память...

— Шура, ты возьми мою белую палку, а Ася — ножичек...

Тут и Шура не вынесла и заревела тоже.

— Мы тоже, может, умрем! — приговаривала она.

— Эй, Шурка,— донесся Андрюшкин голос,— бабушка есть зовет! Всех!

Шура сверху вниз провела ладошками по глазам, вытерла, значит, зашептала, всхлипывая:

— Пойдемте скорей! Она в обед не хотела нас кормить, много, говорит, вас. А теперь вон зовет! Пойдем, Дашк, может, лучше будет! Пойдем, пожалуйста...

Мы слезли. В темной кухне, чулане, как здесь говорят, стояло на столе глубокое блюдо с творогом и молоком. А Шурке бабушка дала еще и лепешку-палишку. Андрюша, видно, уже поел.

Молоко было прохладным, кисловатым от творога, я чувствовала, когда глотала его, какая я вся горячая внутри.

— Бабушка, Даня у нас что-то болеет,—

Начало в № 9.

До осени

робко сказала Шурка, — ты ей постели где в избе.

— Ну, вот так гости! Хворые пришли! Ничего, ничего, до свадьбы заживет, а то дык и к утру. Реветь вот надо меньше. — Говорила она вроде и не злые слова, но, убирая посуду со стола, резко ею брякала, и потому речь ее казалась недоброй.

Нам бросили в сенной чулан черную перинку, два полушубка под голову. В чулане было черным-черно, вплотную к зрачкам подступала чернота, давила на глаза.

Я поискала рядом с собой Шуру, обняла ее. Ко мне сзади привалилась Ася и дышала прямо в шею. Так мы лежали, тесно прижавшись, и скоро перед моими глазами опять поплыли картины. То дорога между зеленых, свежих полей, то какой-то цветок, то гороховая путаница, кучерявость, то страшный овраг. Все это быстро мелькнуло, как странички книги, которую листают, враз собрав листы и выпуская их веером из-под большого пальца. Остановилось листание на той картинке, которую я долго не хотела открывать: дома за вечерним чаем плачет мама, плачет бабушка, а папа нервно курит, отвернувшись от них к окну. Окно черное, только золотой венчик лампы отражается в нем. Странно, почему они плачут за чаем? Бабушка подносит чашку к губам, а с губ с обеих сторон в чашку — кап, кап... И мама тоже запивает слезы чаем. Почему они не ищут нас? А-а! Они, наверное, думают, что я уже умерла! Что уже нечего искать! А я-то что же?

Так и останусь тут, у этой недоброй бабушки, в этом черном чулане?

Мне уже не верится, что завтра я смогу подняться на ноги и снова пройти ту солнечную, зеленую дорогу, которая привела нас сюда. Я и правда умру сегодня ночью... И я плачу, тихо, горько, еле слышно всхлипывая, намокая от слез, орошая ими Шурку. А Шурка уже засыпает, она и хочет утешить меня, но сон ее не пускает ко мне... Зато Ася отзывается сразу, ей плохо оттого, что она далеко от мамы. Только мужественный Андрюшка мирно сопит в своем уголке на полушубке.

Проснулась я от сильной, острой радости, от которой подпрыгнуло мое сердце и, сразу открывшись, вспыхнули глаза. И вот снова, снова зовет такой родной, такой добродушный, такой и ласковый и насмешливый голос:

— Да где это тут они? Дашутка, глупышка, ты тут?

— Пап! Папка! — кричу я и бросаюсь в его руки. Вот они уже отыскали меня в темноте, провели по голове, по лицу. От рук пахнет табаком, деготком, лошадью, они почему-то сырые, не мокрые, а именно сырые...

Вот рассвело в сенях: жидкий, желтоватый свет от маленькой трехлинейной лампешки в руках у Шуркиной бабушки, и я вижу дядю Ахмета, Асиного отца, директора нашего совхоза, он только входит в сени, а Аська уже стоит рядом со мной и моим папой.

Обратная дорога в тарантасе, набитом душистым, мягко-колким сеном, через теплую, прохладную, влажную ночь — вся обратная дорога пролетела, как одно счастливое мгновение. Дождь прошел — руки-то у папы сырые! — с восторгом поняла я. Остатки туч бежали быстро, так же быстро, как Рослый, лучший совхозный жеребец, на котором за нами приехали. Кусты на опушке леса окатывали нас холодными крупными каплями, ошметки грязи из-под быстрых копыт Рослого иногда барабанили по брезенту плаща, которым нас укрыли сверху, как попоной, и я крепко обеими руками обнимала папину руку, боясь оторваться от родного хоть на миг.

И разговор был короткий, отрывистый.

— Да как это вы убежали так скрытно? — мягко спросил папа.

— Нехорошо, нехорошо поступили старшие девочки, — это суховато дядя Ахмет, — надо отдавать себе отчет в том, что собираешься делать...

— Да как вы-то нас нашли?! — удивляюсь я.

— А мама знает? — спрашивает Шура.

— Знает, знает!

— Как мы вас нашли, расскажем потом. А то напроказили, да еще все сразу им скажи... Мы сначала вас судить будем... — весело грозили нам.

В совхозе ни в одном окне не светилось. Только застекленная веранда Асиного дома полыхала лампой-молнией. Там за столом сидели наши мамы. Три мамы сидели как одна, опершись локтем о крышку стола и поддерживая подбородок ладонью.

— Вон видите, суд вас ждет, — сказал дядя Ахмет.

А нам совсем не было страшно! Судьи выбежали нам навстречу, как школьницы на перемену. Потом мы с Шуркой пожалели, что за нами приехали. Лучше б было утром самим прийти. Но ведь они и правда все там перепугались. Не могли терпеть неизвестности: где мы и что с нами.

А как бы мы здорово явились утром! Но зато тогда я бы не ощутила так явственно, как расширяется и растет сердце от радости, когда папа будто раздвинул руками темноту чужого чулана и дал мне знать, что меня любят, ищут, спасают, что я им так нужна и они не могут ни минуты обойтись без меня. Я тогда почувствовала очень хорошо, очень сильно, что по-настоящему ты живой человек, что ты — это ты только тогда, когда вот так нужна кому-то. Поэтому и ликовало и росло сердце, любя всех на свете, весь свет.

Война

Всего один день лег между тем временем, которое сразу стало называться «до войны», и тем, которое стало войной. И все, что осталось за этим днем, вдруг уменьшилось, враз отлетев далеко-далеко, и теперь мерцало и светило издали, как звезда, уже недосягаемое.

А солнце было все то же. Продолжались летние дни. И росла трава, и блестели белыми стволами березы, и порхал в воздухе, путался в волосах, в траве, в листьях тополиный пух.

Бабушка только что сшила мне новое платье. Такого красивого у меня еще не было... Ярко-красное, в мелкий белый горошек, широконькое, с оборкой по короткому подолу, с воланами-крылышками вместо рукавов.

В это утро наши все вместе ушли в клуб и младшего моего брата Толика взяли, и бабуся тоже пошла. В совхозе был праздник — День животновода. В клубе всех животноводов поздравляли с хорошей работой, потом должны были наградить разными хорошими подарками. Папа рассказывал, что для дяди Камиля купили охотничье ружье, а свинаркам — разной красивой материи на платья или на пальто. А потом все сядут на машины, а кто на лошадей

и поедут в лес. Туда, на большую поляну, уехали уже с вечера кухня и повара, чтобы приготовить на всех угощение.

Это было здорово!

А теперь я опаздывала — с посудой провозилась! И торопилась одеться. Сначала я и не заметила, как оборвалась то ли музыка, то ли речь нашего радиоприемника и зазвучали частые, отдельно падающие, словно хрустальные шарики, позывные. Наверное, они долго уже звучали — я вдруг поняла, что сама в лад им напеваю:

«Ши-ро-ка... стра-на мо-я ро-дна-я-а-а»... И опять: «Ши-ро-ка... стра-на мо-я родна-я-а-а»... Мне хотелось продолжить, а сигналы приемника не давали, возвращаясь к началу: «Ши-ро-ка-а...» Я с досадой тряхнула головой: когда же это кончится? И стала прислушиваться. Я успела нырнуть в платье, — оно прохладной волной скользнуло по рукам, легло на плечи, шелковисто коснулось ног — от удовольствия я крутанулась на одной ножке так, что платье стало вокруг меня красным колоколом, — и в этот момент необычный, торжественный голос властно сказал: «Внимание, внимание! Говорят все радиостанции Советского Союза... Через несколько минут будет передано важное правительственное сообщение»... И снова хрустальные звуки позывных.

«Вот это да, — сказала я себе, — я самая первая услышу важное правительственное сообщение!» Ведь во всем совхозе приемник был только у нас, а радио еще не было, так же как и электричества. Папа привозил «питание» для приемника из города, когда ездил в командировки.

Я заторопилась, чтоб быть совсем готовой и сразу ринуться в клуб, как только узнаю сообщение, — изо всех сил тянула на ногу узкий, тугой шелковый носок, а он никак не лез. Но я и носки успела натянуть, а голос только все предупреждал, чтобы приготовились слушать.

«Да я готова! Готова!» — шептала я приемнику. Вся наша по-воскресному прибранная комната была готова и выглядела торжественно. Прохладные и темные от тополиной зелени стекла южных окон не освещены солнцем, но восточные — как солнечные паруса, кажется, дом не выдержит натиска лучей и, словно корабль, тихо заскользит на запад, к лесу. Еще желтее, белее кажется под солнцем чисто вымытый пол, зеркало бросает радугу на беленую стену, искрятся на комоде мамины флаконы, а длинные граненые вазы для цветов рождают маленькие радуги на белой скатерти. И новое платье, пронизанное солнцем, окружает меня красным дымом.

Да, мы все готовы! И вот — наконец! — голос предупредил, что сейчас выступит товарищ Молотов. И Молотов сказал то, что, конечно же, с самого начала знал голос, потому и был такой необычный. «...Вероломно... Фашистская Германия... Бомбили Киев...» Я выслушала все до самого конца, до слов: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» Я подождала, не скажут ли еще что, но снова прохладой полились позывные...

Э-е! Как я неслась к клубу! Война! Сердце колотилось от какого-то непонятного восторга — то ли ужас, то ли радость: ведь первая, первая узнала! Сейчас как скажу!

Еще издали у клубного крыльца узнала по белому платью маму. Нагнувшись, она помогала Толику делать очень важное дело.

И я издали закричала:

— Мама! Война! Молотов сказал! Бомбили Киев! И еще!

Мама испуганно подхватила Толика на руки, будто кто собирался его укусить, прижалась к нему лицом.

— Даша! Фашисты, да?

— Ага! Германия!

— Господи! Все-таки... Все-таки... — бормотала мама, скоро-скоро, почти бегом всходя на крыльцо клуба. Я бежала за ней. В открытую дверь бильярдной увидела папу и, обгоняя маму с Толиком, кинулась к нему, повисла на руке, держащей нацеленный на шар кий:

— Пап, война! С фашистами! По радио!

Война началась!

Папа крепко, как мама Толика, свободной рукой прижал меня к себе и заговорил громко, властно, точно, как тот голос в приемнике:

— Товарищи! Дочка принесла известие. Она слушала по радио сообщение: фашисты развязали войну! Нужно быть готовыми...

Я не дослушала, к чему нужно было быть готовыми, и побежала искать своих — Шурку, Кольку Зайкина. Они еще не знают! Я их нашла тут же, но они уже откуда-то знали! Народ быстро расходился из клуба. Шума не было, стоял какой-то глухой гул, будто из-под земли.

Почувствовав, что сейчас взрослым не до нас и что нам ничего не будет, мы побежали за кулисы на сцену, куда нас обычно не пускали. А нам давно туда хотелось. Но смотреть там оказалось нечего. В узком проходе между кулисами и стеной валялись поломанные стулья, стояло разбитое трюмо, несколько пустых бочек. Мы вылезли на сцену и остолбенели: в зале пустота! Бросились к дверям — заперты. Мы залезли на высокие подоконники, глянули в окна — возле клуба ни души. Отчаянно стучали мы в рамы и двери, пока Колька не догадался вынуть стекло, отогнув маленькие гвозди, закреплявшие его в раме.

Когда мы наконец очутились на воле, что-то странное поразило нас всех. Что-то было не так в привычном виде поселка. И мы притихли, озираясь по сторонам, пытаясь понять, что же случилось? А-а-а...

Тишина-а-а! Тишина — вот что случилось. Такая тишина, будто при солнце, при синем небе стоит ночь.

Дома блестят окнами, молча, как ночью, во дворах, перед домами — никого. Никого возле конторы. Никого возле конного двора. Тихо на железном механическом. Только куры кое-где бродят или лежат в пыли да гуси, как всегда, возле ключа воду цедят. Мы, только что кричавшие, стучавшие в клубе, молча, с какой-то робостью побрели по пустым улицам домой. Сначала шли тихо, потом все быстрей, а потом уже мчались.

Страшно на пустых, солнечных, молчаливых улицах. Война.

Митинги

На следующий день собрался митинг. Пришли первые четыре повестки, призывающие людей на фронт. Уходили лучшие трактористы и комбайнер, брат Вазыха, мальчишки из нашего класса. Если вчера было так безлюдно на улицах, сегодня, кажется, все до одного пришли на площадку перед клубом, где трибуна.

Все четверо стояли на трибуне рядом с директором, Аськиным папой. Стояли там и еще какие-то дядьки, неизвестные.

Сначала было не очень интересно, похоже на собрание. Все выступали, говорили то, что мы уже знали. Директор, дядя Ахмет, обнимал каждого из первых фронтовиков, и было смешно видеть, как взрослые дяденьки на глазах у всех обнимаются. Наверное, если б я это одна видела, не казалось смешно, но когда вместе с девчонками, почему-то весело!..

Ну, мы с Шуркой уже хотели уйти, стали пробираться сквозь народ, как вдруг началось движение в толпе. Вокруг заговорили, стали подниматься на цыпочки, вытягивали шеи, стараясь что-то увидеть.

— Скачет кто-то!

— Из района!

— Верхом!

Все смотрели в ту сторону, откуда шла дорога из райцентра. Мы живо вынырнули на чистое место перед трибуной. И в тот же момент увидели подлетающего сзади к трибуне всадника.

Топот копыт резко оборвался. Пыль заволокла все. Не слезая с коня, верховой передал какой-то конверт директору. Снова дружно ударили копыта, поднялась пыль, всадник исчез.

— Товарищи! — сказал директор. — Прибыли новые повестки! Еще пять человек призываются защищать Родину от врага... Здесь ли вы, дорогой товарищ... — Дядя Ахмет немного помедлил, взглянул вниз себе под ноги: в эти секунды стало так необыкновенно тихо, как просто не может быть в жизни!

И директор сказал:

— ...Товарищ Зайнулла Галимов?

— Здесь, — ответил густой голос из толпы. И тоненько отозвался женский вскрик.

— ...Гафур Миндубаев...

— Я, — ответили из толпы.

— Иван Исаев...

— Ага, — ответил Иван, и одновременно охнула женщина:

— Ваня...

Новые мобилизованные тут же поднялись на трибуну, они говорили по очереди про одно:

— Обещаем не подвести земляков, бить врагов до последнего.

И никто не сказал, до чего — до последнего? «Наверное, до последнего врага, пока ни одного не останется», — подумала я.

С тех пор митинги пошли каждый день. И каждый день я спрашивала папу: «Сегодня провожаем? Сколько?» И папа называл все большее число: пять, семь, десять. В следующий раз, когда пришло десять повесток, митинг уже не собирали. А однажды провожали сразу двадцать пять человек. Машины, которые их увозили, подняли такую пыль, что казалось, она так и не осела совсем и притушила немного блеск солнца. Наверное, потому так казалось, что очень печальными сделались лица у тех, кто остался на площади, когда ушли машины с новобранцами.

У меня не выходили из головы стихи об Испании, которые я читала когда-то на утреннике в детском саду:

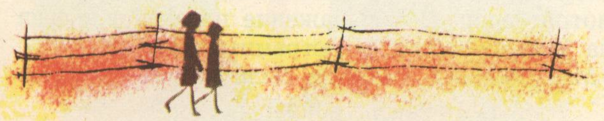
Уехало много их
На красном грузовике,
И зарево впереди пылало
невдалеке...

Наши грузовики были не красные, а грязнозеленые, но ехали они бить фашистов, как и те, испанские. Грузовики тоже были мобилизованы, так сказал мне папа. Их в совхозе всего было три. Теперь остался один, самый дряхлый.

Папа в тот день пришел домой позже всех. Серый, глаза ввалились. Я с ожиданием посмотрела ему в лицо, он на ходу потрепал меня по волосам, подошел к маме:

— Лучших трактористов мобилизовали: Валида, Николая Зуева, Хабибуллу Иманова... И ведь еще возьмут. Останемся мы с одними девчатами,— добавил он, усмехнувшись, и привлек меня к себе, —вот с такими тоже. Будете нам помогать? А, Дашут?

— Папа! — горячо сказала я.— Папа! — и обняла его, спрятала лицо, чтоб не заплакать. Отчего, я и сама не знала.

Нам дают задание

Через несколько дней нас, и правда, созвали в школу. Весело и странно было увидеть друг друга за партами в легких цветастых платьях и сарафанах, в выгоревших майках.

Посмотришь назад вдоль ряда — торчат изпод парт босые ноги мальчишек, исцарапанные, пыльные, загорелые — вот смеху-то! — ужасно это странно: парты и босые ноги! Но нас еще маловато собралось, из Октябрьского поселка не пришли, из Матвеевского.

Наша учительница Анфиса Петровна рассказала нам о том, как началась война, сказала, что немцы напали неожиданно, потому что у нас с ними был договор не нападать друг на дружку, и что для нас эта война неожиданная.

Я слушала ее. То же и на митингах говорили, но вот здесь, в школе, за партой, мне вдруг вспомнились наши домашние чтения после ужина, когда все сидят за столом вокруг лампы с книгами и газетами.

Читая газеты, мама частенько вздыхала: «По самому краешку ходим! Кругом гремит...»

— Да-а,— отзывался папа,— Гитлер в союзничках — это как-то не очень уютно.

Я не любила переспрашивать и вообще задавать вопросы, когда можно было и так, по разговорам, догадаться, о чем думают взрослые. Иногда мне очень хотелось задать сто вопросов, но я стремилась следовать правилу индейцев Фенимора Купера: «Поменьше спрашивай — побольше знай». Этому правилу они учили своих детей, и оно казалось мне и мужественным и хитрым. Воин должен быть сдержанным.

Я понимала, что папе и маме не очень нравится наша дружба с Германией. Я слышала, как они называли Гитлера главарем фашистов. Еще раньше слышала, до войны. И сейчас в школе я вспомнила, что и генерал Франко, который разгромил Испанскую республику, и он фашист! И удивилась я самой себе: как это я не думала раньше про Гитлера и Франко одинаково? Ведь уже знала! Надо было спросить,

Страшно на пустых, молчаливых улицах. Война!..

как это получается: знаешь, а не думаешь? Анфиса Петровна да и все говорят, что Гитлер притворился союзником... Притворялся-то притворялся, а люди давно говорили...

Нет, пожалуй, не скажешь, что не ждали войну. Ждали. Говорили про нее.

Анфиса Петровна потом про нас заговорила. Мы уже перешли в третий класс, уже вон как выросли, и мы должны помочь совхозу.

— Слышали, наверно, от родителей, как много рабочих ушло на фронт, сколько тракторов мобилизовано, сколько коней.

Кто-то засмеялся:

— Трактора мобилизованы?

— Че смеешься?! — погрозил Вазых, у него два брата-тракториста уже ушли на войну.— Трактора и на войне нужны! Они, знаешь, боеприпасы подвозят и все такое, если дороги нет!

— Правильно, Вазых,— как на уроке, сказала учительница.

Все это почувствовали и засмеялись.

— Садись, «отлично»,— тонким голоском пропела Зульфия. Она на пасеке жила и не знала бы, что нас собирают, но как раз сегодня пришла в совхоз в магазин за покупками.

— Ну, ладно, ребята,— продолжала учительница,— я это все к тому говорю, что там, где нам по силам, мы должны заменить фронтовиков. Я узнавала в дирекции, и нас попросили пока, до уборки, заготавливать веники на корм скоту. Липовые веники. У кого есть серпы, поднимите руки.

Руки подняли все.

— Очень хорошо. Мы так сделаем. Сегодня кто-нибудь сходит к октябрьским и матвеевским ребятам и передаст им, что мы решили. Пусть они там у себя тоже этим займутся. Для Октябрьской фермы веточный корм тоже нужен. А послезавтра начнем.

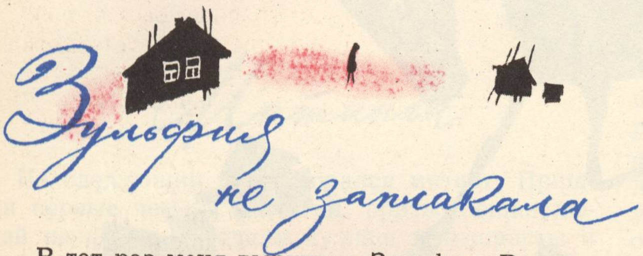
— Я схожу! — выкрикнула я, едва дождавшись, когда учительница кончит. Это же здорово, сходить к Тане, да еще, может, с ночевкой!

Мне разрешили.

Полдороги нам с Зульфией было по пути, и мы пошли с ней вместе. Но сначала зашли к нам, сказать дома. А дома бабуся непреклонно заявила:

— Сначала настриги мне два ведра крапивы, чтобы до завтра хватило поросенку.

Ух эта крапива! Вечно она мне мешает жить! Становится поперек дороги.

Зульфия не заплакала

В тот раз меня выручила Зульфия. В четыре руки мы с ней быстро справились. Но после крапивы бабуся усадила нас обедать. И вышли мы уже часа в три.

Дорога на Октябрьский поселок была больше всего мне известна и больше всего любима. И летом и зимой хожено по ней пешком и езжено на лошади и на лыжах.

Дорога по грибы и по ягоды, главная дорога «по лес». Она была еще тем хороша, что на своем пути к лесу пересекала две межи.

Поэтому и идти по ней было споро: сначала вон до той межи, потом до второй, где росла высокая прямая береза, а там уже и лес.

Когда мы ходили с бабусей, то всегда на каждой меже отдыхали, рвали цветы, перебирали грибы.

Сейчас мы с Зульфией идем быстро, нам отдыхать ни к чему. Зульфия у нас самая маленькая ростом, а ходит, и говорит, и все делает очень напористо, и ручки ее маленькие с растопыренными пальчиками на зависть ухватистые! Ягоды она собирает быстрее всех, задачи решает тоже. И мне кажется, что даже когда она пишет и держит ручку, то и тогда у нее пальчики растопыренные.

Сейчас идет рядом своей особой птичьей походкой, при каждом шаге словно подпрыгивает слегка. С вызовом шагает, и подбородок вверх, и черные, блестящие небольшие глазки твердо смотрят вперед, и выражение их сейчас, когда она так вот шагает,— стремительность.

Мы идем и поем, чтоб было еще легче идти:

...Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если темные силы нагрянут...

И с особым чувством, с убеждением поем мы:

И на вражьей земле
Мы врага разобьем
Малой кровью —
Могучим ударом!

Скоро вошли мы в прохладный лес и свернули с дороги на тропинку. Ох, и приятно ногам, сухим, пропыленным на горячей полевой дороге, пройтись по чуть сырой тропке, упругой и гладкой, как черная тугая резина. Она проходит по низкому месту и потому слегка пружинит, поддается под пятой. Натруженные на жесткой дороге ноги отдыхают здесь.

Но тропа скоро кончилась. И с Зульфией нам пора расставаться. А не хочется. Зульфия придумала:

— Давай зайдем к нам. Я продукты оставлю, у мамы спрошусь и тебя провожу.— И добавила, чтоб меня соблазнить: — У нас свежий мед. Вчера качали.

— Я бы и без меду зашла, Зульфия! Ну, а с медом, конечно, лучше!

Подходя к дому Зульфии — а он стоял на отшибе от главного пасечного центра — услышали мы какие-то странные звуки, будто смех, будто хохот: «И-и-ых!» — тоненько и горлом, низко: «Ах-ах-ха-а!» Но почему-то стало страшновато от этого смеха.

— Кто это? — тревожно спросила Зульфия.— Мама не так смеется.

Но она не успела договорить, как обе мы поняли: это не смех, это плач.

Зульфия побежала в дом, а мне почему-то совестно было зайти.

Я слышала звонкий вскрик Зульфии:

— Мама, мама, ты что?

И вопль матери:

— Доченька! Папе повестка...

И снова Зульфия:

— Мама! Ну что же плакать?! Всем повестки.

— Да, да, — сразу согласилась мать, всхлипывая, — всем, всем, доченька. Но ведь там — война! И папа у нас один... А вас пятеро...

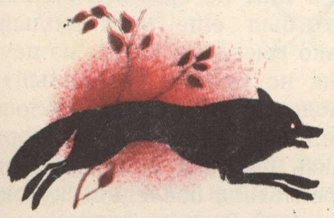

— Мама, ну что же плакать? Всем повестки...

Однако она больше не заплакала. А я тихонько побрела на дорогу, понимая, что теперь им не до меня.

Я думала, буду ли я плакать, если и наш папа уйдет воевать. Я бы хотела, как Зульфия... Она, как взрослая, как старшая, утешила мать. Даже и не утешила, а как бы это сказать... Я не придумала, как. Ну, вот бы и мне так...

Да, там стреляют, на войне. И гранаты рвутся. Железные острые куски летят со страшной силой, а люди... Я потрогала свои руки, плечи, потыкала кулаком в живот. Вот живот особенно противный: мягкий, так и прогибается. Его деревяшкой, сучком можно очень даже просто проткнуть. Не то что железом.

Таня и волк

Я еще больше зауважала Зульфию, что не заплакала она. Я почти уже бежала, торопилась. Не заглядывала под кусты, не обшаривала травянистые кочки в поисках земляники, не останавливалась возле муравейников, чтоб полакомиться муравьиным соком, не рассматривала чашечки цветков, пытаясь понять, отчего из зеленого нарождается цветное. Я трусила рысцой по знакомой дороге. Так бежать я могла, не уставая, хоть пять верст. И вот уже впереди засветилось: лес кончался. А там уже немного — большая луговина с редкими деревьями и Танькин дом, он с самого края. Дом большой, с высокой крышей, с резными голубыми наличниками на окнах. У Тани тоже есть ульи и еще замечательное черемушное дерево — на задах огорода. Но сейчас еще рано для черемухи. А то черемуха со свежим медом!.. Это, кто не ел, так трудно даже себе представить, как здорово. У Таньки нас всегда так угощали. Мы с ней лезем на черемуху, рвем ягоды, а ее отец мед качает. Но еще рано, рано...

На крыльце меня встречает сестра Тани, она уже взрослая девушка, в телятнике работает. Похожа на Таню. Такой же лоб с выпуклостями над бровями, широкий нос, серые глаза. Только она порыжее и побелее лицом. А узнать сразу можно.

— Дашутка?! Ты к Таньке? Вот молодец! Проведай ее, проведай, она будет рада. Болеет ведь. Простыла. Иди к ней. Она тебе такое порасскажет! Она ж недавно с волком дралась.

Я чуть не села. А потом глупо заулыбалась:

— Во-волк?!

— Что, не веришь?

— Ой! А она живая? — Как-то вдруг в моей голове соединилось это: болеет, с волком дралась, будто Таня от волка болеет.

— А как же! Живехонька! — смеется Настя. — Или б я с тобой так разговаривала? Ну да иди, иди! Она сама расскажет.

Во второй, чистой горнице на белой постели лежала Танька. Улыбалась мне во весь свой широкий рот, зубы-лопаточки показывала.

— Правда с волком дралась? — спросила я с восхищением.

Таня кивнула радостно.

— Расскажи!

— Да из-за теленка! Я нашей Насте помогала телят пасти. Уж к вечеру дело, Настя их сгонять начала. А я побегла по кустам. Знаешь, где пасли? На большой поляне. За дальней скирдой там еще крупниги бывает дополна. Я побегла поглядеть, не остался ли какой телок. Вот и вижу — лежит красный бычок, шею вытянул, кровища бьет из шеи фонтанчиком, фонтанчиком, как в ключе! Е-э-х! Вот страсть! А волк — поодаль, видать, услышал, как я бегла, отпрыгнул. Ну а увидел, наверное, что я мелочь, и пошел опять к телку. На меня глядит боком, вот так. — Таня отвела голову на негнущейся шее как-то вместе с плечами в сторону, а глаза скосила. — Такой нахальный! Ах, думаю, гад! Человека видит, а все лезет! Я — прыг к телку, за шею его обхватила и тяну к себе. Да разве ж мне его утянуть?! Он тяжелый! Мне бы завизжать, Настя говорит, волки визгу не переносят, а я от страху рот не мо-

А волк-то огромный-огромный и серый!

гу открыть! А волк-то, как увидал, что я схватила телка, опять за него взялся. За ногу, что ли, уж не помню. И ведь поволок! Вместе со мной! Во силища! Эх, Дашка, вот сильный!.. И вот я тяну телка к себе, а он — нет чтобы выпустить! — к себе.

Таня замолчала, глядя на меня расширившимися глазами, забыв, про что она рассказывала.

— Ну, Тань! А дальше?

— Да-а... Если бы не Настя... Она говорила, что сразу же за мной пошла, только вот шла, а не бежала. А мне чудилось, мы с волком целый час тягались. Ну, я и заорала наконец: «На-а-стя!» Вот тогда волк телка выпустил, а сзади меня Настя закричала, кнутом стрельнула — он и утек. Как колдун, честное слово! Вот был — и вот никого!

Я уж потом гляжу: кровь с рук бежит... как ключ, и с пальцев течет. Настя ко мне кинулась, побелела, как платок. Думала, это меня волк, а это кровь из шеи, из теленка. Я и не чуяла, пока с волком тягалась!

— Эх, Танька! Я, наверное, так бы не смогла!

— Ну, не знаю... Да смогла бы! Может, еще умнее как. Я по-дурацки как-то. Надо было сразу орать на него. Очень уж нахальный, вот что меня раззадорило... А теленочек все равно пропал. Жилу он ему порвал, главную.

— А ты, Тань, почему лежишь? — удивилась я, видя, как бойко Таня рассказывает.

— Велят! Пока жар у меня. Порошки пью. — И зашептала: — Это я, пока Настя дома. Она ругается. А когда дома никого, так я бегаю.

Мы замолчали на минутку.

— А ты зачем прибегла? — вдруг спросила она.

— Я-то? Ой, я и забыла! — Я рассказала Тане про веники.

— Да мы так и так каждое лето по веники ходим, — сказала Танька. — И нынче все пойдут. Я передам нашим. Завтра же!.. А-п! Я уж, наверное, здоровая. На мне быстро заживает. От смеха, — добавила она и захохотала.

Тут пришел Танин отец. И я вдруг вспомнила: Зульфия, плач ее матери, повестка, папа... Танин папа — уже почти старик, седой, сутулый, и хоть лицо его здорового, красновато-коричневого цвета, наверное, его уже на фронт не возьмут. У Тани брат старший в армии уже был, еще до войны. Это да. А отец старый.

— А-а, Даша пришла к подружкам, — сказал дядя Иван. — Заночуешь у нас?

— Конечно! — опередила меня Таня.

— Нет! Нет-нет, ты что? Я домой! Мне не велели, — соврала я. — Я прямо сейчас пойду, пока светло.

— А я думала, до завтра. Ну, раз надо...

— Да тебя кормили ли? — спросил дядя Иван.

Таня виновато опустила голову.

Мне прямо стыдно стало: из-за меня еще Тане выговор.

— Ой, да что вы, дядя Иван! Я сытая — во как!

Я отказалась есть: стемнеет скоро. Тогда дядя Иван отхватил от каравая длинный ломоть, густо смазал его маслом и медом, перемешав мед с маслом, чтоб не скатывался с куска, и вручил его мне «на дорожку».

И я побежала назад, объедаясь этим сладостным угощением. С ним не сравнится никакое пирожное. Ломоть был еще чуть теплый, наверное, в обед только высадили хлебы из печки. Зуевы сами пекли, не любили «казенный». На теплом куске масло подтаяло и впиталось в хлеб, а от меда шел такой запах, что скоро надо мной закружились две осы и пикировали на меня, пока я не проглотила последний кусок.

А уже садилось солнце. В лесу смеркалось. В эту пору лес, остывая после дневного жара, отдает воздуху запахи нагретых листьев, трав, мхов, цветов, хвои, ягод и грибов, коры, воды

болотец и мочажин, и, смешиваясь, они создают такой особенный аромат, какого нет нигде, только здесь, возле моего дома, в моем лесу, в первых сумерках вечера.

Сладко дышать этим душистым, теплым и уже холодеющим воздухом.

Они еще не перемешались, теплые и холодные струи, и пока идешь, несколько раз то будто погрузишься уже в ночную сыроватую зябкость, то опять опахнет тебя пряным, теплым дыханием дневного леса.

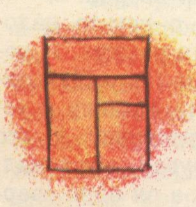
Слаще всего пахнут неглубокие ложки, поросшие ольхой и крушиной. Я даже прошлась вдоль одного такого ложка, чтоб понять, что это так пахнет. Понюхала листья крушины, ольхи. Вроде нет, просто травой отдает. Может, это не они, а осока и другие сырые болотные травы и сама вода так душисты? Я не разобрала, постояла, подышала — и дальше. Уже темнело густо, когда я выбежала в поле. Здесь теплее, суше, но тоже свой аромат. Сладко, сладко наносит от недавно отцветшей ржи, медом тянет с парового поля, там сурепка, осот. А еще силен в поле запах самой земли. Днем его или нет, или не замечаешь. Наверное, нет. Это роса пробуждает дыхание земли, смешивает его с пресным привкусом отсыревшей травы, зелени.

В поле более ровно остывает воздух, но изредка, раза два, не больше, пока ищешь, вдруг окатит тебя теплой воздушной волной и чуть уловимым, иным, чем везде, запахом.

Меня волновали эти теплые потоки в ночи, мне казалось, что дышит она сама, царица-ночь, темная, прекрасная, окутанная мягким синим, темным синим, в звездах, покрывалом. Мне казалось, что пепельно-лиловые, косо вытянутые из-за леса перистые пряди облаков — это ее рассыпанные волосы. Что легкий ветер, вдруг заставляющий трепетать листву, — это ветер от ее движения, ее полета над землей.

Таинственная, ароматная, чуть страшная своей легкой поступью, еле слышными шорохами, всплесками ветра и листвы, шелестом трав. Хорошо было идти, бежать вместе с ней к желтеньким домашним, людским огням поселка. Домой.

Только вот что там, дома?

Дома

У нас перед домом уже все успокоилось: скотину обиходили, кур и гусей загнали. А люди теперь уже не часто выходят посидеть на терраску, а если и выходят, не засиживаются.

Сейчас только гуси, ночующие под террaской, отозвались на мои шаги тревожно-вопросительным: «Кого?! Кого-го-го?»

По лестнице я взвилась мигом, через две ступеньки, и с колотящимся сердцем остановилась перед дверью: не слышно ли плача, как у Зульфии? Нет, тихо. Я на цыпочках прокралась на террасу — окно в комнату освещено. За окном, вижу, все наши: мама, папа, бабушка, Толик даже. По их виду не скажешь, чтобы тут что-то случилось. Когда какое-то происшествие, новость, все обращены друг к другу, тянутся друг к другу. Когда все обычно, каждый сам по себе, вот как сейчас. Потом мне пришло в голову, что они-то все там, а меня нет! И вот они сидят за самоваром, как будто так и надо, что меня нет. Вдруг мне стало жутко интересно: как это бывает, когда тебя нет? Вот так все и будет? За окном темно, в комнате светло. Папа протягивает бабушке чашку.

— Еще одну, Клавдия Петровна, пожалуйста.

И бабушка спокойно наливает ему чай. А он в это время косит глазом в книгу, которую и за столом не выпускает из рук, «подавая плохой пример Дашке» — по мнению бабуси и мамы. А мама нежно беседует с Толиком, кормит его яичком всмятку, и Толик открывает свой розовый, как у кошки, ротик, измазанный по губам желтком...

Значит, все так же? И у Зульфии будет так все идти, только за столом не будет их отца, пока он на войне... И мне изо всех сил захотелось как можно скорее разрушить эту жизнь без меня.

И с криком: «А я-то здесь!» — надавила на створки окна. Они с шумом распахнулись. Я вскочила на подоконник, бабушка вскрикнула, схватившись за сердце, мама прижала к себе Толика, папа поставил обратно на блюдце чашку, которую было понес ко рту. Вот это был переполох!

Я обняла бабушку, а она меня сердито стукнула по лбу ладошкой.

— Чтоб тебя приподняло да шлепнуло, дереза! Откуда принесло? Чуть меня не уморила! Ты ведь ночевать отпросилась?

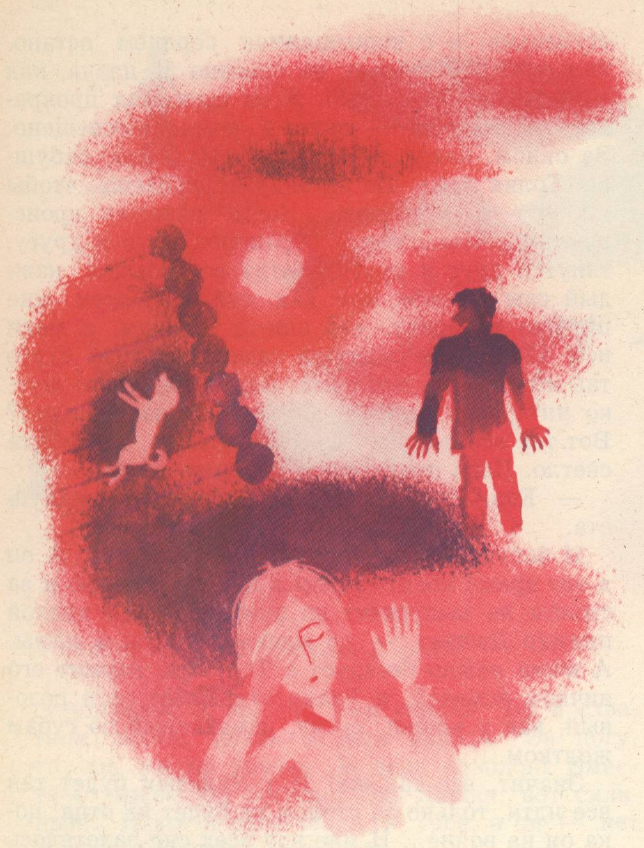
— Отпросилась, да явилась! Чтоб вы тут не жили без меня! А то сидят себе сами, а меня нет. — Я кривлялась и вертелась от радости, что я тоже дома и что сейчас удивлю их еще больше — расскажу им, как сочиняются добрые сказки про богатырей, расскажу им про Таню и волка!

Как сочиняются злые сказки

А утром на следующий день я узнала, как сочиняются злые сказки.

Мы завтракали обычно вдвоем с бабусей. Папа и мама уходили на фермы рано, часам к

— Ой! Пожалуйста! Не надо!

пяти. А завтракать возвращались к восьми-девяти.

Стол наш залит солнцем. Посуда и самовар так и сверкают. Стол придвинут вплотную к окну, и мне с моего места у окна хорошо видно часть улицы и угол бревенчатого дома. Вон бежит моя собачка — светло-рыжий, круглобокий, совсем юный щенок Бобик. Мой он отчасти. И отчасти — Шуркин. Скорей всего он наш. Я его кормлю, и спит он у нас в сенях. А так бегает где хочет. Мы с Шуркой берем его с собой в овраги играть. В лес не берем: маленький еще.

У Бобика ужасно доверчивая морда и добрые прозрачно-коричневые глаза.

Конечно, я бы хотела породистую собаку, овчарку, например. Но и Бобик был настоящий, живой и веселый.

И вот он бежал себе по солнышку — отправился гулять. А навстречу ему из-за угла дома вышел человек. Новый наш ветврач Михайлов. Он недавно здесь и недавно женился на одной нашей учительнице из первого — третьего классов.

Этот Михайлов был такой же светло-рыжий, как мой Бобик. Вот они встретились. «Два рыжих»,— подумала я про себя со смехом. Михайлов присел перед Бобиком, улыбнулся ему, протянул к нему свои мясистые рыже-розовые руки, потрепал щенка за загривок и взял на руки. Я удивилась: чего это он? Может, себе хочет взять?..

Больше я ничего не видела: в глазах потемнело, я хотела закричать, но не могла вздохнуть, словно меня ударили под ложечку. Потом, когда бабуся привела меня в порядок и я поняла что к чему, ни Бобика, ни Михайлова уже не было. Я напрасно бегала к ветлечебнице — на дверях висел замок. Я не знала, куда мне деться со своими глазами, я их терла, нажимала на веки, так что возникали черные круги, я смотрела на солнце и пряталась в темный чулан, но не могла прогнать картин, отчетливых и ярких, словно в кино... Бежит Бобик. Идет Михайлов. Останавливается. Приседает. Тянет мясистые руки. Поднимается и ловко перехватывает щенка за задние лапки. Размахивается. Вытянутое, летящее тело Бобика. Угол дома. Плоские торцы бревен. Черные звездообразные трещины на них. Они стремительно растут, надвигаются на меня, закрывают все...

Оказывается, страшные сказки не сочиняют. Где-то жил злой Старик, злой, как Михайлов. Казнил своего Фунтика. Узнали про него добрые люди и рассказали, будто сказку, одну правду. Чтоб ему стыдно стало. И вышло страшно. А было-то на самом деле еще хуже. Теперь я знаю: то, что в сказках страшно, было еще страшнее. Там, в сказке, злого старика наказали сразу. А когда он ожил, то стал добрым и полюбил Фунтика. А этот Михайлов, как мне потом рассказала мама, ничего не понял и не раскаялся.

А было вот что. Не просто со зла своего убил ветврач щенка. Оказывается, совхозные ветеринары решили убить всех бродячих собак. «Ветеринары — это Айболиты,— объясняли мне, когда я была маленькой.— Они лечат всех животных и зверей». Поэтому для меня ветеринар — всегда значит Добрый. Решили убить собак, потому что они будто бы разносчики заразы среди совхозного скота. Но я никак не могла поверить, что непременно надо убивать одних животных — живых и добрых собак,— чтобы не болели другие. Да собаки и не ходят туда, где пасут свиней и коров! Чего им там делать — травку щипать?

— Ну и ваши ветеринары,— говорила я маме,— ну и Айболиты! Это только вы с папой меня обманывали, что они Айболиты. Никогда не поверю, что они могут лечить зверей.

— Ах, Даша,— устало, как о чем-то надоевшем, сказала мама,— все люди разные. И ветеринары тоже. Ты сама знаешь Розу Ивановну, видела, как она лечила нашу Маньку и того, твоего — помнишь? — поросенка? А это такой уж человек. Его папа ругал, объяснял, что его поступок очень вредный, а он одно твердит: «Я врач и должен выполнять правила санитарии и гигиены. Раз решили уничтожать собак, я их уничтожаю».

— От вашей «санитарии» могут взрослые заболеть, не говоря уж о детях! — сказал ему папа.

А он тогда и высказался:

— Да ведь если б я знал, что щенок ваш, а то ни ошейника, ничего... Я, кстати, и не хо-

тел этого делать в поселке. Мы ж собак в поле отстреливаем. Да вижу, угол удобный, чего, думаю, с ним канителиться.

— То есть он ничего не понял, — горестно закончила мама.

— Фашист натуральный, — по-своему определенно и так утешительно для меня сказала бабуся. — И вы тоже с Сергеем хороши, — «понимает, не понимает», — передразнила она маму, — гнать такого в три шеи из совхоза, к животным близко не пускать. Вот вам и вся санитария. Это же разве человек? Не-е-ет! Так, милая, не бывает, чтоб человек без души мог что-то понимать, кроме своей пользы. Тем более скотину бессловесную. Такой ветеринар и доброй-то скотине — корове там или лошади — не помощник, не врач. Дурной человек. Бесстыдный.

По веники

Этот день, когда убили Бобика, был у нас последним праздным днем. Следующим утром мы собрались по веники. Собрались возле школы. Все с серпами, девчонки в платочках. Анфиса Петровна выдала всем по пучку мочала для вязки веников. Мочало каждый затянул себе за пояс, чтоб удобней было выдергивать вязочку. И мы зашагали к лесу.

Учительница сказала, что мы будем резать липовый подрост вдоль опушки — там, на свету, самый густой подлесок, и лист на солнце растет гуще, здесь он самый питательный. Мне было очень занятно, как это резать веники серпами. Мы с бабушкой их просто ломали. А серпом я умела только траву жать. Но мне не хотелось говорить, что я не умею. Анфиса Петровна сама сначала покажет, как надо делать, — так обычно бывало на уроке. А она почему-то не стала показывать.

— Вот, ребятки, к этой березке собирайтесь и веники сносите, — сказала она. И добавила: — Старые, сучковатые ветки не берите, выбирайте погибче, чтоб листьев побольше. Ну, начали! — И сама подошла к липовому кусту. Липовый молодняк так растет: или от корней большого дерева поднимается поросль с лопушистыми крупными листьями, или собирается кучкой несколько тонких, от самого корня сильно ветвистых стволиков, образуя эдакий шатровый куст.

Анфиса Петровна подхватила ветку снизу левой рукой, взмахнула над ней серпом, ведя его сверху вниз и чуть вкось от себя, и ветка осталась в ее руке, обрезанный конец был красиво косо заострен и ярко белел. Как просто! Я попыталась сделать так же. Но мой серп не срезал, а потащил ветку вниз, пригнул ее, будто это не серп, а багор. Я измочалила всю кору, пока сладила с этой веткой. Потом, довольно скоро, дело пошло. Просто надо было вести серп увереннее и плавнее, чтоб он скользил своими косыми зубчиками по ветке, и даже силы особой не требовалось. Дело пошло, но все-таки до обеда я нарезала всего десять веников, многие сделали по пятнадцать, а Вазых — так даже восемнадцать.

— Здорово! — завидовали все ему, а он сидел возле своей зеленой горы, как всегда, молчаливый, только черные, миндалевидные глаза сверкали да смуглые щеки были в горячем румянце... Волосы Вазыха мокро поблескивали, и лоб влажный — вспотел. Здорово, видно, работал, что и говорить. Очень красивый сейчас Вазых, так и хочется на него смотреть, хочется запомнить, как он сидит, прислонившись темной головой к белому стволу березы, а тонкая смуглая рука — на пышной кипе нарезанных им веников. Сидит маленький, совсем несильный на вид, а вокруг него горы зеленых веников. Вот нарисовать бы! Но, наверное, у меня не хватит зеленой краски. Потом тут не один оттенок нужен, а у меня всего одна краска.

Наверное, я слишком долго и пристально смотрела на Вазыха, кто-то захихикал, зашептались девчонки, и чей-то ехиднейший голос пропел: «Дашка в Вазыха влюбляется!»

Я подскочила на месте, обернувшись на голос, готовая тут же вцепиться в «дразнилку», но не могла узнать голос, а девчонки, хохоча, валялись в траве и все божились: «Ей-богу, Даш, это не я!»

Тогда я назло им, и себе, и Вазыху сказала:

— Правда, Вазых, научи меня так быстро резать веники, как ты!

— Научу! — сказал он.

Девчонки не успели пережить эту новость и, как водится, обсмеять ее, потому что на дороге показалась подвода — это ехали за нашими вениками. Все побежали навстречу, чтоб прокатиться. А мы с Вазыхом остались.

— Завтра иди рядом и гляди, как я делать буду. Ладно? — сказал он, глядя в сторону.

Я промолчала, только кивнула.

Тогда он взял мой серп, он валялся тут же, возле меня, попробовал его на прутике и сказал презрительно:

— Разве таким можно работать? — Вазых сделал движение, будто хотел отбросить серп, однако вместо этого бережно положил его рядом со мной. — Знаешь? У нас дома еще есть один, может, два. Завтра принесу острый. Этот не бери.

Прибыла подвода под визг и гам. Сколько шума, а нас всего девять человек вместе с четвертым классом.

С лошадью был дядя Камиль, главный конюх.

— Ого-го-го! Вот это урожай! — закричал он, заогогокал (не хуже нас мог он веселить-

ся и шуметь). — Вот так работники! Я зна-ал! Недаром сам взялся съездить, обеденный перерыв не пожалел. Первый урожай везти — это ведь не шутки шутить, а?! — И он подмигнул веселым глазом нашей учительнице.

Эх, и хитрый вид у дяди Камиля, когда он подмигивает, эх, и лукавый! Он еще молодой, лицо у него всегда почти красное.

— Зимой на морозе, летом на жаре, вот и загораю, как на курорте, — отвечал дядя Камиль, когда его спросишь, почему он красный.

Или еще так говорил:

— Лошадки белых не уважают, им красных подавай.

Вместе с дядей Камилем мы быстро нагрузили телегу — получился довольно пухлый воз — и очень довольные зашагали рядом. Но скоро забежали вперед: сильно пылило от телеги.

А так было еще лучше: мы шли впереди, а сзади ехала наша зеленая работа.

— Ну, как, работнички, покормим скотинку? Корма будут? — покрикивал сзади дядя Камиль.

На другой день

Мы работали с Вазыхом. И хоть теперь серп у меня был острый да еще с красной рукояткой, угнаться за ним мне не удалось. Просто скорость у него была другая. Я тоже пыталась, как он, делать быстрые, резкие движения: схватить ветку — раз серпом, потом другую, не бросая еще первой. Так несколько веток, пока умещаются в руке, пока держит ладонь, и потом уж их сложить. Вазых и кладет пучок веток и распрямляется — все быстро, будто за ним погоня и каждая минута дорога. У меня получается суета, когда и я так стараюсь, и скоро голова начинает идти кругом.

Но все-таки у меня в этот день было уже тринадцать вместо десяти веников. А дальше стало и совсем хорошо — по пятнадцати. Но так, как Вазых, я не научилась. Мне еще мешала моя «задумчивость». Над ней все папа подтрунивал.

— Знаешь, Дашутка, — говорил он, — бывают такие лошадки — едешь-едешь, вдруг встанет! Ну, подождешь: может, ей что надо? Нет, стоит себе просто так: задумалась! Надо ей напомнить: «Э-гей, милок! А ну, дорогой!», — вожжой пошевелить: мы, мол, ехать, а не думать собрались.

И наша Дашутка: пойдет за водой — пропала. За крапивой — не дождешься. Где она? Задумалась!

Вот я и с вениками все следила за собой, чтоб не «задумываться». И ловила сама себя: то замечаю, что не работаю, а тихонечко отдираю полоску лыка от свежесрезанной ветки и пытаюсь уловить, увидеть, как лопаются полные скользкого сока клетки, соединяющие лыко, кору с белой древесиной. От этого сока разрушенных мною клеток голенький белый прутик весь мокрый, чуть липкий. Если положить его на муравейник и немного подождать, через минутку всю палочку облепят муравьи. Теперь эту всю шевелящуюся живую палочку надо взять и резко встряхнуть, чтоб осыпались муравьи, — и лесное угощение готово, кисленькая, вызывающая жадную слюну «конфетка» — лижите ее на здоровье, муравьиный сок полезен!

Конечно, во время работы я этого не делала. Но не могла удержаться, чтоб не раскрутить свернутый в трубку липовый лист, если такой попадался: очень уж мне хотелось застать, как из белых червячков, которые сидят там, в этой трубке, набитой паутиной, образуются личинки-

куколки, а вдруг да уже и бабочка готова? Ни разу мне этого не удавалось, но я продолжала надеяться: а вдруг?

А сейчас веники, веники, веники! И норма, норма, норма!

«Ах, да потом, потом! — уговаривала я себя. — Потом личинки и бабочки».

Я чувствовала, что моя жизнь, которая до сих пор текла, как воздух, над полем и лесом без путей и дорог, а сразу по всем тропкам, бороздкам, стеблям, деревьям, проникая сразу везде, вдруг встала на жесткие рельсы, с которых невозможно сойти, пока не доедешь до станции: рельсы — это работа; станция — это норма. Это заветные пятнадцать веников. Только сойдя на этой станции, можно было снова рассыпаться, разбежаться в разные стороны — слушать тополя, рассматривать цветы, искать личинки, думать о нимфах. А пока резать веники, резать... «Кондуктор, отправляясь в путь, не режь билеты как-нибудь! Режьте билеты, режьте билеты, режьте осторожно. Перед вами, перед вами пассажир дорожный!» — звучал в голове ритм непонятной и привязчивой папиной присказки, он бормотал ее себе под нос, когда что-нибудь мастерил.

И правда, к веникам она здорово подходила: режьте билеты, режьте билеты! Потому что война. Широкие, разлапистые, со всеми своими сучками и листьями, расположенные в одной плоскости, будто их подержали между страницами книги, липовые ветки одна за другой попадали под мой серп, острый серп Вазыха, серп с красной рукояткой, как будто его взяли прямо с герба нашего Союза. Серп мягко, почти беззвучно разрывал нежные молодые волокна луба и белой древесины, и только шелест нежной липовой листвы да треск мелких сучков под ногами и был тем совсем малым, не чуждым лесу шумом, который производила моя работа. Плоские и широкие липовые веники позднее свяжут попарно, повесят в тень на сушила, а зимой сладким липовым листом и скользкими, когда разжуешь, веточками полакомятся телята или даже коровы.

Телята дадут «хороший привес» — эти слова для моих родителей самые желанные. Когда свиньи или телята дают хороший привес, и папа и мама даже со мной как-то иначе разговаривают, более охотно, веселее, чаще шутят, больше прощают.

Я понимала, конечно, почему. Не маленькая. Привес — это мясо. Его больше сдадут государству. В городе, где живут мои двоюродные сестры, мясо продадут в магазинах. Наделают из него колбасы, в столовых наварят борща и супу и настряпают котлет. А сейчас мясо нужно, чтоб кормить бойцов на фронте. И молоко нужно и масло. Я думаю, что липовые веники нравятся коровам. Я сама люблю жевать липовые листочки, особенно делать из них пирожки с земляникой: надо в лист насыпать ягод, свернуть блинчиком и в рот.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Елена АКСЕЛЬРОД

Звезда в горсти

И лес был темным
И вода,
Когда мы шли домой.
Вдруг я зажмурился —
Звезда
На палец села мой.
И я звезду
Зажал в горсти,
Звезда просила:
— Отпусти!
Звезду я выпустил из рук,
Хоть было жаль немного —
И снова темнота вокруг...
И не видна дорога.
Вдруг вижу:
Светится сучок!
Так вот ты где,
Ночной жучок —
Моя звезда,
Мой светлячок!

Акобир ШАРИФИ

Белый карандаш

Солнце вышло из-за гор
и вкатилось к нам во двор.
Я вскочил и прямиком
к речке дунул босиком.
Возвратился, сел к столу,
выпил чаю пиалу.
Наконец, раскрыл тетрадь,
начинаю рисовать:
вот овец пасет пастух,
на него глядит петух,
три ободранных кота
пляшут с зайцем без хвоста...
Но никак я не могу
двор изобразить в снегу —
рисовать такой пейзаж
должен белый карандаш,
а его у меня нет...

Перевел с таджикского
Анатолий НАЙМАН

ВСЕМ ШКОЛАМ ШКОЛА!

Фоторепортаж
В. АРСИРИЯ

Окна здесь огромные, как стены. А коридоры — словно проспекты. А лестницы торжественные, как во дворце.

Это и правда — всем школам школа! Заходим в класс — удивительно: исчезла сто раз прославленная и сто раз осмеянная «камчатка» — мечта и надежда лодырей. Классы здесь будто повернуты: ширина стала больше длины... Сразу все парты как бы придвинулись к доске. И видно и слышно лучше. И вообще как-то необычней и веселей стало учиться!

Грянул звонок — переменка. Ребята бегут... на террасу. Да-да, здесь терраса есть. Значит, если на дворе даже самый свирепый ливень, все равно можно глотнуть свежего воздуха и побегать всласть.

А еще в школе два физкультурных зала. Один для малышни, другой для взрослых. Раньше-то как бывало? Старшие в зале — младшим не пробиться. А теперь уж не то! И сразу школьный спорт рванулся вперед, как на ракете. Держитесь, старшеклассники! Еще поборемся за место в сборной... Это так малыши про себя думают.

Школьная библиотека, 15 тысяч книг. Если все прочитать — ого, умным каким станешь! И надо сказать, библиотечный зал никогда не пустует. А в столовой, наоборот, вроде пустовато на первый взгляд. Но нет, не пустовато здесь, а просторно. Всем места хватает. Только сутолоке и толкотне сюда вход воспрещен.

Шагаем по школе, читаем таблички: «Лингафонный кабинет», «Лабораторная комната», «Актовый зал» — огромная площадь, окруженная колоннами света...

Из окна виден внутренний дворик. Там — бассейн школьный! Бассейн! Это же такая вещь преотличная!..

Да, хорошо здесь учиться, в ленинградской школе номер два. Хорошо, но и ответственно. И ребята понимают это. Школу свою берегут. Сами стараются украсить ее, стараются учиться как можно лучше. Двоечником здесь быть не то что стыдно, а просто даже и невозможно.

А как пионерские дела? Отлично! А как спорт? Тоже. Есть в школе два оркестра,

свой пионерский театр, своя художественная студия.

Ленинградская школа номер два. Если б рассказать о ней пионерам двадцатых, тридцатых годов, они бы, наверное, сказали:

— Эге, куда загнул! Такие школы просто фантастика!

Но нет, как видишь, это не фантастика. Такие школы уже существуют. С каждым годом их будет все больше и больше.

Марина **ВИШНЕВЕЦКАЯ**

РАССКАЗЫ ВИТИ ГОНЧАРОВА

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ

ДВЕ ДЕКАДЫ

Я года два назад книжку одну читал. Там главный герой говорит своему другу: «Женщины —это яд. От них все наши несчастья». Ну, я тогда маленьким был, хмыкнул от удивления и дальше читать стал. И вот только теперь я понял всю глубину этой мысли.

Буквально неделю назад Ленка Птичкина вывесила в классном уголке объявление: «С сегодняшнего дня в нашем классе проводится декада рыцарства. Самый вежливый и самый благородный мальчик будет назван рыцарем 7-го «А». Члены жюри — вся прекрасная половина класса».

Я подошел к объявлению как раз, когда Борька Толмачев, зачеркнув слово «прекрасная», старательно выводил «ужасная».

— Толмачев,— невозмутимо процедила Ленка,— итак, у тебя минус три очка.

Ну, вот, думаю, началось... И действительно, не успел я толком подумать, что именно началось, как из другого конца класса Люська Телегина вдруг как завопит:

— Гончаров! У меня упал карандаш куда-то. Помоги мне, пожалуйста, его найти...

— Чего? — возмутился я.

— Можешь заработать шесть очков,— тут же прикинула Птичкина.

— Чего? — повторил я.— Очень надо!

Но в тот же момент Борька срывается с места. Как под вражеский танк, бросается под Люськину парту, собирает на себя всю пыль в радиусе трех метров и, очень довольный собой, протягивает ей карандаш.

Да, Люська ему нравится. Да, он для нее не то что карандаш — он для нее четвертую сторону в треугольнике найти может... Но так предать друга! Я уже направился было к Борьке, чтобы сказать ему все, что я о нем думаю, как в класс ввалился Костя Гаевский, и не просто ввалился, а с портфелем Верки Волковой в руках! Девчонки завизжали от восторга и стали наперебой выкрикивать, как на аукционе:

— Десять очков! Нет, пятнадцать!

...Весь этот день я сосредоточенно думал. Что ж это такое получается? Мальчишки, причем все до одного, на поводу у этой прекрасной половины — это раз! Я на этом фоне выгляжу белой вороной — это два! Борька — предатель и Дон Жуан! Это три! Надо что-то предпринять, пока мои товарищи окончательно не свихнулись,— это четыре! Но что? Что?.. К вечеру меня осенило. Я бросился к телефону и позвонил Птичкиной.

— Ты умеешь хранить тайну? — суровым голосом прошипел я в трубку.

— А что?—попыталась перейти к делу Ленка.

— А то, что я хочу тебе кое-что сообщить!

— Я вся внимание и могила,— поклялась Птичкина.

— Ну так вот,— начал я.— Мы, то есть мальчишки, проводим в нашем классе подпольную декаду гордости и неприступности: хотим определить самую гордую девчонку 7-го «А». Такую, чтоб и портфель свой никому не разрешала носить и в дверях не позволяла себя вперед пропускать...

— А почему ты все мне выбалтываешь, если декада ваша подпольная? — удивилась Ленка.

Хм, что же ответить? Пришлось выкручиваться на ходу:

— Это просто вынужденная мера. У вас ведь у каждой уже по минус семьдесят очков.

— Это почемуй-то?

— А потому: одна просит карандаш поднять, другая намекает, чтоб за нее с доски стерли... Мы же не можем итоги подводить, у всех одни минусы!

— А-а...— согласилась Птичкина,— тогда конечно. Ну, спасибо тебе... Витя. Я учту.

С Ленкой я учился уже шесть с половиной лет и отлично знал, что сознательность не позволит ей скрыть эту тайну от остальных. Короче говоря, на следующий день о моей «нелегальной» декаде знала вся так называемая прекрасная половина. В то же время другая половина ни о чем и не догадывалась! Все пять переменок я умирал от смеха, на-

блюдая, как Гаевский безрезультатно выпрашивает у Верки Волковой портфель, а Борька, тоже безуспешно, дежурит у парты Телегиной в надежде, что Люська что-нибудь уронит. Одним словом, декада рыцарства срывалась наилучшим образом. Мальчишки ничего не понимали, а девчонки были очень довольны собой. Каждая из них считала именно себя наиболее неприступной.

Но вечером того же дня звонок Птичкиной испортил мое хорошее настроение.

— Отменяйте вашу декаду,— потребовала она,— а то вы нашу сорвете. Сегодня никто из вас ни одного очка не заработал.

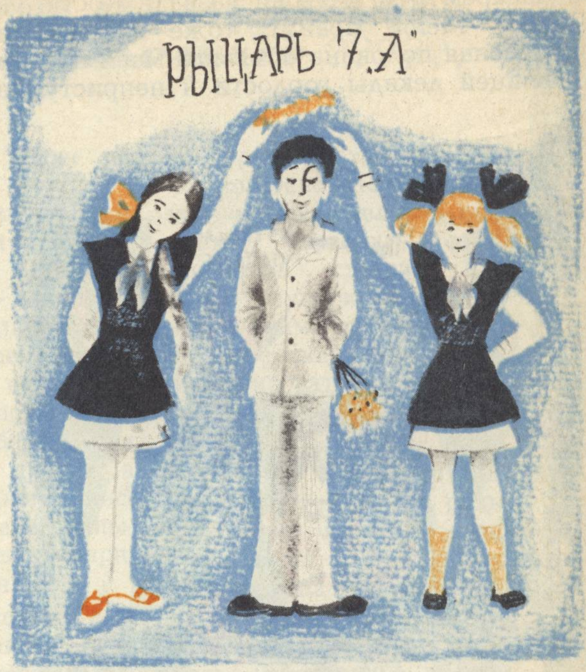
— Нет,— говорю,— мы свою отменить не можем. Лучше вы свою переносите... То есть я бы, пожалуй, согласился нашу отменить, да мальчишки против будут. И потом, вы молодцы: теперь у многих уже не минус семьдесят, а минус сорок. А у тебя, Ленка, вообще минус двадцать уже.

Тут, чувствую, Птичкина задумалась, но потом:

— Нет,— говорит,— мы свою декаду перенести не можем. Она уже у Марьи Павловны в плане воспитательной работы стоит. Так что давай по-хорошему договариваться...

— А ты,— говорю,— Марьей Павловной на испуг не бери. Ты,—говорю,— давай не очень... А то мы вам не декаду, а целый месячник гордости и неприступности объявим! Вот тогда покукарекаете...

Короче говоря, мы с Ленкой так ни о чем и не договорились. Но она, как выяснилось, на

этом не успокоилась и стала обзванивать остальных мальчишек. Позвонила Толмачеву. Тот, конечно, «как?», «когда?»; Гаевскому позвонила — тот тоже «кто?», «где?»... В общем, за один вечер Птичкина услышала столько вопросительных местоимений и наречий, что другому бы их хватило на всю жизнь.

...Не вдаваясь в подробности, скажу, что бить меня не стали: то ли мальчишки проявили рыцарство, то ли девчонки — гордость.

А рыцарем 7-го «А» они назвали Костю Гаевского. Меня, правда, тоже не забыли: прекрасная половина объявила меня победительницей декады гордости и неприступности.

РАЗМИНКА

Захожу я как-то на большой перемене в класс, а там творится что-то невообразимое: Митька Галицын со своей парты орет и кулаками размахивает. Борька Толмачев с подоконника надрывается, да так, что вот-вот свалится, девчонки визжат, а Ленка Птичкина (наверно, уже охрипшая) выводит мелом на доске: «Пожалуйста, замолчите!» И только наш местный всезнайка Костя Гаевский очень снисходительно наблюдает за всем этим со стороны. Ну, я к нему, конечно.

— Что,— говорю,— случилось? Неужели карантин?

— Нет,— отвечает.— Просто нас вэковцы в КВН играть вызвали.

Я даже свистнул от удивления. Но как только пришел в себя, тоже залез на свою парту и начал что-то орать. А так как начал я последним, то, когда уже все охрипли, я еще держался.

— Не ударим лицом в грязь,— говорю,— покажем этим вэковцам, этим хвастунам и гордецам, что такое аковцы!..

Все в знак согласия что-то зашептали. Ну, то есть они, конечно, хотели закричать, но из этого ничего не вышло. А Птичкина снова стала выводить на доске: «Надо выбрать капитана. Предлагаю Гончарова».

— Меня, что ли? — не понял я.— Да я ведь не находчивый... хотя и веселый.

— Конечно, тебя,— шипит Толмачев.— И внешность у тебя подходящая...

— И вообще ты подходишь,— прокашлял Гаевский.—А с завтрашнего дня мы начнем тебя разминать.

— Точно! Начнем! — зашептали все.

И в самом деле, назавтра на первом же уроке я получил записку: «Что тоньше комариного носа?» А что, думаю, вправду тоньше? Волос? Не смешно. Паутина?.. Я так сосредоточенно соображал, что наш математик Антон Петрович сказал:

— Молодец, Гончаров. Ты еще никогда с таким усердием не работал на уроке.

Это меня немного отвлекло, но все же я придумал ответ: «Тоньше комариного носа юмор вашего капитана».

На переменке все стали хвалить меня. Но тут Толмачев сделал почему-то стойку на руках и почесал левой ногой правую.

— Что это значит? — спросил он, возвращаясь в исходное положение.

— В самом деле, что это значит?! — завозмущалась техничка тетя Шура и уволокла Борьку в сторону кабинета директора.

— Тридцать секунд на размышление! — все же успел прокричать тот.

Все смотрели на меня.

— Это значит,— стал соображать я.— Это... Это... Борька показал, как он шевелит мозгами.

— Ответ на троечку,— прорезюмировал Гаевский, и почти все с ним согласились.

— Будем тебя усиленней разминать,— вздохнула Птичкина и три раза прокричала петухом.— Что это такое?

Короче говоря, так прошел весь день. К последнему уроку мне уже и не требовалось тридцати секунд: мои ответы буквально опережали вопросы. Когда на истории я отвечал на одиннадцатый пункт задания, присланного Гаевским, меня вызвала Елена Николаевна.

— Чем ты можешь объяснить, Гончаров,— спросила она,— рост авторитета России во время правления Петра Первого?

— Ростом самого Петра,— ответил я.

Класс взорвался. Все радостно переглядывались: они видели плоды своих стараний. А я... В кои-то веки человек выучил историю... и — вот тебе на! — доразминался...

А Елена Николаевна продолжала:

— Тогда вспомним что-нибудь из старого материала. Не скажешь ли ты, в чем заслуга Александра Невского?

— Как же не сказать? — говорю.— Если б не он, Нева, может, до сих пор без названия была бы...

Елена Николаевна молча покачала головой, и я понял, что на сегодня мой исторический юмор окончен...

КВН мы все-таки у вэковцев выиграли! Только вот капитаном был Борька Толмачев. Потому что меня за снижение успеваемости отстранили.

Как воспитать волю?

Можно ли переделать характер??????

ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ

Е. И. САВОНЬКО,
кандидат психологических наук

Сегодня разговор пойдет о людях обидчивых.

В прошлом номере мы договорились о том, что ты посчитаешь, сколько раз в день ты обижаешься, на кого и за что. В одном шестом классе мы спросили об этом всех ребят. Оказалось, что из сорока трех человек десять не могли вспомнить ни одного случая, когда они всерьез на кого-нибудь обиделись, семнадцать человек обижались, как правило, один раз в день. У остальных пятнадцати по три-четыре обиды насчитывалось в день! Один человек отказался отвечать на вопрос. «Это — мое дело», — сказал он.

Рекорд обидчивости поставила одна девочка, Галя, она обижается часто. На кого? На девочек и на мальчиков, на учителей, на классного руководителя и на старшую пионервожатую, на тетю Аню из раздевалки и на младшую свою сестренку. За что? На этот вопрос Галя не ответила.

Гале очень трудно ладить с ребятами и с учителями, а всем трудно с ней. Чуть что — обидится, замкнется, расплачется. Я попросила Галю подумать: почему не складываются у нее отношения с людьми, попробовать не винить во всем других, а честно, без всякого снисхождения к себе попытаться разобраться в причинах происходящего.

Суметь посмотреть на себя со стороны очень трудно, и на первых порах я решила помочь Гале. Я задавала ей вопросы, а она отвечала на них, и постепенно мы выяснили, что дома и в школе в младших классах Галю постоянно хвалили, а потом не заладилось с алгеброй; слух оказался неважным — фальшивила, когда пела на уроках пения. Появились трудности, и Галя не сумела с ними справиться; начала думать, что к ней плохо относятся, и обижаться.

Психологи установили: обида появляется тотчас же, как только желаемое расходится с действительным. Надеялся получить хорошую отметку, поставили тройку, роль, которую ждал, отдали другому.

Думал, ребята позовут в игру, а они не позвали. Сталкиваясь с трудностями, неудачами, люди поразному относятся к случившемуся. Всякому, конечно, хочется добиться успеха, удачи, почувствовать себя сильным, но, если этого не произошло, обидчивые люди болезненно переживают. Постепенно это становится привычкой, которой человек старается оправдать себя. Мучается, страдает. И будет чувствовать себя несчастным до тех пор, пока не попытается проанализировать **свое** (обратите внимание: **свое**) поведение.

Учитель поставил за контрольную три, а раньше ставил четыре и пять. Но в этой работе много ошибок, значит, надо подзаняться, наверстать то, что запустила, а не швырять контрольную в парту и не говорить учителю грубости.

По физкультуре в четверти — двойка, но учитель же не виноват в том, что ты постоянно убегаешь с уроков физкультуры. Ведь это ты не любишь прыгать и бегать...

У Кати был день рождения, а тебя не позвали. Но вспомни: ты ходила с ребятами на каток, Катю не позвала, хотя она сидит с тобой на одной парте. Катя на сборе предложила пойти в музей; ты сказала, что в музее не интересно: скука там, — и посмеялась над Катиным «глупым» предложением. Вот так... Всегда, если хорошенько подумать, можно разобраться, справедливы или не справедливы к тебе товарищи, взрослые. Всегда, прежде чем обижаться на других, нужно критически отнестись к себе. И многие сложности исчезнут сами собой, ты почувствуешь себя сильным. Попробуй так «поработать над собой» и напиши нам, что у тебя получается.

Кто виноват, что мама не всегда понимает тебя

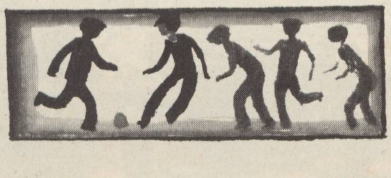

Почему не складываются отношения с товарищами?

Отчего не принимают в игру??

ПУТЕШЕСТВИЕ

В НОЧЬ

Юрий КРУТОГОРОВ

Когда я был совсем маленький, я очень удивлялся: откуда ранним утром в магазине появляются горячие батоны? Кто их испек спозаранку?

Когда я стал постарше, мне захотелось узнать, как ночью самолеты садятся на землю, ведь тьма кромешная.

Когда я жил на Сахалине, часто смотрел передачи по телевизору. И диктор из Москвы говорил: «Добрый день, дорогие товарищи!» Но в это время в Москве еще ночь.

Когда я пришел однажды в «Пионер», мне дали письмо Аси Бакшт из горноалтайского села Маймы. «Куда деваются ночью поезда? — спрашивает Ася. — И что делается в метрополитене в это время?»

И мне захотелось рассказать о Москве ночной, о людях, которые трудятся в те часы, когда мы спим.

ТРОЛЛЕЙБУС УХОДИТ НА ОТДЫХ

...Последний московский троллейбус уходит на отдых. Он торопится. Водитель не объявляет остановок: некому.

Мчится одинокий троллейбус, шелестя шинами по уснувшему шоссе.

Только он не совсем одинок, этот троллейбус. Вот навстречу ему движется этакий тараканище — два ярких глаза и усищи от тротуара до тротуара. Эге-ге-ге, старый знакомый! Поливо-моечная машина! Привет! Поливомойка по-приятельски окатывает левым усом голубой бок троллейбуса, и кажется, тот даже фыркает от удовольствия, как мальчишка. Асфальт светится серебристо, в нем зыбко плавают желтые дыни — блики светильников.

Из-за угла выкатывается стадо машин с белыми баками вместо кузовов; синие буквы мелькают на баках: МОЛОКО. На фермы спешат. К утренней дойке. За парным молочком. Троллейбус лобасто глядит вслед автомобильному «молочному» стаду, будто предупреждает: «Смотрите мне, простоквашу не привезите». А зеленый глазок светофора — вот уж действительно кто никогда не смыкает глаз! — подмигивает троллейбусу: «Двигай, дружище, в свое депо».

На остановке — пассажир. Нет, это не запоздавший гуляка. В руке портфель, кепка низко надвинута на брови. Водитель, наверное, думает: «И какая нелегкая понесла этого чудака в ночь? В обсерваторию спешит, чтобы прильнуть ученым глазом к телескопу? На ночной поезд торопится? Откликнулся на срочный вызов по телефону?»

И не угадал водитель! Это не астроном. И нет у него билета на ночной поезд. И по телефону его никто не вызывал. Потому что ночной пассажир — это я сам. Начинается мое ночное путешествие по городу.

Нам по пути, товарищ водитель! Мне тоже в Останкино, во-он к той башне-великанше, которую видать из любого уголка столицы. Я решил: взберусь на самую верхотуру. Во-первых, охота поглядеть почти из-за облаков на спящий город. Ну и узнать, что происходит в самой середке высоченного шпиля, который, как шпага, проткнул московское небо.

ЛЕТИТЕ, ТЕЛЕВОЛНЫ, ЛЕТИТЕ!..

Самый стремительный в стране лифт — восемь метров в секунду — забрасывает меня на кончик шпаги-шпиля. Вместе с инженером Татьяной Мушенко выхожу на решетчатый балкон. Ух, какой здесь ветрище! Кажется, паришь над Москвой, точнее, над раскинувшимся где-то внизу огромным электрифицированным макетом. Пунктиры фонарей, светофоры, светящиеся витрины магазинов обозначают площади, улицы, набережные. Ночь прозрачная; протягиваешь ладонь и как бы дотрагиваешься до прохладного, подсиненного воздуха. Внизу многоцветное, перемигивающееся живое и теплое созвездие. О, если глядит на него сейчас какой-нибудь инопланетный астролог, то, небось, в толк никак не возьмет: «Что за странный астероид: к вечеру возникает, к утру растворяется? Ах, как загадочна Вселенная!»

Ночная Москва и вправду загадочна. Если бы телебашню просветили особыми лучами, то мы бы увидали: она телеволнами оплетена, как елка серпантином. И башня эти волны распутывает, вытягивает из клубка ниточку за ниточкой и посылает куда надо. А куда надо, хорошо известно. Мы, москвичи, досматриваем седьмые сны, а дальневосточники — «Добрый день, дорогие товарищи!» — включают телевизоры. У дальневосточников солнце светит вовсю. Вот телебашня и равняется не на ночные звезды, а на солнце, которое в это время забрасывает лучи над самым краешком советской земли.

И потому в цехе междугородного и международного телевидения — самый высокий цех в

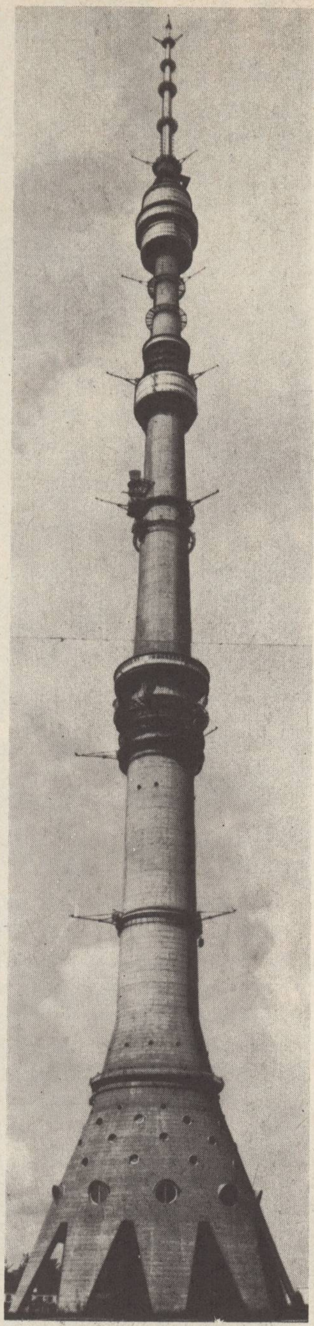
стране! — в любое время суток в динамиках и моторах звучит иноязычная речь, одновременно можно увидеть утренние, дневные, ночные передачи со всех широт мира.

Антенны телебашни — громадные рупоры с зеркальной поверхностью, выведенные наружу, — словно всматриваются и вслушиваются в мир. Им доступны самые невероятные пространства. Я постоял рядом с такой антенной, даже тихонько прикоснулся к ней рукой: чудо все-таки...

Татьяна Мушенко зовет в аппаратную. Ого, тут, наверно, десятка два телевизоров, вделанных в панель. Какие-то изумрудные полоски, цифровые сетки, кинокадры мелькают на экранах. Просто голова кружится, когда смотришь на все сразу. Это антенны телебашни расшифровывают невидимые письмена эфира.

Таня настраивает канал связи с Белградом. Она еще совсем молодая, только институт окончила, а ведет себя в этой башне свободно и легко, как Гулливер у лилипутов.

— Белград! Веду прием. Видимость отличная. Начинаю запись!

В Белграде футбольный матч. На нескольких экранах плывет по воздуху футбольный мяч — он вроде бы описал стремительную дугу между Москвой и столицей Югославии.

Дальний стадион. Поднятые руки болельщиков. Слитный гул тысяч голосов.

Матч не транслируется: поздно. Его записывают на пленку и через несколько часов покажут по телевидению.

Таня не отрывает глаз от сигнала осциллографа. Зеленая такая спиралька. Мне лично она ни о чем не говорит. А инженер определяет по ней, по ее почти неуловимым колебаниям четкость изображения, контрастность. Мужская часть семьи не простит Татьяне, если мяч начнет двоиться, а ворота — вытягиваться или сплющиваться.

Я в радиорелейной. Старший инженер Саша Кузенков «эфир готовит», как он мне сказал. Отсюда, как с железнодорожной станции, звуки и изображение — «видео» — отправляются в самые разные маршруты. И надо позаботиться, чтобы телеволны по пути «не затухли». В радиорелейной звукам и «видео» дают как бы крылья, иными словами, волны переключаются на сверхвысокие частоты. Летите, телеволны, летите! Вот и Танина запись скоро возьмет отсюда старт.

Кузенков говорит о звуке и «видео», как о пассажирах, которых можно отправить в любые рейсы. Даже в космос, прямо на искусственный спутник Земли «Молния». Летит «Молния» и отдает принятую информацию самым неблизким наземным станциям под названием «Орбита». И люди знают: это работает денно и нощно главная телевизионная башня страны. С высоты своего огромного роста она рассыпает над городами и селами нашей Родины серпантин телевизионных волн.

Напоследок выхожу на решетчатый балкон. На самой окраине города в небе мелькают красные и зеленые огоньки. Самолет пошел на посадку. И мне в аэропорт.

«ВОШЕЛ В ГЛИССАДУ. ПРОШУ ПОСАДКУ!»

Сколько раз я улетал как обычный пассажир с аэропорта Внуково. Может, сто. Может, и больше. А сейчас никуда не улетаю. Тихонько, чтобы никому не мешать, притулился в уголке диспетчерской, ее еще называют пунктом слежения посадки.

Экраны локаторов усеяны звездными точечками, линиями, туманностями. Они похожи на звездное небо, каким мы его видим в планетарии.

Всматриваюсь в экран. Постойте, что это там сбоку возникло? Черточка величиной с тире. «Тире» перемещается по экрану, по его верхней полуокружности. Локатор мерно гудит. Уютно так, словно закипающий самовар. Шелестят разряды, как угольки потрескивают. Дальние шумы все явственнее врываются в диспетчерскую. Ровный, спокойный голос по радиосвязи:

— Говорит 45070. Делаю третий разворот.

— Вас понял! (Это диспетчер, я рядом с ним примостился.)

Самолет «ТУ-124», борт 45070 еще где-то в небе, а радиолокаторы принесли его изображение в виде тире на «звездный» экран.

Пилот. Вхожу в глиссаду.

Диспетчер. Проверьте выпуск шасси. Ваше удаление от посадочной полосы — семь километров. Курс верный.

Глиссада — это когда самолет идет прямым путем, как по линеечке, к посадочной полосе. И я вижу, как «тире» все ниже спускается к светящейся линии — бетонной дорожке.

Диспетчер. Удаление от полосы — триста метров. Посадку разрешаю!

Все! Они слились, «тире» и светящаяся линия.

Диспетчер откидывается на спинку мягкого кресла. Доволен. Хорошо посадили «борт»!

А командир корабля «ИЛ-18» Анатолий Сергеевич Гурьев только лишь готовится в ночной рейс. Он поведет лайнер в один из поселков, что в Заполярном круге. Улыбается: «Интервью давать во как некогда! Смотрите!» Вместе со штурманом Симоном Константиновичем Казаковым рассчитывает путевую скорость, запас топлива до аэродрома назначения. Синоптики сообщили сводку погоды над всей трассой, и теперь пилотам, исходя из полученных данных, надо определить наиболее выгодный «эшелон высоты», рельеф маршрута — и небо, видите, имеет свои рельефы... Это крайне важно: придется лететь над отрогами Северного Урала, потом забирать на север, на север... В расчет берется направление ветра, угол скоса от воздушных потоков. Все это заранее надо знать. В тихой, уютной штурманской пилоты мысленно прослеживают предстоящий маршрут, вносят в путевые документы нужные заметки.

Сейчас я услышу, как начнется рейс.

Высокая башня справа от аэровокзала увенчана громадным стеклянным колпаком. Оттуда операторы и диспетчеры следят за летным полем. Поднимаюсь в колпак. Слышу знакомый голос Гурьева:

— Разрешите запуск двигателя.

— Разрешаю, — говорит диспетчер в микрофон.

— Разрешите выруливать!

— Разрешаю! Ваша РД-3 (рулевая дорожка номер 3).

Самолет выруливает на взлетную дорожку. Видны его фюзеляжные огоньки. Они попеременно вспыхивают: красный, зеленый. Это улетают мои знакомые пилоты. Счастливого рейса вам! Светящаяся точка угасает на глазах. А город спит, не подозревая о том, что один из его ночных огоньков, словно воздушный шарик, улетел в небо.

СДОБНЫЙ РОЖОК ТОРОПИТСЯ К ЧАЮ

Путешествие по ночному городу я продолжаю на хлебозаводе-автомате. Теперь я иду следом за сдобным рожком, похожим на только что народившийся месяц.

Время позднее, и рожок торопится рано утром попасть в магазины тепленьким и душистым — к чашке чая, к стакану молока. Это не простой рожок. Это заслуженный рожок. Когда в 543-й и 544-й школах у первоклассников, второклассников и четвероклассников спросили, какой хлеб они больше всего любят, ответ был такой: ро-жок, ро-жок! (Скажу по секрету, что к авторитетным соображениям представителей начальных классов присоединилась и более солидная публика — пятиклассники и даже отдельные семиклассники.)

И вот я смотрю, как делается этот великолепный, заслуженный рожок.

Тестомесильные машины строго по рецепту замесили тридцать тысяч рожков. Уж они намяли громадному колобку бока! Надавали ему пощечин и столкнули в бродильную камеру. Пусть тесто подрастет, поднимется, станет пышнее.

Часы отмеряют время. Потом дают автомату команду: пора!

Тут формовочная машина берется за дело. Рожка еще никакого нет, но скоро из белого, щекастого колобка он появится, как появился из полена Буратино. Крутится барабан, а в нем масса ячеек. Из этих ячеек и появляются рожки. Не испеченные, конечно, не одетые в хрустящую корочку. Но подождите — всему свое время. Сырые рожки побудут еще чуть-чуть в сушильном шкафу.

Лента-ухват наконец заталкивает первую «рожковую команду» в пасть печки. Пекитесь, дружочки! В печке они пробудут примерно половину школьного урока. Звонок! И горячие рожки, подрумяненные, аппетитные, хлебным дождем сыплются в деревянные короба.

Во дворе хлебозавода-автомата дожидаются автофургоны «Хлеб». В них загружаются батоны и городские булки, булочки калорийные и ярославские, с маком, изюмом, повидлом и калачи, калачи, калачи... Это, я думаю, одна из самых ароматных и вкусных московских улиц — проезд Хлебозаводский. Тридцать тысяч килограммов рожков, батонов, булочек выпек за ночь завод-автомат. Сам! Почти без людей! Заведующая лабораторией Вера Ивановна Гусева, и тестовед Елена Петровна Чижова, да еще несколько человек лишь следили за автоматами. Мало ли что: вдруг заминка где-то произойдет или лента-ухват замешкается. Но в эту ночь автоматы вели себя просто отлично!

ЧТО СНИТСЯ ГОЛУБОМУ ЭКСПРЕССУ

Ну и ночка выдалась! Никогда у меня такой еще не было. Спускаюсь в самый нижний этаж Москвы. В подземном вестибюле метро «Юго-Западная» встречаюсь с помощником дорожного мастера Александром Бобковым. Четырьмя пальцами он складывает букву М. Условный знак встречи.

— Айда! — весело приглашает он меня в тоннель.

Айда так айда. Прошел последний поезд. Отключили от высокого напряжения контактный рельс. Нам его не видно: он сбоку платфор-

мы упрятан в особую покрышку. Он питает электричеством моторы голубых экспрессов как провод дугу трамвая или троллейбуса.

Никогда я не хаживал по тоннелю метро. А сейчас — пожалуйста!

Редкие фонари бросают свет на уходящие вдаль рельсы. Гудит ветер, втягиваемый вентиляторами сверху, с улиц. Попался, голубчик! Проветривай метро.

На запасном пути, в тупике — притихший поезд. Темны его глазницы. Прикорнул до утра. За день набегался, устал. А теперь, глядишь, и сны ему какие-нибудь снятся. Например, про метромост над Москвой-рекой. Про белые речные трамваи на воде. Завидно глядеть, как они легко, непривязанно к рельсам плавают по речке. А может, поезд видит во сне зеленую рощу на Ленинских горах — он мимо нее проносился за три секунды, чтобы сразу же нырнуть в темный зев тоннеля.

Пусть отдыхает. Его уже помыли в специальном душе, протерли стекла.

Я шагаю по шпалам и мысленно прикидываю, в каком месте нахожусь. Кажется, надо мной новенький, только что озелененный проспект Вернадского. Ага, тут телефонный узел, стеклянная коробка. Чуть дальше — ЦНИИ «Электроника», на другой стороне шестнадцатиэтажные жилые дома. И строящийся кинотеатр — пока вместо него башенные краны.

Иду и сам удивляюсь своей ночной прогулке.

На рельсах — приземистая тележка на четырех колесах. Прибор со стеклянным глазком. И провода, провода. Тележка похожа на спрута.

— Это еще что за чудо-юдо такое?

— Не узнаете? — смеется Бобков. — Это дефектоскоп. Рельсы проверяет. Наш главный ночной работяга.

— Ну, главный, наверно, вы?

— А вообще-то верно. Не проверим пути, поезда не пойдут. Я, признаться, забыл, когда спал ночью. У меня сутки наоборот повернуты. Днем сплю, ночью вот здесь...

Дефектоскоп катится по рельсам. Стеклянный глазок не мигает. Прибор ультразвуком прослушивает рельс, вернее, «прозвучивает». Трещинка — стоп! Ультразвук передаст глазку сигнал о неисправности. Глазок замигает. Но сейчас не мигает. У нас — полный порядок.

— А если что...

Бобков с полуслова понимает:

— А если что, — вызову «скорую техническую» — рельс мигом заменят.

Участок пути, по которому мы идем, называется околотком. В метрополитене сорок околотков. Повсюду сейчас «прозвучивают» рельсы. Между прочим, все это надо успеть за три-четыре часа. Потом поезда целиком завладеют тоннелями.

Мы встречаем тоннельного мастера Ефима Прокофьевича Гелахова. Идет себе и молотком простукивает толщу железобетонной стены. Прислушивается. По звуку определит, нет ли где зазора. А то плывуны — подземные воды — не любят шутить, только и ищут малейшего отверстия.

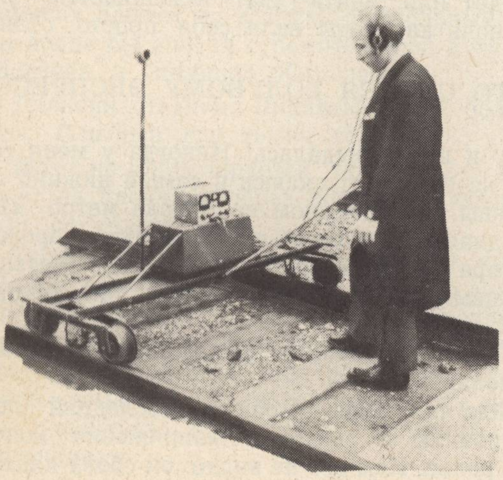
И он идет дальше вразвалочку.

Тридцать один миллиард пассажиров перевезли экспрессы метро за свою жизнь. Это в десять раз больше, чем все население земного шара. И вот о том, чтобы мы могли быстро ездить на работу, в институт, школу, куда угодно, заботятся Бобков, Гелахов и их товарищи.

Поднимаюсь наверх и по подземному переходу выхожу на проезд Исторического музея. Тиха и безлюдна ночная Красная площадь. Лишь у Мавзолея Ленина — торжественный воинский караул. Спокойны лица солдат, крепко сжимают карабины. Это пост № 1. Почти двадцать восемь тысяч дней и ночей продолжается эта бессменная вахта. Ежечасно. Ежеминутно.

Очередной развод. Парни в зеленых кителях шагают вдоль трибун. Сейчас они сменят товарищей.

И мне кажется, сама ночь с ее незримой работой, с людьми, которые не спят в эти звездные часы, стоит на торжественном посту, готовя для всех нас хороший, добрый день...

Занимается рассвет. Вот уже и первый троллейбус вышел на улицу. Доброе утро, приятель! Как отдыхалось? Я покупаю в только что открывшемся магазине булки, рожки и спешу домой. Дочка уже, наверно, проснулась, в школу собирается, и вот он, теплый рожок к чаю.

ХЛЕБ

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Утро бакенщика

Над селом зарозовели тучи,
Тенькнула синица в тальнике...
Звякая железками уключин,
Бакенщик
спускается
к реке.
Трутся листья сонного бурьяна
О худые ноги старика;
Бакены сквозь бороду тумана
На него глядят издалека.
По тропинке, с веслами в руке,
Подошел он к заспанной реке.
У воды неторопливо-мудрой
Вынул цепь из мокрого песка
И, как будто отмыкая утро,
Звонко щелкнул
Ключиком
Замка.

Последний рейс

На реке осенний ледоход.
Волны с бревен слизывают иней:
По шуге, как сквозь табун гусиный,
Баржу с лесом
Тащит пароход.

А вокруг уже белым-бело!
В камышах у берега не ломко,
По оврагам стелется поземка,
Топится по-зимнему село.

Медленно, как в гору пешеход,
Движется буксирный пароход.
Он дает короткие гудки —
Одинокий путник запоздалый...

Бакенщик с дощатого причала
На него глядит из-под руки.
Слышит он сквозь зимний шорох
льдин,
Как живет и жарко дышит лето
В связках бревен бронзового цвета,
В зное труб
И в ярости
Машин.

На Иртыше

Неохотно замерзает
Сном охваченный Иртыш.
Снег в протоки заползает,
Гнет
осоку и камыш.
В селах — дым над каждым домом.
И, как поздний куличок,
Семенит по льду живому
В гости к внукам
Старичок...

*

Осенний день. Далекие стога.
Березняки. Чернеющая пашня.
За деревушкой — синяя тайга
И с красной крышей силосная башня.
Иду вдоль речки, желтой от листвы,
Иду и жду: сейчас блеснет болотце,
И чибис, вылетая из травы,
Заплачет, отлетит и — засмеется...

Зимний клёв

Поглядишь на озеро в окно —
Рыбаков на льду полным-полно.
Смотрят в лунки неподвижным
взглядом,
Под руками — пешни, топоры,
Удочки наборные, а рядом
Окуней высокие костры.
Рюкзаки, промерзшие буханки,
Санки, глыбы колотого льда...
И ворчит старуха, встав с лежанки:
— Экое нашествие! Беда...

*

Уйду к реке, усталый и больной.
Прочь все мои тревоги и печали!
Среди гудков и пыли водяной
Буксирным тросом лягу на причале.

— Не наш ли это просмоленный
трос? —
У шкипера усатый боцман спросит.
И, может быть, какой-нибудь матрос
Меня к себе на палубу забросит.

И буду я, от счастья молодой,
Звенеть струной
над пенистой водой...

*

Клочок земли, заросший повиликой,
Ни конного, ни пешего следа.
Растаявшей на солнце земляникой
Глубокая пропахла борозда...
А рядом — сосны, тихие от зноя,
Овраг,
с краев осклизлый от груздей,
И полные былинного покоя
Над кромкой леса — крики лебедей...

Ранетки

Нет слаще сибирских ранеток,
Когда их морозцы побьют!
Мальчишки срывают их с веток,
Щеглы и синицы клюют.
С кислинкой, янтарного цвета,
Висят они, встретив пургу,
Горячими каплями лета
Горят на веселом снегу.

УЧЕНИЕ — ТВОЙ ГЛАВНЫЙ ТРУД

В твоем дневнике не бывает двоек и даже троек. Но твой товарищ, с которым ты пять или семь лет учишься в одном классе, не успевает, отстает от всех: не ладится у него с учебой.

Разве ты можешь быть спокоен?

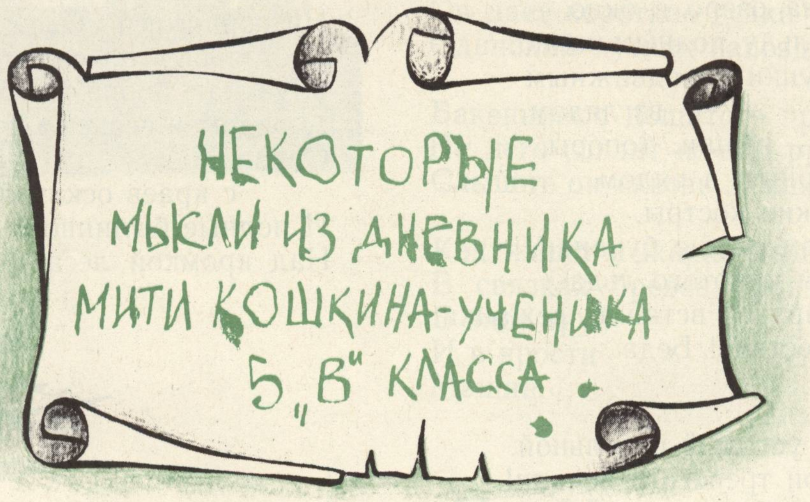
Если в походе, в пути кто-то из твоих друзей споткнулся, поранил ногу, ты не станешь бодро шагать дальше, пока не поможешь товарищу.

Поход в «Страну знаний» не будет радостным, если не все, с кем ты отправился в дорогу, придут к цели. Во всяком хорошем пионерском отряде всегда помнят: «Все за одного, один за всех».

В городе Кировограде, как свидетельствует наш корреспондент Геннадий Жаворонков, последние второгодники исчезли много лет назад.

А ТВОЙ ПИОНЕРСКИЙ ОТРЯД? КАК ОН ПОМОГАЕТ РЕБЯТАМ УЧИТЬСЯ?

РАССКАЗ об УМЕЛЬЦАХ

Дневник найден автором при въезде в Кировоград и публикуется без согласия Кошкина.

«...Ну и что, что двойка? Как они на меня все набросились: и совет и педсовет. Не я же виноват, а Вышкин. Я только чуть напутал: к физкультуре готовился, а у нас, оказывается, математика. Другой на моем месте растерялся бы, а я побежал в параллельный пятый — к Гере Вышкину.

— Здравствуй, — говорю, — Вышкин! Дай математику списать.

— Привет, — говорит он, — ты у своих возьми.

— Не могу я у своих. Мы теперь друг другу не подсказываем и списывать не даем. Только если кто-то из параллельного попросит. Вот я у тебя и прошу.

— Хорошо, — сказал Вышкин. — Я тебе — математику, а ты мне что?

— Проси, чего хочешь.

Вышкин подумал и сказал алчно:

— Фауну я хочу! Марка такая, а на ней животный мир. Например, саблезубый тигр.

— Где же я тебе этого тигра возьму?

— А ты его у Никитушкина вашего выменяй. У него их два.

Пошел — не тянуть же класс в отстающие. Отыскал Никитушкина, говорю ему вежливо:

— Здравствуй, Никитушкин, давай с тобой меняться.

— Давай,— говорит Никитушкин,— а на что?

— На фауну.

— А ты мне что?

— Проси, что хочешь.

— Хочу флору.

— Это еще что за тигр?

— Это не тигр, Кошкин, это марка, а на ней растительный мир. Эвкалипт, например, миндалевидный.

— Где же я найду тебе этот эвкалипт?

— А ты у Вышкина попроси, у него две таких марки.

Ладно, пошел к Вышкину.

— Гера,— говорю,— если я тебе фауну достану, ты флору отдашь?

— Отдам.

— Стой тогда здесь и никуда не двигайся...

Побежал я к Никитушкину, взял у него фауну, отнес ее Вышкину. Взял у Вышкина флору, отнес ее Никитушкину, вернулся назад и говорю Гере:

— Давай математику.

— Какую,— говорит он,— математику?

— Как это какую? Я тебе фауну дал?

— Дал.

— Так давай теперь мне математику.

— А за что?

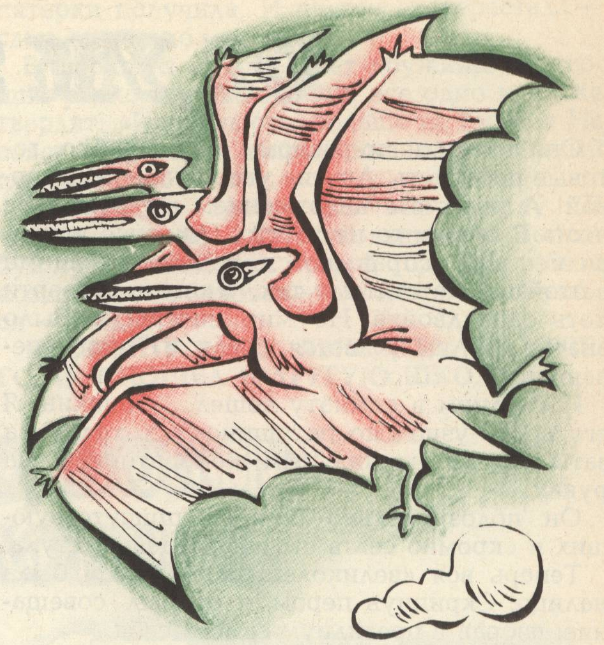
— Как за что? За фауну...

— Я тебе за нее флору дал.

— Ну и что?

— Ну и ничего...

Смотрел я на него, смотрел, потом повернулся и ушел, ничего не сказав. Что такому подлому человеку говорить? Лучше подожду, когда их класс включится в движение против списывания, тогда я ему покажу флору и фауну...

Еще в самолете, скользящем по облакам, как по ледяной горке, из Москвы в Кировоград, я не без удовольствия думал о том, что нет ничего приятнее писать о самом-самом первом или самом-самом последнем. Так или иначе попадаешь в историю, как свидетель, например, космических пришельцев или каких-либо ушельцев...

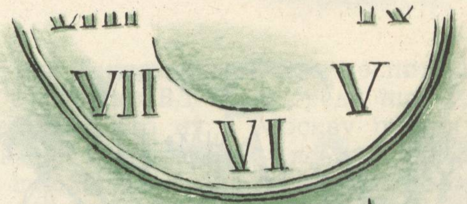
Мне предстояло писать об ушельцах — об умирающем клане второгодников.

По правде говоря, мне не совсем верилось, что этот в былые времена многочисленный и шумливый род обречен на участь куперовских могикан...

НЕ НУЖНО ОПАЗДЫВАТЬ...

Наверное, нет на земле человека, которому хоть раз в жизни не случалось опаздывать. Опаздывали короли и рыцари, всесильные учителя и аккуратные школьники. Опаздывали на минуту, на пять, от силы на час. Автор опоздал в кировоградскую школу № 25 ровно на семь лет. Об этом он узнал от директора школы Владимира Титовича Конопляника.

Дело в том, что ровно семь лет назад здесь еще был один второгодник, был и исчез. Исчез не человек, конечно, а сам факт. Просто такого уже ни с кем не случалось. Память директора не сохранила фамилии последнего второгодника, так как торжественных проводов ему не устраивали. Половина из 877 школьников учится на четверки и пятерки. Отстающие еще есть, семеро, но их явно не хватает для кворума съезда, на который автор задумал собрать второгодников. Все правильно: не нужно опаздывать.

Рисунки А. ГРИШИНА.

ОХ, УЖ ЭТО ЛЕТО!

Они входили по-разному. Одни робко, готовые потерпеть. Другие уверенно — не впервой! А кое-кто с недоумением в глазах: «За что?» В общем-то не за что. Они уже исправились или исправляются. Ведь отстающими в этой школе считают тех, у кого в четверти хоть одна двойка. Но мне интересно было знать, как им живется среди 877 преуспевающих.

Последним в комнату вошел... Кошкин. Я его сразу узнал по петушиному хохолку на затылке, по чернильным конопатинкам на руках.

Он подозрительно оглядел присутствующих и скромно сел в угол на краешек стула.

Теперь вся «великолепная семерка» была налицо. Скрипнув пером, я открыл совещание, избрав в президиум самого себя.

На повестке дня было всего два вопроса: «почему?» — в начале года они были отстающими и «как?» — удалось им преуспеть потом.

Никита, 7-й «А». Было лето... (Одобрительный шепоток присутствующих.) И все забыл. Потом была осень и хорошая погода. Хотелось побольше погулять. Все было хорошо, пока не вызвали, а как вызвали, так... Педсовет, совет дружины, и маму вызвали.

Автор. Ругать?

Никита. Учиться вызвали.

Автор. Вместо тебя?

Никита. У них здесь свой класс. Они там учатся, как заниматься с нами дополнительно.

Автор. И все сразу наладилось?

Игорь. Не сразу. Со мной, например, Ира Писная занималась, и Аня Блюменкранц, и дядя Леня из родительского комитета.

Лена. А со мной Полина Матвеевна, преподаватель математики.

Костя. Я много переезжал из города в город и отстал по некоторым предметам. А здесь стыдно было плохо учиться. Все пристают и домой ходят уроки проверять.

Игорь. У нас шефы — летчики, они со мной занимаются.

Автор. Подведем итоги. Причина успеваемости — контроль и шефы. Предлагаю их оставить. Причина неуспеваемости — лето. Предлагаю его отменить. (Бурное негодование.)

Слушали и решили:

«Лето не отменять. Шефов оставить до... окончательной победы самосознания». (Решение принято единогласно.)

Все встали, переговариваясь, пошли к двери.

— Стойте! — вспомнил я.— А кто же из вас Кошкин?

Молчание.

ЗНАЧИТ; ОН УЧИТСЯ СОВСЕМ В ДРУГОЙ ШКОЛЕ.

ШЕФЫ

Такие, как она, обычно непоседы: дел у них тысячи, и все они с началом, но без конца. У Оленьки Смоленцевой дел действительно тысячи, но все они имеют конец и всегда успешный.

— Таня, из нашего класса, почти по всем предметам не успевала, я с ней занималась, теперь у нее даже пятерки есть...

Автор. Так сразу и стала успевать?

Оля. Ну, сразу! Она сразу убегала от меня, а однажды так спряталась, что я ее еле нашла. Я к ней и домой бегала и по улицам

искала, а она, оказывается, во дворе за ящиками с мусором сидела.

Автор. Значит, главное — это найти, а потом уже все в порядке?

Оля. Ничего еще не в порядке. Найти легко: я все места такие знаю, где можно спрятаться. Главное— потом, чтобы слушала и понимала...

Автор. А бывало, что не слушала?

Оля. Конечно, бывало. Закроет уши руками и сидит. И я сижу. Жду или уроки делаю. Ей же все равно скоро надоест. Скучно ведь ничего не слышать. А вскоре она сразу три пятерки получила. И прятаться перестала — сама теперь ко мне ходит.

В школе № 34 на совет дружины отстающих редко вызывают. Они все одно и то же твердят: «Исправлюсь, больше не буду...» На совет дружины шефов вызывают. Самый главный спрос с них.

Отстающих здесь на всю школу 27 человек (это на 1 220 школьников). Попробуй тут останься на второй год. Так тебе и позволили. Убежишь — догонят. Спрячешься — найдут.

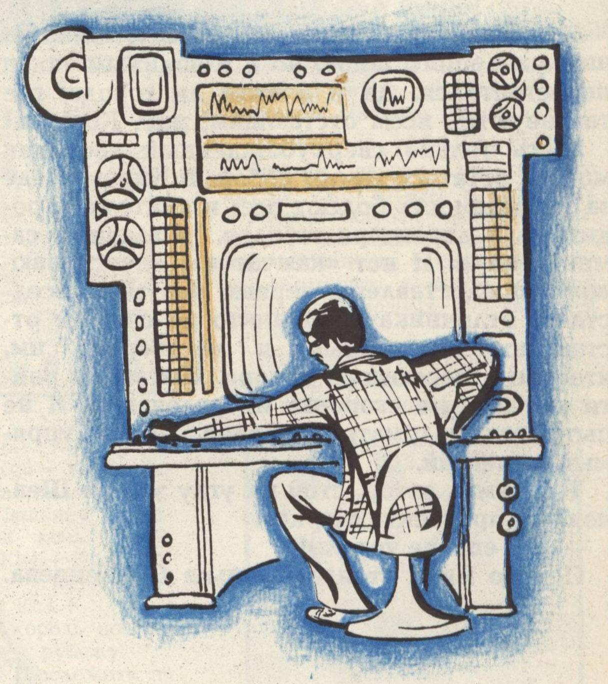
КОШКИНУ ЗДЕСЬ ЯВНО ДЕЛАТЬ НЕЧЕГО. И Я ПОШЕЛ В ДРУГУЮ ШКОЛУ.

ПРО КИНО, ВОЙНУ И АВТОМОБИЛЬ

В школе № 6 меня повели смотреть кино. Самое настоящее, только немое.

Фильм назывался «Зарница». В первых рядах наступающей армии я увидел... «отстающих». «К иному отстающему очень трудно найти подход,— пояснил Ефим Миронович Свинцицкий, преподаватель военной подготовки.— Они чаще всего сами себе в голову вбивают, что ничего не могут. Не всякий отличник так воевать сможет, как они. А раз воевать в поле умеешь, значит, и с двойками справишься. В учебе что главное? Дисциплина, настойчивость. В таких играх, как «Зарница», эти качества легче всего развить.

Потом «трудные» командовать любят. Времени у них свободного больше, чем у отличников, вот они и верховодят по дворам. В школе их, как правило, на «должности» не назначают, а им обидно. В игре — другое дело. Но если назначили тебя командиром в «Зарнице», с тебя теперь и спросить можно: «Где это ты видел командира с двойками?»

В кабинете Ивана Ивановича Терновского сплошная автоматика и телемеханика. Я сажусь за стол, а Терновский — за пульт управления, чтобы вопросы мне задавать. На экране перекресток, а на нем трамвай и машина. Кто кому должен уступить дорогу?

Кричать не надо и тянуть руку не надо. На столе фишки с клеммами вариантов ответов. Включил правильно — молодец, неправильно... Автоматизация кабинета (движущийся милиционер, мигающий светофор, светящиеся дорожные знаки и еще многое другое) — дело рук Терновского и его воспитанников. Они участники ВДНХ, и среди них бывшие отстающие. Кто их в Москву пустил бы с двойками? И все подтянулись.

Из школы я ехал на машине. Ее вела ученица 10-го «Д» Смирнова Света. И я ничуть не боялся. Я заранее заглянул в ее дневник. У нее за автодело пятерка.

P.S. КОШКИНА В ЭТОЙ ШКОЛЕ ТОЖЕ НЕ БЫЛО.

ПРОДЛЕННЫЙ ДЕНЬ

В школе № 13 группа продленного дня особенная. В этой группе все учатся учиться. Она для всех, кто хочет побольше получить в школе знаний. Многие из бывших троечников и двоечников давно уже стали пятерочниками, а из группы не уходят. Они

здесь не только учатся, но и играют.

Из группы никого не отчисляют (хотя этим иногда и попугивают, как самым страшным наказанием), наоборот, еще и зачисляют... в секцию самбо при районном отделении милиции. Туда без рекомендации Юлии Алексеевны Егоровой, возглавляющей группу, не попадешь. В группу просятся и из других школ (наслышались рассказов). А иногда и «чужие» мамы приходят просить: «Возьмите, ради бога, моего шалопая!»

Николенко Саша, 6-й «А». Дома скучно, никто не помогает, и все время хочется гулять. А здесь весело и... телевизора нет. А то придешь домой, сядешь у экрана, так и сидишь, пока родители не прогонят.

Матросов Витя, 6-й «В». Здесь, если что не понимаешь, всегда есть у кого спросить. Отличники иногда даже хуже объясняют, да и стесняешься их. А тут все свои... Продленная группа, как сводный пионерский отряд.

КОШКИНА ЗДЕСЬ ЯВНО НЕ НАЙТИ.

* * *

Медленно брел автор по городу. Он обошел уже много школ, но с Кошкиным так и не встретился. Да и в этом ли городе, где так неуютно всем отстающим, жил Кошкин?

Здесь только сверхубежденный двоечник мог бы остаться самим собой. В Кировограде за успеваемость болеют все: и учителя, и родители, и директора заводов, а главное, сами ученики. И нет «камчаток»: «неуспевающим» предоставлены первые парты и соседство с отличниками. И никто не считает отстающих обреченными и не твердит им, что они «всесоюзный позор». Пытаются найти их сильные стороны, их увлечения. И не пытаются поломать характер, порой упрямый, нелегкий.

Так думал автор, стоя на углу улицы Шевченко и проспекта Маркса.

— Вы еще не уехали?

Передо мной стояла Оленька Смоленцева.

— Нет, Оленька, я еще не уехал. Мне еще надо найти здесь одного человека.

— Давайте я вам помогу!

— Нет, Оленька, я лучше уж сам...

Она протянула мне букетик каких-то цветов, названия которых я не знал. (У меня в школе была четверка по ботанике.)

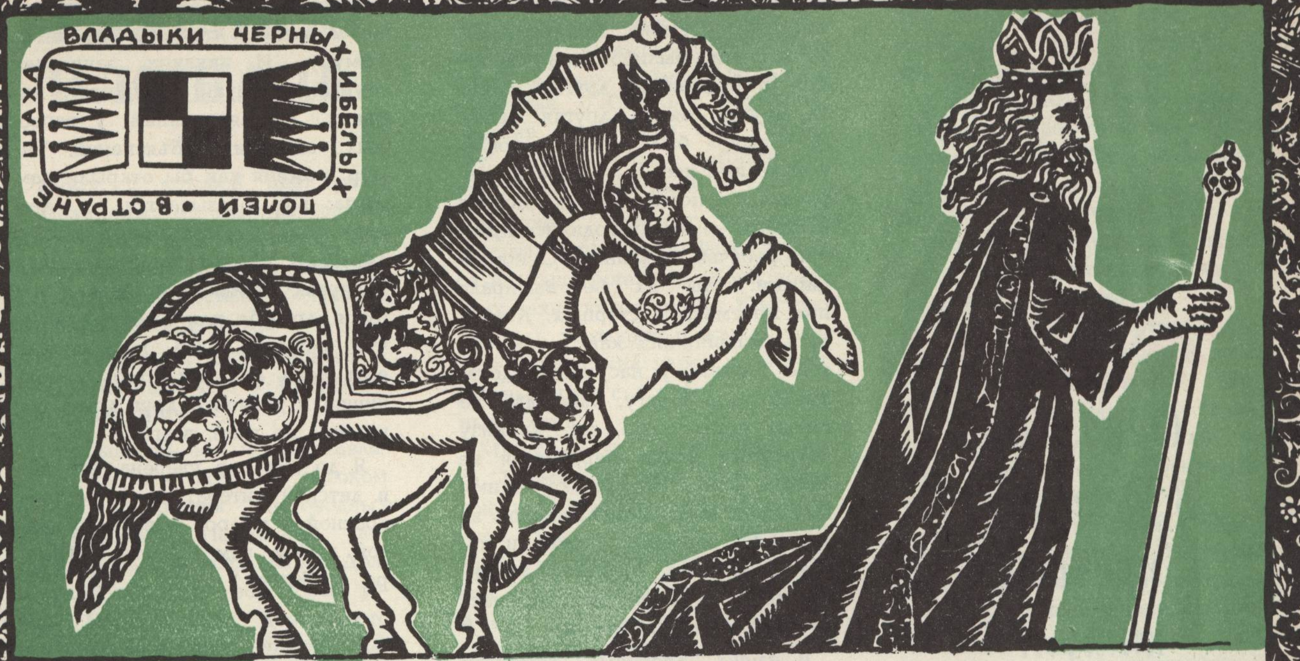
— Подожди меня,— попросил я и пошел за мороженым.

Когда я вернулся, Оленьки уже не было. Она бежала по другой стороне улицы. Я долго смотрел ей вслед и ел мороженое. Сразу из двух стаканчиков.

По-моему, она гналась за Кошкиным.

Автору было очень обидно, что никто из директоров школ не помнил фамилию последнего второгодника. Так недолго забыть и фамилию последнего неуспевающего! Поэтому автор предлагает свой личный проект памятника последнему неуспевающему.

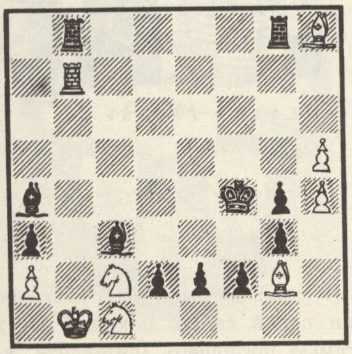

ПЕШКИН НА АРЕНЕ ЦИРКА

Да, да, не удивляйтесь. Пешкин — отличный укротитель шахматных слонов и лихой наездник. Он объезжает даже неукротимых шахматных коней.

Сейчас Пешкин покажет вам свое искусство. Смотрите внимательно!

Видите, как далеко прорвались черные пешки. Еще один шаг, и три из них собираются превратиться в ферзей. Но... горячие кони Пешкина показывают чудеса.

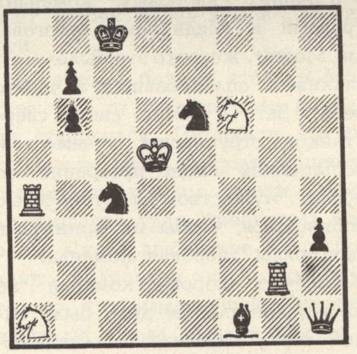
1. Кd3 + (только не 1. К : e2). Почему? Определите это сами.

1... Крf5 2. Кe3 + Крe6 3. Кf4 + Крd6 4. Кf5 + Крc5.

Кони Пешкина преследуют черного короля. Спасаясь от них, король совершает путешествие по шахматной доске. Путешествие продолжается восемь ходов. В конце концов король снова прибывает на роковую клетку. f4. Ничья.

Чудо-кони выручают славного наездника и в следующем положении.

Белые кони хитро маневрируют, и черный король нигде не может найти себе пристанища. После 1. Лa8 + Крc7 2. Кe8 + Крd7 3. Кf6 + Крe7 4. Кg8 + Крf7

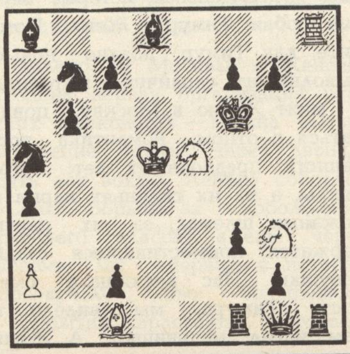

5. Кh6 + Крf6 6. Кg8 + Крf5 7. Кe7 + Крf4 8. Кg6 + Крe3. Казалось бы, ему удастся скрыться.

Но на помощь Пешкину выскакивает из засады конь a1. 9. Кc2 + Крd3 10. Кb4 + Крc3 11. Кa2 + Крb3 12. Кc1 + Крb4 13. Кa2 + Крb5 14. Кc3 +

И снова черный король возвращается к исходному рубежу.

А теперь сами проложите на шахматной карте маршрут черного короля с поля f6... на поле f6. И здесь белые кони преследуют и теснят вражеского короля на протяжении шестнадцати ходов, и, несмотря на громадный материальный перевес, черным не удается добиться победы.

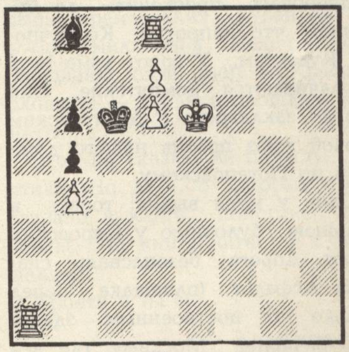

Но Пешкин не хочет раскрывать вам тайну этих шестнадцати ходов. Найдите их сами.

ПАРТИИ И ЗАДАЧИ РЕБЯТ

Пешкин уверен, что все его друзья уже играют в школьных турнирах клуба «Белая ладья». Если у вас еще не начался турнир, торопитесь, добивайтесь права выступить в новом (шестом) финале всесоюзных соревнований «Белая ладья».

Присылайте Пешкину интересные партии из школьных турниров, задачи, которые вы сами составили.

И, кстати, Пешкин предлагает вам решить задачу **Вити Ведиборенко,** семиклассника из школы № 65 города Оренбурга.

В этой позиции белые, начиная игру, дают мат в три хода.

Пешкин ждет ваших писем.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ

А теперь, ребята, проверьте ваши решения конкурсных заданий Пешкина.

Журнал № 6. Двухходовка — 1. a4!; этюд — 1. e6 Кc6 2. e7 + К : e7 3. Кf4 Кc5(d4) 4. Крh8.

Журнал № 7. Трехходовка — 1. Лf1! Основной вариант 1... С : f3 2. Сg1.

Журнал № 8. Трехходовка — 1. Крd6 Крa6 2. Крc7.

Однажды в детстве я прочитал книгу...

С клеенчатой бабушкиной кошелкой, с трешкой в кулаке стою в воротах своего дома. Как добраться до ближней булочной на углу Девятинского? С Девятинским у нашего двора война. Там не поглядят, что девчонка. Девчонки — тоже боевая единица, да еще какая!

Нет, через Девятинский мне в одиночку не прорваться. Может, попробовать проскочить до булочной, что напротив Колпачного? Куда там... У ворот дома № 5 околачиваются домпятские. Они вчера заключили с Девятинским боевой союз против нашего дома № 6 по Потаповскому.

Один у меня выход: топать в дальнюю булочную у Кировских ворот. Дорога безопасная: сначала Асфальт (площадка перед только что построенным зданием «Вечерней Москвы», где вся ребятня из нашего вымощенного булыжником переулка катается на самокатах и скачет через веревочку), а потом Телеграфный переулок, страна отдаленная, с ней ни мира, ни войны — ничего: идешь и никто даже не взглянет.

В то утро, возвращаясь из дальней булочной, я вытащила из почтового ящика «Пионерскую правду» с началом повести «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара.

До «Тимура» я читала «РВС», «Дальние страны», «Военную тайну». Особенно мне нравилась «Военная тайна», вожатая мне нравилась, Натка. Но все равно те книжки были от меня на каком-то отдалении: другие ребята, другие места, другая жизнь. А «Тимур» был написан точнехонько про нас. В московских переулках, в подмосковных дачных поселках — всюду водились крепкие ребячьи компании. С командирами. Мы их не выбирали под присмотром старших. Командиры выдвигались как-то сами по себе. Помню, у нас один, доказывая свою отвагу, однажды на глазах всего двора по карнизу четвертого этажа перебрался из окна в окно. Но только такими штучками первым мальчишкой во дворе не станешь. Нужен и характер волевой, и умение командовать, и, главное, умение брать на себя ответственность.

В наших дворовых командах трусами и ябедниками брезговали. Может, жестоко это было — отталкивать сплоховавших в чем-то ребят. Зато я помню своих сверстников, струсивших в чем-то и испытавших общее презрение, но после мужеством и стойкостью добившихся, чтобы их приняла в свои ряды дворовая команда.

Конечно, дворовая команда не только воевала. Ее дело было зимой горку сложить и залить, помочь дворнику весной очистить двор, летом полить улицу из шланга. А главное, справедливость дворовую держать: не давать в обиду малышей, в складчину покупать футбольный мяч или мячик для лапты. Да мало ли во дворе общих дел... Только вот до шефства над семьями бойцов и командиров Красной Армии, как Тимка Гараев, мы не додумались.

Тимка Гараев... В тот год ребята из нашей команды уже подростками становились. И для нас в повести Гайдара открылась удивительная история первой любви: Тимур и Женя... Помните, как Тимур поздно ночью выводит из сарайчика мотоцикл и мчит Женю в Москву, повидаться с отцом. Романтика тогдашних предвоенных лет: мотоциклы, а на их сиденьях парни в кожаных шлемах, за их плечи держатся примостившиеся сзади девушки. Нас восхищала смелость Тимура, мы видели в нем идеал мальчишки. А Женя тоже смелая, справедливая — не мудрено, что она нравится Тимуру. И никаких записочек глупых: «Давай дружить», никаких обезьянничаний у взрослых: свиданий, объяснений. Тимур и Женя как бы открыли нам глаза: вот, оказывается, в чем настоящая дружба мальчишки и девчонки, а мы-то на школьных диспутах столько нагородили чепухи: дружба или любовь, как и что называть. Но не в словах ведь дело, а в том, чтобы мальчишке и девчонке друг друга понимать: во всем, всегда...

Я до сих пор уверена, что нет в детской литературе более прекрасной и мудрой повести о первой любви, чем повесть о Тимуре и Жене.

У нас во дворе не отыскалось ни одной семьи, похожей на ту семью погибшего лейтенанта, которой помогают Тимур и его команда. Не отыскалось в тот год — 1940-й,— когда мы прочли повесть Гайдара.

А потом началась война, и кончилось наше детство. И уже другие ребята, немногим младше нас, пришли на помощь семьям фронтовиков, а значит, и тем семьям, откуда один за другим уходили на фронт мои ровесники, первые читатели Гайдара, такие же ребята, как Тимур... Уходили они, а на дверях квартир появлялись красные звезды... Началось детское тимуровское движение, огромная работа тысяч тимуровских команд, миллионов ребят.

Ирина СТРЕЛКОВА

ГЛАВНАЯ ПЛОЩАДЬ

Книгу, о которой идет речь, создали опытные мастера радиорепортажа, люди, сумевшие сделать миллионы слушателей участниками и свидетелями многих разнообразных событий.

Это книга **И. Дубровицкого** и **В. Орлова «ВСТАНЬ У КРЕМЛЕВСКОЙ СТЕНЫ».**

Раскрываешь ее... и представляется, что ты стоишь на высоком берегу у слияния многоводных рек Москвы и Неглинной, там, где суздальский князь Юрий Долгорукий поставил свой новый город. Под стенами деревянного Кремля шумит торг. Гусляры сла-

вят подвиги богатырей, гудочники веселят народ, скрипят телеги, ржут некованые лошади...

Побыть бы подольше тут, побродить в толпе, послушать, о чем толкуют люди. Но комментаторы спешат. События торопят рассказ, а рассказать есть о чем...

Грозные тучи собрались на Востоке. Ринулись на Русь несметные орды татаро-монгольских кочевников. Горят русские города, горит Москва... Десятилетиями, веками русский народ гнет спину под игом завоевателей, платит непосильную дань, а тем временем копит силы и ждет часа расплаты.

И вот грянула Куликовская битва.

Торжественным звоном колоколов встречает Москва дружины Дмитрия Донского, разбившего полчища хана Мамая. И новый каменный Кремль воздвигла, сбросив вражеское иго, Россия, тот самый Кремль, который выстоял и до наших дней.

Крепнет, богатеет, хорошеет Москва. Теперь уже Запад зарится на наше богатство. Кони польских захватчиков топчут Красную площадь, полыхают пожары в Москве, но русский народ и на этот раз выгоняет с позором непрошеных гостей.

Мчатся годы, десятилетия, века. Теперь уже царь Петр дубинкой выколачивает из боярской Руси лень, темноту, косность. Кровь казненных стрельцов рекой льется по Красной площади. А еще через десять лет древняя первопрестольная Москва склоняет голову перед новой столицей.

В те годы потише стало в Москве. Год от года шумнее и краше становился Петербург. Но не к берегам Невы, а сюда, в центр страны, к древним стенам Кремля направил удар победитель Европы. Снова вражеские кони цокают подковами по булыжнику только что вымощенной Красной площади. Снова пылает Москва... Тогда впервые взоры всего мыслящего человечества обратились к Московскому Кремлю, туда, где в огне московского пожара сгорела слава «непобедимого» Наполеона.

Репортаж продолжается. Шаг за шагом ведут нас авторы книги по ступенькам истории, задерживая взор только на самом интересном, самом главном, на том, без чего не было бы Москвы, России, не было бы славных побед нашего народа.

...Бурлит Россия. Катятся по стране волны народных восстаний, зреют умы борцов за наш сегодняшний день.

Далеко от Москвы, в Женеве, создана первая организация русских марксистов — группа «Освобождение труда». Через двенадцать лет вокруг Ленина собрался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а еще через восемь лет впервые в истории прозвучало слово «большевик».

События нарастают: разгорается первая мировая война. Партия большевиков, загнанная в подполье, растет и крепнет. И вот падает царский трон.

7 ноября 1917 года крейсер «Аврора» передает в эфир исторические слова: «Всем, всем, всем. Власть в России перешла в руки революционного народа».

Победа! Засучив рукава, советский народ берется по-новому переделывать свою страну.

Перелистываешь страницы книги, и встает перед глазами панорама великих свершений. План ГОЭЛРО... Легендарный поход «Челюскина»... Героический перелет через полюс... Новые шахты, домны, заводы...

Но наступил черный 41-й год. Затемненная Москва. Памятный парад, участники которого прямо с Красной площади пошли в бой. Четыре года сражений — и вот Красное знамя над рейхстагом. И новый парад. Двести фашистских знамен, брошенных к подножию Кремлевской стены, на мостовую Красной площади.

Новые рубежи преодолевает советский народ. Победа над силами атома. Человек в космосе. Хлеб целины, Красноярская ГЭС...

События огромного масштаба! И каждый раз, когда весть о них разносится по миру, мир вспоминает Москву, вспоминает россыпь кремлевских курантов, и сотни миллионов людей снова обращают свой взор к Красной площади — главной площади планеты.

Это не сказка, не повесть, не стихи. Но дела, о которых рассказано в книге, поистине сказочны. Эта книга читается с волнением.

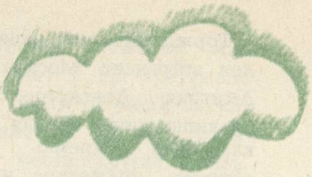
Прочти и ты ее.

А. НЕКРАСОВ

ХЛЕБ –

Н. ЕЛИСТРАТОВА

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Освещенная солнцем школа стоит на обрывистом берегу Москвы-реки. Сразу за ней начинается лес. Ребята говорят, что в этом лесу много ягод, грибов и орехов и что по субботам в лес приезжают москвичи, чтобы оставить здесь свою городскую усталость. Около школы — многолетние липы, и на каждой ко Дню птиц ребята повесили скворечники. Во дворе — клумбы с цветами. Одно удовольствие в такой школе учиться!

Больше часа ходим мы с Сашей по школе, и он рассказывает мне о школьных делах, показывает актовый зал, пионерскую комнату, выставку рисунков.

— Давай теперь в буфет заглянем,— говорю я ему.

— На «ледовое побоище» полюбоваться хотите? — смеется он.

«Буфет как буфет»,— подумала я. И при чем тут «ледовое побоище»? На окнах — занавески в горошек. Пыхтит, закипая сияющий титан, и за витриной — горы плюшек, ватрушек, булочек с маком, кексов...

СКОЛЬКО НИ ДУМАЙ, А ЛУЧШЕ ХЛЕБА-СОЛИ НЕ ПРИДУМАЕШЬ.

Раздался звонок, и тотчас в буфет ворвались ребята. Мальчишки, расталкивая девочек, пробирались вперед. В хвост беспокойной очереди робко вставали тихие первоклассники.

Я со страхом смотрела на мальчишек, когда они, как жонглеры в цирке, пробирались к столикам. Но нет! Никто ничего не разбил, не уронил, не расплескал. Вон тот, высокий,—настоящий талант! Ухитрился донести до столика два стакана горячего чаю и три кекса.

Хлоп! Хлебный шарик, направленный меткой рукой, угодил в первоклассника.

Бац! Второй шарик попал в девочку в самом конце очереди.

— Шестой «А» разбушевался,— сообщает буфетчица Валя.

Прозвенел звонок, и в буфете остались только Валя и я. Мы грустно смотрели на опустевшее «поле боя».

Талантливый жонглер и меткий стрелок не доел кекс, и он сиротливо валялся под столом. На голубых столах в лужицах от чая и кофе плавали булочки, плюшки, ватрушки, бублики...

БЕЗ ХЛЕБА, БЕЗ СОЛИ ХУДАЯ БЕСЕДА. ХУД ОБЕД, КОЛИ ХЛЕБА НЕТ.

После уроков я заглянула в один из классов. Ловко орудуя вениками, ребята выметали из-под парт корки хлеба, недоеденные бутерброды. Они очень удивились, когда я спросила, почему это они выметают хлеб вместе с мусором:

— А кому он нужен?

...Летом по заданию редакции я ездила в пионерский лагерь. Вечером мы с ребятами разожгли костер и долго сидели, глядя на чуть потрескивающий огонь, и тихонько пели. Коля сидел у костра молча. Задумавшись о чем-то, он отламывал от горбушки кусочки черного хлеба, бросал их в пламя, и хлеб, словно от боли, вздрагивал, съеживался и, почернев, умирал.

Я схватила Колю за руку:

— Что ты делаешь? Это же хлеб!

Он, смутившись, оправдывался:

— Я просто так, машинально!

ХЛЕБ ХЛЕБУ БРАТ. ЗА ХЛЕБОМ ВСЕ ДОБРО.

Тогда мне вспомнилась моя школа. Мы пришли в нее сразу же после войны. Двор был завален обломками кирпичей и штукатуркой — в одно крыло школы попа-

Рисунки А. БОРИСОВА

ВСЕМУ ГОЛОВА!

ла бомба. В нашем пятом классе училось сорок восемь человек. Ребята были худенькие, слабые и часто болели. Буфета не было, и мы приносили из дома завтраки — кусок черного хлеба, намазанного тонким слоем маргарина. Каким вкусным казался нам тогда этот бутерброд!

КАЛАЧ ПРИЕСТСЯ, А ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ НИКОГДА.

Сегодняшним ребятам трудно представить, что значит жить без хлеба. Захочешь свежего, теплого хлеба, вкусную булочку с изюмом, бублик или рогалик — пожалуйста! Ешь на здоровье!

Тебе никогда не придет в голову выбросить любимую, старую книгу — ты заботливо подклеишь ее и поставишь на полку. И платье, если случайно порвалось, зашьешь аккуратно. А черствый, недоеденный хлеб ты часто выбрасываешь.

— Подумаешь! Пойду и еще куплю. У нас хлеб дешевый.

Такие слова я услышала в той самой подмосковной школе, о которой я рассказывала вначале. Ребята этой школы сажают в школьном дворе цветы — без цветов двор был бы унылым, они делают скворечники — прилетели говорливые птицы, и сразу стало веселее, но на самом деле не любят они природу, если не умеют беречь самое драгоценное ее создание — хлеб.

Как справедливы слова великого русского ученого К. А. Тимирязева о хлебе! Он говорил, что хлеб — это сгусток солнечной энергии, хлеб связывает человека с солнцем, дает человеку жизнь.

ПОКУДА ЕСТЬ ХЛЕБ ДА ВОДА — ВСЕ НЕ БЕДА.

ЛЮДИ ЖИВУТ НЕ НЕБОМ, А ТРУДОВЫМ ХЛЕБОМ.

А вот что рассказывают ребята из других школ. Летом они работали в поле, помогали убирать урожай.

Летом я была в пионерском лагере, и мы помогали колхозу — собирали колоски. Работали мы много: после завтрака, потом после обеда до ужина. И так шесть дней. После работы мы всегда были такие голодные, что просили добавки, и хлеб расхватывали. А раньше что было? На полу валялись эти куски хлеба. Какой позор!

ЩЕРБАКОВА *Оля,* **7 А, школа № 35, Москва.**

Я был в деревне у бабушки с дедушкой. Неподалеку от нашего дома большое поле. Рожь созрела, и пришла пора ее убирать. Я сидел со своими друзьями на берегу реки. К нам подошел бригадир и сказал:

— Завтра рожь убирать начнем, приходите помогать.

Рано утром мы пришли на поле. Бригадир дал нам лопаты, и мы с другом залезли в кузов машины и стали разравнивать зерно. Весь день мы работали, только поздно вечером, усталые, пошли домой.

На следующий день мы работали на веялке. На руках появились мозоли. Только тогда я понял, сколько труда нужно вложить в каждое зернышко.

А ночью мне снилось поле, и я думал о тех людях, которые кормят всю страну.

ГЛИННИКОВ *Миша,* **5 В, школа № 35, Москва.**

Мои бабушка и дедушка — потомственные хлеборобы. Летом меня бабушка всегда брала с собой в поле, приговаривая: «Не поработаешь, не поешь».

И отец мой, шофер, рассказывал, как он, рискуя жизнью, вез хлеб через Ладогу в блокадный Ленинград.

Я люблю смотреть, как бабушка печет хлеб. Когда хлеб готов, она всегда кладет его на чистый рушник. Хлеб румяный, горячий. Он пахнет травами и полевыми цветами. Один раз я спросила бабушку: «Почему ты кладешь хлеб на чистый рушник?» И она ответила: «Это уважение к труду всех людей. Хлеб — всему голова».

КУВШИНОВА *Марина,* **7 А, школа № 714, Москва.**

Летом я видел, как работает мой знакомый комбайнер. Он взял меня на комбайн. Загудел мотор, и комбайн прошел первый круг. Было жарко, пот лил с комбайнера ручьями, но он не останавливал машину. Я проработал с ним до самого вечера и увидел, сколько труда вкладывается в уборку хлеба. В хлеб добавляют соль. Соль эта — капля соленого пота хлеборобов.

КУКОБИН *Андрей,* **5 А, школа № 35, Москва.**

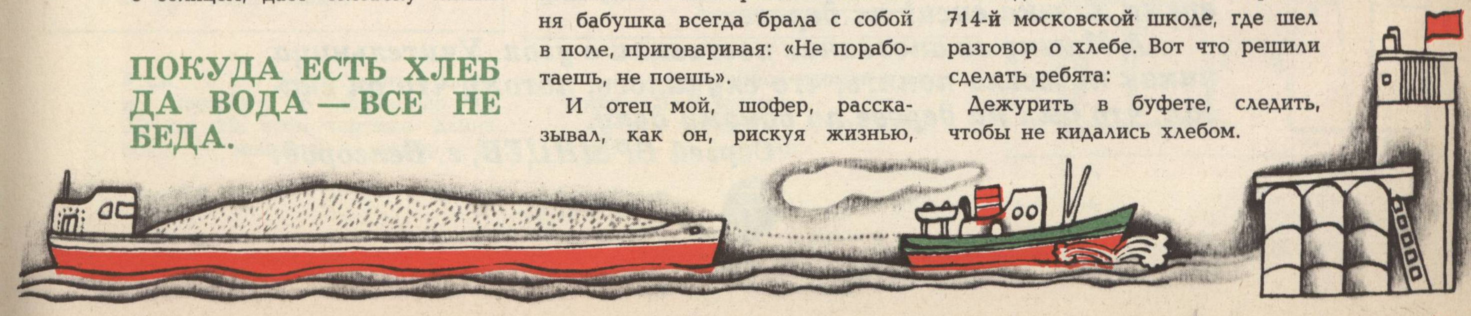
Наши ребята не знают, что такое голод. У нас хлеб дешевый, хлеба хватает всем. А я читала, что во многих странах дети умирают в пять-шесть лет от недоедания. Хлеб надо беречь.

ХБРОМСКАЯ *Галя,* **6 В, школа № 35, Москва.**

...Недавно я была на сборе в 714-й московской школе, где шел разговор о хлебе. Вот что решили сделать ребята:

Дежурить в буфете, следить, чтобы не кидались хлебом.

Дома экономить хлеб.

В буфете развесить рецепты, что можно сделать из сухого хлеба, пословицы, поговорки, стихи о хлебе.

Собирать хлеб, который остается, и отдавать его в соседний совхоз.

В младших классах провести сборы, рассказать ребятам о хлебе.

Помогать совхозу в каникулы работать в поле.

...В нашей стране десятки тысяч школ, и дело каждого пионера по-хозяйски относиться к хлебу, беречь его.

...На столе у меня свежий, только что испеченный каравай хлеба нового урожая — живая связь тысяч людей: ученых, выводивших новые высокоурожайные сорта пшеницы, рабочих, создававших тракторы и комбайны, агрономов и пахарей, шоферов и продавцов — всех, кто вложил в этот каравай свой труд. Недаром издавна у нас существует обычай — встречать гостей самым дорогим, что есть на земле,— хлебом-солью. И в наш герб вплетены колосья — богатство нашей Родины, наше богатство.

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ,

ПРЕДЛОЖЕННЫЕ РЕБЯТАМИ КУНЦЕВСКОЙ ШКОЛЫ

Ребята 714-й московской школы предлагают несколько полезных советов:

Чтобы хлеб не черствел, в эмалированную кастрюлю или хлебницу, в которой хранится хлеб, положи разрезанное пополам яблоко или очищенную картофелину. А чтобы хлеб не плесневел, хлебницу почаще промывай горячей водой.

Черствый хлеб можно сделать мягким, если слегка смочить его водой и на несколько минут положить в духовку.

Чтобы мягкий хлеб не крошился, лучше резать его подогретым на огне ножом.

Никогда не жадничай! Покупай столько хлеба, сколько нужно семье на день. А если хлеб остался, его можно пустить в дело: сделать сухарики, квас, панировочные сухари.

Сухарики

Нарежь черный хлеб небольшими кусочками, чуть-чуть посоли и поставь в духовку на двадцать минут — очень вкусные получатся сухарики.

Квас

Килограмм черных сухарей нужно залить тремя литрами кипятка и оставить на два дня. Потом слить настой и процедить его. В этот настой влить 25 граммов разведенных в воде дрожжей, положить сто граммов сахарного песку, размешать и дать бродить сутки. Потом разлить квас по бутылкам (бутылки пробками закрывать не нужно). Если есть изюм, можешь в каждую бутылку положить изюминки и поставить бутылки в холодное место. Квас готов!

Белый черствый хлеб натри на терке — вот и готовы панировочные сухари, в которых можно жарить и котлеты, и рыбу, и мясо, и капусту.

Из белых молотых сухарей можно сварить вкусную кашу. Варится она точно так же, как манная, только вместо манки берутся молотые или толченые сухари.

САМИ О СЕБЕ

СПАСЕНИЕ ПЕРВОКЛАССНИКА

Между ветвей единственного в школьном дворе дерева застрял первоклассник. Он зацепился рубашкой за сучок и никак не мог спуститься на землю. Я стоял вместе со всеми внизу и зубоскалил:

— Чего он там потерял?

— Мишка полез мою фуражку доставать, я ведь совсем не умею лазить по деревьям,— объяснял Мишкин приятель в белом отглаженном воротничке.

Прозвенел звонок, и все убежали. Мишка там наверху пыхтел, краснел от обиды, но на помощь никого не звал. Я тоже побежал вместе со всеми в класс, да потом вернулся... Снял Мишку с дерева. И дал подзатыльник, чтоб знал... Я из-за него на урок опоздал. Зато на уроке мне было спокойно. Представляю, как бы я ерзал, если бы знал, что все это время Мишка висит на дереве.

А Мишку за опоздание поставили в угол. Учительница никак не могла понять, что случилось, потому что он сказал, что был на дереве по одному делу.

Сергей БРЫНЦЕВ, г. Белгород.

— Скоро Новый год! — сказал Алеша обиженно. — И опять ты, Калинка, придумаешь Марине и Лёке новые платья, а мальчишкам нет.

— Лёке и Марине платья придумаю, да они сами их и сошьют, а вам, мальчишкам, все на тарелочке принеси — ткань выбери, да купи, да сшей, да еще докажи, что это модно.

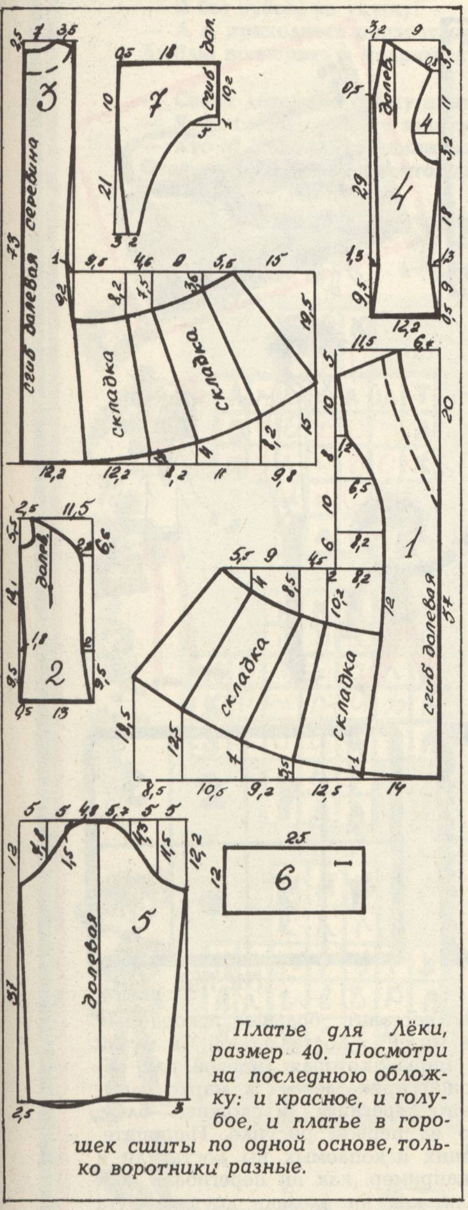
— Мы с Бобом Сухаревым решили все делать сами,— выпалил Алеша.

— Ну, если решили... Пожалуйста... Выбирай. Костюм с курткой или пиджаком, причем брюки шьются по очень интересной «квадратной» системе.

Выкройку брюк в натуральную величину построишь на миллиметровке или на гладкой бумаге, расчерченной на равные квадраты 5 см × 5 см. Такой чертеж можно построить с точностью до 0,3 см. На этом чертеже длина брюк — меньший размер — 40 (длина 90), больший — 44 (длина 95). Куртку и пиджак стройте по обычной нашей системе. Припуски на швы на чертеже не указаны, при раскрое прибавь на подшивку 5 см, на открытые швы 2 см, на скрытые 0,7 см.

Для брюк можно взять лен с лавсаном, шерсть. Для куртки—болонью, лен с лавсаном, шерсть, искусственную замшу или кожу, сукно, вельвет.

Обязательно продекотируй ткань, прогладив ее через мокрую х/б ткань или марлю.

Платье для Лёки, размер 40. Посмотри на последнюю обложку: и красное, и голубое, и платье в горошек сшиты по одной основе, только воротники разные.

КУРТКА И БРЮКИ

(размер 40, объем груди 80 см, объем бедер 88 см, длина куртки по спинке 50 см).

Детали:

1—2 — задняя и передняя половинки брюк — по 2 детали;

3—4 — подкройной карман и откосок — по 2 детали;

5—5а — передняя половинка куртки — по 2 детали;

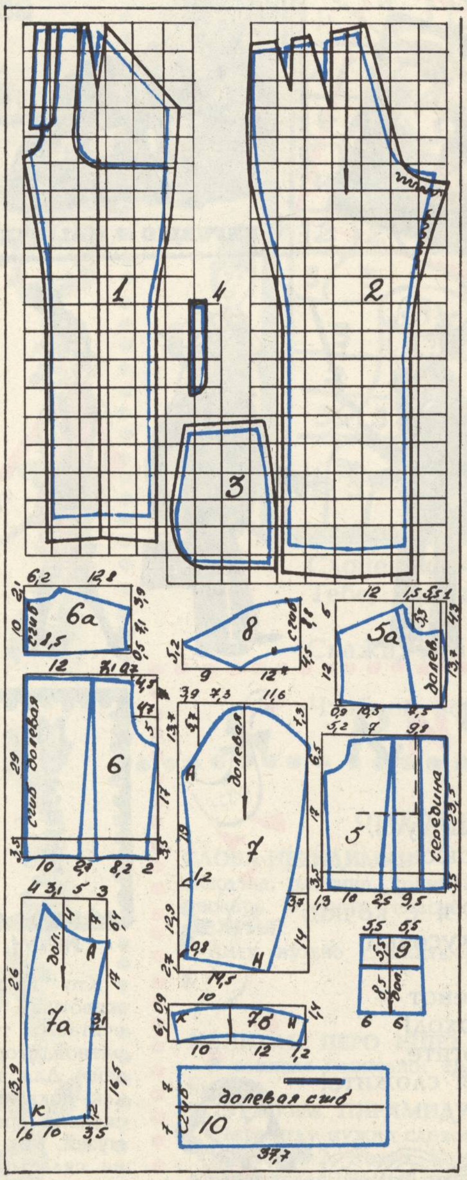
6—6а — задняя половинка куртки — по 2 детали;

7—7а—7б—рукав — по 2 детали (7б — манжета);

8 — воротник — 4 детали;

9 — карман — 2 детали;

10 — пояс — 2 детали.

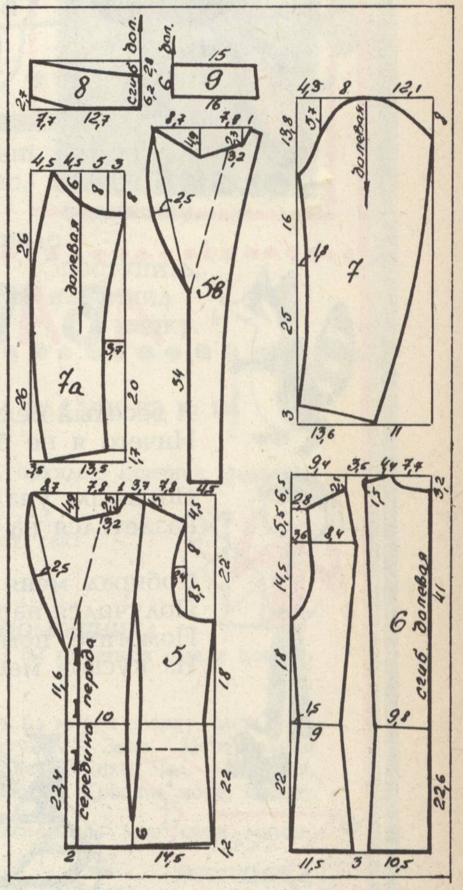

Подкладку выкрои по тем же лекалам, но без припусков на швы. **Сметай последовательно все швы и детали:** рельефы, линии кокеток, подборт, боковые и плечевые швы, рукава; приметай воротник, карманы и пояс. **После примерки стачиваем все швы.** Не забывай постоянно работать утюгом: отутюживать все сострочённые швы.

Шьем брюки. На передних половинках брюк отмечаем ниткой линию центра. **Сметываем и застрачиваем вытачки,** приметываем подкройной карман к передней половинке брюк. Следующий этап — **влажно-тепловая обработка** с помощью горячего утюга и влажной тряпки. Передние половинки сгибаем по линии центра и **заутюживаем стрелку,** сутюжив под коленом в области голени по шаговому и боковому швам. В задней половинке **оттягиваем утюгом шов сидения** (слонку), помеченный на чертеже волнистой линией.

Далее складываем заднюю половинку (отдельно левую и правую), **совмещая боковой шов с шаговым, и заутюживаем стрелку, оттянув ее в области голени, а шаговый и боковой швы там же сутюживаем.**

(Продолжение на последней обложке).

Игры Лупы и Пинцета

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ

Все на раскопки!

Польские палеонтологи обнаружили редчайшие, хорошо сохранившиеся останки древнейших ископаемых животных. Вы тоже можете принять участие в раскопках.

Нарисуйте на бумаге, а потом вырежьте блок из восьми марок: первая марка будет музеем, на остальных по порядку нарисованы: 1) ихтиозавр, 2) диплодокус, 3) тарбозавр, 4) эласмозавр, 5) ихтиостега, 6) археоптерикс, 7) птеродактиль.

АВАРИЯ

Я веселый белый гусь,
Ничего я не боюсь.

Но вчера упал я с кочки,
Разлетелся на кусочки.

Собирал меня енот —
Получился пароход!
Помогите, помогите,
Из кусков меня сложите!

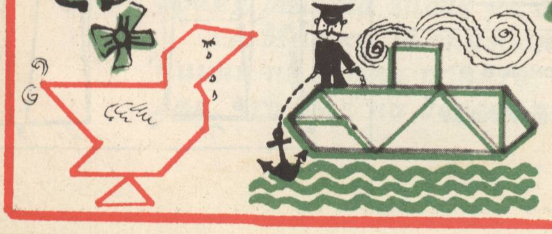

РИС. №1.

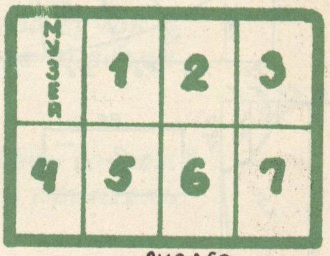

РИС. №2.

Кто из вас доставит больше ископаемых животных в музей? Доставленной в музей считается та марка, которая лицевой или обратной стороной прикасается к марке «музей». Для этого перегните и сложите блок, как показано на первом рисунке. Напишите, сколько древних ископаемых вы доставили в музей. Мы, например, как ни перегибали, как ни складывали, как ни вдевали друг в друга сложенные части блока, так и не смогли ввести в музей марку, на которой нарисована упрямица ихтиостега. Очень долго пришлось нам повозиться с археоптериксом и птеродактилем. Но в конце концов мы одержали победу. Желаю вам успеха!

ЛУПА И ПИНЦЕТ

I
— Мне пишут зайцы и слоны.
— Мы у квадрата все равны.
— Не верят кексы и коврижки,
Что свой портрет я видел в книжке.

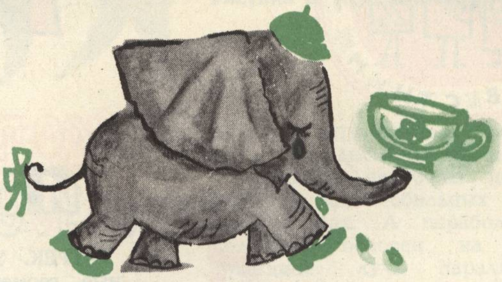
II
— Из Тикси в Мурманск я спешу.
— Я без зубов, но укушу!
— А я, приходится признаться,
Люблю поспорить и подраться!

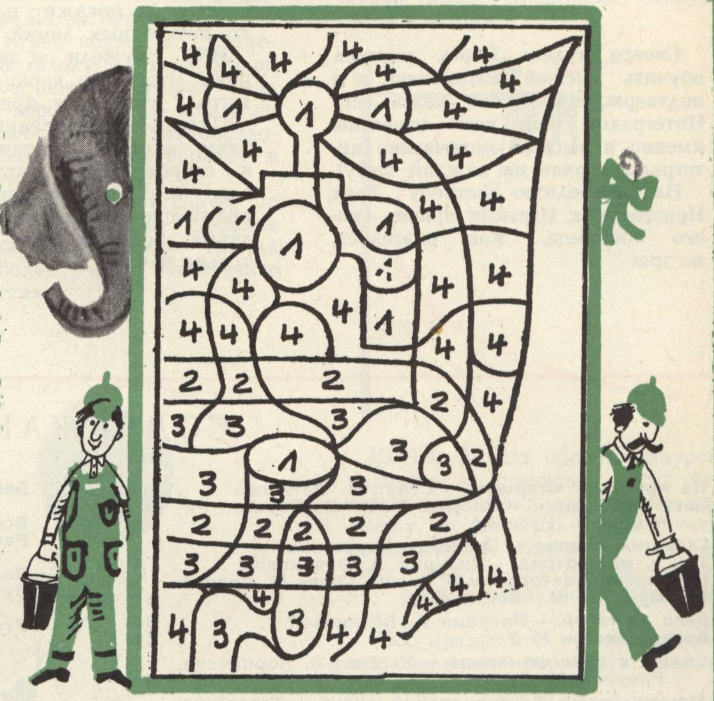
III
— Своих детей я в сумку прячу.
— Я «икс» зову решать задачу.
— Кто я? Подумайте немножко,
Ответ подскажет вам картошка.

Слонёнок хочет пить

Слоненок очень хочет пить,
Тебе, конечно, жаль бедняжку.
Скажи, как надо поступить,
Чтоб он водой наполнил чашку.

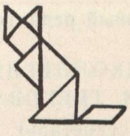
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

шоколад, плотина, колибри, орхидея, причина, редиска, пескарь, оркестр, спасибо.

АВАРИЯ!

Лису нужно сложить вот так:

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

В записке написано: «Да, ты годишься мне в помощники!»

ШТУРМУЕМ ПИРАМИДУ

Пирамиду нужно сложить из марок сверху вниз так: 1. Габон. 2. Конго, Камерун. 3. Заир, Центральная Африканская Республика, Республика Чад. 4. Уганда, Судан, Ливия. 5. Кения, Эфиопия, Красное море, Египет.

Спасибо всем ребятам, приславшим мне свои моментальные снимки.

ЖИВЖИВКА

ИНТЕГРАЛ НА

КОЛБАСА И ПЛАНЕТЫ

Своего пуделя Игрек задумал обучить высшей математике и в подтверждение этого назвал его Интегралом (как всем известно, именно в высшей математике интегралы торчат на каждом шагу).

На очередную встречу Трех Неизвестных Игрек и привел своего любимца. Как оказалось, не зря!

ИГРЕК. У моего Интеграла явные геометрические способности. Сейчас он покажет нам несколько интересных линий.

ИКС. Неужели он знает геометрию? Что-то не верю. А ну, Интеграл, что такое прямая?

Пудель, оскорбленный недоверием, зарычал и натянул поводок в сторону Икса, наглядно показав, что отрезок прямой — это кратчайшее расстояние между двумя точками. Но это было только начало.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. П. БОРИСОВА. Макет А. А. АСТРЕЦОВА.

Сдано в набор 27/VIII 1973 г. А 02671. Подписано к печати 2/X 1973 г. Формат 84×60[1]/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2412. Заказ № 1160.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПРИВЯЗИ

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА

ИНТЕГРАЛ НА КАРУСЕЛИ

ИГРЕК. Смотрите, я прикрепляю вот это кольцо к ошейнику Интеграла. Линия, как известно,— это след движущейся точки, за точку мы и примем кольцо на ошейнике. Икс, воткни этот колышек в землю. Один конец веревки привязываю к колышку, другой — к кольцу. Интеграл, работай!

Пудель помчался, натягивая веревку. Посмотрите, какую кривую линию он показал.

ЗЕТ. Интеграл, конечно, бегает по окружности. Все знают эту линию.

ИГРЕК (удерживая пуделя за ошейник). Икс, воткни, пожалуйста, второй колышек. Я пропускаю веревку через кольцо на ошейнике, а освободившийся конец привязываю ко второму колышку.

Интеграл натянул веревку и стал бегать вот по такой линии.

ЗЕТ. Эта кривая называется **эллипс.** Точки, где стоят колышки, называются **фокусами** эллипса. Эллипс легко увидеть, стоит только наклонить круглый стакан с молоком, как показано на рисунке внизу.

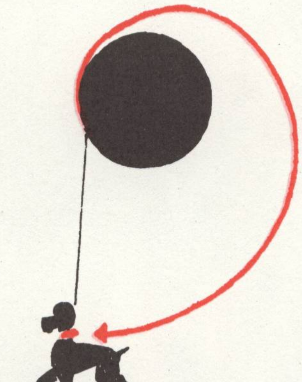
ИКС. Да, Интеграл, зря я в тебе сомневался. Не сердись.

Икс вытащил кусок колбасы и отрезал наискосок ломтик. Интеграл спокойно принял заслуженную награду, съел и громко залаял.

ЗЕТ. Он, видимо, узнал в ломтике колбасы все тот же эллипс. Это поистине замечательная кривая. Планеты, в том числе и наша Земля, движутся по эллипсам, в одном из фокусов которых находится Солнце. Если сделать бильярд в форме эллипса, поставить два шара в фокусах и ударить по центру одного из них, то он, отразившись от борта, обязательно ударит по второму шару. И лучи света ведут себя, как бильярдные шары: если изготовить эллиптическое зеркало и поставить какой-нибудь небольшой предмет в одном фокусе, то его изображение будет видно во втором фокусе...

— Гав-гав-гав! — вмешался Интеграл, предлагая перейти от слов к делу. Игрек подвел его к стоящей неподалеку круглой афишной тумбе, вокруг которой была намотана веревка. К ее концу он и привязал пуделя. Тот обрадовался работе, натянул веревку и стал бегать, разматывая ее.

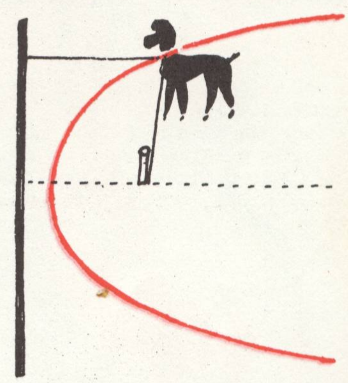
ЗЕТ. Интеграл бегает сейчас по линии, которая носит название **«развертка окружности».** Иногда говорят более учено: **«эвольвента окружности».**

ИГРЕК. Посмотрите, у меня в руках два одинаковых резиновых шнура. После долгой и упорной работы Интеграл научился двигаться так, чтобы шнуры все время были совершенно одинаково натянуты, имели одну и ту же длину. Пойдемте к той длинной и прямой стене. Видите, с самого начала я приготовил натянутую вдоль стены веревку, на которую надето кольцо. Я закрепляю шнуры на кольце ошейника. Один свободный конец привязываю к колышку, второй — к кольцу у стены.

ЗЕТ. Эта кривая называется **параболой.** Брошенный в воздух камень почти всегда летит по параболе, кроме того случая, когда его подбросили совершенно точно вверх. Если выстрелить на Луне из пушки, то снаряд тоже полетит по параболе.

Точка, где у нас вбит колышек,— фокус параболы. И если в фокусе параболического зеркала поставить лампочку, все лучи пойдут в одном направлении. Эта особенность параболы используется в автомобильных фарах, прожекторах. А параболический телескоп основан на другом принципе: лучи параллельного пучка после отражения собираются в фокусе...

ИГРЕК. А если один из шнуров удлинить с помощью куска бечевки и привязать ко второму колышку, то Интеграл будет бегать по **гиперболе.** Гиперболу школьники знают — это график обратно пропорциональной зависимости.

ИКС (радостно). Я придумал, как получить параболу, используя только **веревки.**

Икс смело подошел к пуделю, отвязал шнуры, пропустил веревку через кольцо на ошейнике. Один конец этой веревки он закрепил на колышке, а второй — на кольце, скользящем вдоль стены.

И точно — Интеграл стал бегать по куску параболы, которая оказалась направленной противоположно той, что показал Игрек.

ИКС. А теперь, дорогие ребята, вручаю вам на время моего Интеграла — может быть, с его помощью вы покажете нам новые интересные линии?!

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Рисунок
Т. ЛАРИОНОВОЙ

(Начало на 77-й странице).

Сметываем брюки, сначала боковые швы, потом шаговые, а потом слонку и бант (шов сидения).

После примерки сострачиваем швы, проглаживаем их и отстрачиваем вход в карман.

Приметываем и пристрачиваем пояс.

ПИДЖАК

(размер 44, объем груди 88 см, объем бедер 96 см, длина пиджака по спинке 63 см).

С пиджаком значительно больше работы, чем с курткой.

В борт, воротник, клапан и низки рукавов **поставь прокладку из плотной х/б ткани,** предварительно продекатировав ее. Под прорезь кармана, еще до обработки, **проложи долевик** (прямоугольный кусок 4 × 5 см прокладки, выкроенный по долевой нити).

После того, как проложишь прокладку, обтачаешь воротник, борт и клапан и вывернешь их, **выметывай края,** причем чем аккуратнее ты это сделаешь, тем лучше будет выглядеть пиджак. **Теперь проутюжь воротник, лацканы, борта и клапаны через мокрую ткань и вшей воротник в горловину.** Прострочи отделочной шаговой строчкой и выметывай петли.